

ISSN(online):2713-0584

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2022 • Том 3 • № 2-3

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

2022 • Vol. 3 • no.2-3

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Десятилетие
детства
The Decade
of Childhood
2018 - 2027

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2022 • Том 3 • № 2—3

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
2022 • Vol. 3 • no. 2—3

Московский государственный психолого-педагогический университет
Moscow State University of Psychology & Education

Социальные науки и детство

Главный редактор

Г.В. Семья, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Заместители главного редактора:

А.Ш. Шахманова, Институт педагогики
и психологии образования
ГАОУ ВО МГПУ, Россия
Э.Ш. Гарифулина, Благотворительный фонд
«Абсолют-Помощь», Россия
В.Н. Ослон, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Редакционный совет

Сопредседатели редакционного совета:

В.В. Рубцов, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Члены редакционного совета:

Л.Н. Антонова, ГОУ ВО МГОУ, Россия
В.А. Иванников, МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия
Т.И. Шульга, ГОУ ВО МГОУ, Россия

Редакционная коллегия

О.И. Волжина, Фонд поддержки детей,
находящихся в трудной
жизненной ситуации, Россия
В.Л. Кабанов, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
О.В. Рубцова, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия
А.Ю. Телицына, НИУ Высшая школа экономики,
Россия
Л.Б. Шнейдер, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
И.А. Меркуль, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
А.В. Личковаха, Аппарат Уполномоченного
при Президенте Российской
Федерации по правам ребенка
Д. Гыну, Государственный педагогический
университет Молдовы, Молдова
Л. Асоян, Ширакский государственный
университет имени М. Налбандяна,
Армения
Ю. Куоккане, Центральный Союз защиты детей,
Финляндия

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Издается с 2020 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 77146.

Дата регистрации: 06.11.2019

Формат: сетевое издание SSCHJ.RU

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022, № 2—3

Social Sciences and Childhood

Editor-in-Chief:

G.V. Semya, MSUPE, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

A. Sh. Shakhmanova, Institute of Pedagogy and
Psychology of Education MSU,
Russia
E.Sh. Garifulina, “Absolute-Help” Foundation,
Russia
V.N. Oslon, MSUPE, Russia

The Editorial Council

Co-chairs of the Editorial Council:

V.V. Rubtsov, MSUPE, Russia

The Members of the Editorial Council:

L.N. Antonova, MRSU, Russia
V.A. Ivannikov, Lomonosov Moscow state
University, Russia
T.I. Shulga, MRSU, Russia

The Editorial Board

O.I. Volzhina, The Russian Children
in need Found,
Russia
V.L. Kabanov, MPGU, Russia
O.V. Rubtsova, MSUPE, Russia
A.Yu. Telitsyna, National research University “Higher
school of Economics”, Russia
L.B. Schneider, MPGU, Russia
I.A. Merkul, MSUPE, Russia
A.V. Lichkovakha, Office of the Commissioner
for Children’s Rights under the
President of the Russian Federation
D. Geun, State pedagogical University
of Moldova, Moldova
L. Asoyan, M. Nalbandyan State
University of Shirak,
Armenia
J. Kuokkanen, The Central Union for child welfare
Finland, Finland

Social Sciences and Childhood

Publisher MSUPE

Frequency: 4 times a year since 2020

The mass medium registration certificate:

ЭЛ № ФС 77 — 77146.

From: 06.11.2019

Format: online publication SSCHJ.RU

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all texts and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

MSUPE, 2022, no. 2—3

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Семья Г.В. 7

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ДЕТСТВА

ТИПОЛОГИЯ ПРАКТИК И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИХ
ДОКАЗАТЕЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ
Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Засимова А.В. 10

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ СИСТЕМНОГО РЕАГИРОВАНИЯ
НА ТРУДНОСТИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ В ПРОБЛЕМНЫХ СЕМЬЯХ
Семья Г.В., Барцалкина В.В., Флорова Н.Б. 24

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙ
С ПРОБЛЕМАМИ АЛКОГОЛИЗАЦИИ И НАРКОТИЗАЦИИ
Барцалкина В.В., Моисеев О.О., Третьяк Э.В., Хромышева Е.В. 40

ПСИХОЛОГИЯ СИРОТСТВА

АНАЛИЗ ПРОГРАММ ВОСПИТАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ
Бобылева И.А. 54

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ЛИЧНОСТНЫЕ
ДЕФИЦИТЫ У ВЫПУСКНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ
Ослон В.Н., Одицова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. 69

БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТСТВА

ОСОБЕННОСТИ НАСИЛИЯ
В СИБЛИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
Жмурин И.Е., Корнейчик И.В. 90

ДЕТСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
Скрябина Я.А. 107

ОЦЕНКА ДЕТСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ
ОПЫТ В РАМКАХ ТЕОРИИ НОВОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА
Телицына А.Ю. 120

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

«РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ
ДОКАЗАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В СФЕРУ ДЕТСТВА В РОССИИ»:
ТЕЗИСЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Засимова А.В. 132

ИНДЕКС ДЕТСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, РАЗРАБОТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (ОБЗОР ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНДЕКСА ДЕТСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ») <i>Меркуль И.А.</i>	139
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ «ДЕТСКИЕ МИРЫ» (ОБЗОР ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНДЕКСА ДЕТСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ») <i>Брук Ж.Ю., Телицына А.Ю.</i>	148

CONTENTS

EDITOR'S NOTE

<i>Semya G.V.</i>	7
-------------------------	---

EVIDENCE-BASED APPROACH IN THE FIELD OF CHILDHOOD

HOW TO VERIFY EVIDENCE: A TYPOLOGY OF PRACTICES
AND ITS IMPLICATIONS FOR STUDYING THEIR EFFICIENCY

<i>Busygina N.P., Podushkina T.G., Zasimova A.V.</i>	10
--	----

PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD

MODERN EXPERIENCE OF SYSTEMIC RESPONSE TO DIFFICULTIES
AMONG CHILDREN AND ADULTS IN PROBLEM FAMILIES

<i>Semya G.V., Bartsalkina V.V., Florova N.B.</i>	24
---	----

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPOLOGY OF FAMILIES
WITH PROBLEMS OF ALCOHOLISM AND DRUG ADDICTION

<i>Bartsalkina V.V., Moiseev O.O., Tretyak E.V., Hromysheva E.V.</i>	40
--	----

PSYCHOLOGY OF ORPHANHOOD

ANALYSIS OF EDUCATIONAL
PROGRAMS IN ORGANIZATIONS FOR ORPHANS

<i>Bobyleva I.A.</i>	54
----------------------------	----

PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND PERSONAL
DEFICITS OF GRADUATES OF ORGANIZATIONS FOR ORPHANS

<i>Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V.</i>	69
---	----

CHILDHOOD WELL-BEING

FEATURES OF VIOLENCE IN SIBLING RELATIONS:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN PUBLICATIONS

<i>Zhmurin I.E., Korneichik I.V.</i>	90
--	----

CHILDREN'S WELL-BEING: SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS

<i>Skryabina Ya.A.</i>	107
------------------------------	-----

EVALUATION OF CHILDREN'S WELL-BEING:
INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE IN THE FRAMEWORK
OF THE THEORY OF THE NEW SOCIOLOGY OF CHILDHOOD

<i>Telitsyna A.Yu.</i>	120
------------------------------	-----

INTERNATIONAL CONFERENCES

“RESULTS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING
THE EVIDENCE-BASED PRACTICE TO CHILDHOOD IN RUSSIA”:
ABSTRACTS OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

<i>Zasimova A.V.</i>	132
----------------------------	-----

INDEX OF CHILD WELL-BEING IN RUSSIA: CURRENT ISSUES OF DEVELOPMENT AND DEVELOPMENT PROSPECTS (REVIEW OF THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF THE INDEX OF CHILD WELL-BEING IN RUSSIA”) <i>Merkul I.A.</i>	139
CURRENT ISSUES, RESULTS AND PROSPECTS FOR RESEARCH DEVELOPMENT OF THE “CHILDREN’S WORLDS”: THE INTERNATIONAL SURVEY OF CHILDREN’S WELL-BEING (REVIEW FOLLOWING THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE “PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF THE INDEX OF CHILD WELL-BEING INDEX IN RUSSIA”) <i>Bruk Zh.Yu., Telitsyna A.Yu.</i>	148

ОТ РЕДАКТОРА | EDITOR'S NOTE

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Социальные науки и детство» сегодня значительно объемнее, чем обычно, так как второй и третий номер сдвоены в силу тематики журнала, связанной с презентацией результатов исследований, выполненных в рамках государственных заданий Министерства просвещения Российской Федерации.

Открывает журнал рубрика «Доказательный подход в сфере детства», тема которой является одной из главных для всех номеров журнала и ключевой – в отборе лучших практик (практик с доказанной эффективностью), возможности их тиражирования в российских регионах. Тема включена в План основных мероприятий по реализации Десятилетия детства до 2027 года. Ведущие специалисты в этой области Н.П. Бусыгина и Т.Г. Подушкина вместе с А.В. Засимовой представили возможные основания для типологизации практик в сфере детства. Они показали, как выбор исследовательской методологии может осуществляться и оцениваться в соответствии со степенью зрелости практики, ее центральными задачами, стратегиями и уровнем их реализации. Важный вывод для дальнейшего развития сферы детства в доказательном ключе: не только практическая работа нуждается в постоянном научно-исследовательском сопровождении, но и исследовательский аппарат нуждается в постоянной корректировке и перенастройке в связи с особенностями практики.

Рубрика «Профилактика социального сиротства» содержит две статьи, в которых рассматривается одна из самых актуальных проблем – помощь детям, которые воспитываются в алкоголизированных семьях или в семьях, где родители употребляют наркотики. Зависимость родителей от ПАВ является основной причиной лишения родительских прав, и востребованность практических разработок в этом направлении очень велика. Статья Г.В. Семья, В.В. Барцалкиной, Н.Б. Флоровой анализирует примеры исследовательских подходов к работе с семьями в ситуациях риска их психологическому благополучию и адекватному выполнению функции родительства. Показаны отличительные особенности развития научной школы в данном направлении – укрупнение представлений и обязательность наличия научно-доказательной концептуальной базы.

Коллектив авторов (В.В. Барцалкина, О.О. Моисеев, Э.В. Третьяк, Е.В. Хромышева), работающих в разных организациях – университет, Центр практической аддиктологии, общественная организация в сфере здоровьесбережения, объединил свои знания и опыт и предложил социально-психологическую типологию семей с проблемами алкоголизации и наркотизации, которая позволяет на практике организовать индивидуальную работу с зависимым родителем, созависимыми членами семьи, детьми и самой семьей в целом. Это инновационный подход к решению проблемы сохранения семьи для ребенка.

Одной из задач, занимающих центральное место в сфере детства, является организация настоящей, а не бумажной работы по воспитанию подрастающего поколения. Два основных института – семья и школа – вносят основной воспитательный вклад в развитие ребенка. Но в условиях институционального воспитания государство берет на себя родительские обязанности в отношении детей, оставшихся без попечения родителей,

согласно принятой поправки в статью 64 Конституции Российской Федерации. Проведенный автором И.А. Бобылевой анализ результатов опроса 857 специалистов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из 66 субъектов Российской Федерации позволил выявить особенности системы воспитания в данных организациях в современных условиях, определить фокус исследований в области воспитания сирот, систематизировать существующие программы воспитания.

Продолжается публикация статей, где исследуются особенности подготовки к самостоятельной жизни выпускников организаций для детей-сирот и успешность их социализации в постинтернатный период. Эта тема включена в Дорожную карту по профилактике социального сиротства на 2022—2025 годы, утвержденную тремя ключевыми министрами: просвещения, труда и социальной защиты, здравоохранения.

В статье группы авторов (В.Н. Ослон, Г.В. Семья, М. Одинцова, У.В. Колесникова) представлены результаты исследования психологических ресурсов и личностных дефицитов выпускников организаций для детей-сирот, в котором участвовали 164 человека. В результате выявлено, что в числе психологических ресурсов выпускников помимо уже известных социальных навыков на первый план выходят эмоциональный интеллект и некоторые конструктивные копинг-стратегии.

Традиционный раздел «Благополучие детства» представлен в этом выпуске сразу тремя статьями, которые высвечивают разные грани этого сложного феномена, по поводу которого не утихают методологические споры.

Поистине титанический труд проделан авторами при составлении сравнительного анализа особенностей насилия в сиблинговых отношениях в отечественных и зарубежных публикациях. Эта проблема исследуется около 100 лет, имеет богатую историю и широкое пространство изучения, но, к сожалению, мало представлена в отечественных исследованиях. Статья И.Е. Жмурина и И.В. Корнейчика может стать стимулом для российских исследований.

Детское благополучие в статье Я.А. Скрыбиной рассмотрено через призму социально-демографических аспектов. Предметом исследования стали социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе, при оценке дружелюбности города по отношению к семье и детям. Автор изучает уровень комфортности, безопасности и развития подрастающего поколения в условиях городской среды Республики Башкортостан в современном социально-демографическом контексте.

Подход с теоретических позиций новой социологии детства позволил автору А.Ю. Телицкой по-иному оценить российский и международный опыт и сделать вывод, что для совершенствования оценки детского благополучия необходима синергия усилий психологов, социологов, экономистов и правоведов, поскольку домены, которые исследуются путем оценки индекса детского благополучия, находятся в поле деятельности этих четырех областей знания.

В конце года прошли сразу две международные конференции, посвященные исследованиям в сфере детства, с большим числом участников и актуальной тематикой.

В журнале представлены тезисы научно-практической конференции «Результаты и проблемы внедрения доказательного подхода в сферу детства в России», где участники не только обсудили актуальные вопросы, но и разобрали практические кейсы «превращения» социальной практики в доказательную. В результате удалось зафиксировать растущие запросы от академического сообщества, специалистов сферы детства, государственного сектора на сегодняшний момент (А.В. Засимова).

По итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения Индекса детского благополучия в России» И.А. Меркуль представила обзор «Индекс детского благополучия в России: актуальные вопросы, разработки и перспективы развития». Большой интерес вызвали доклады специалистов из Белоруссии и Азербайджана, показавшие разнообразные подходы к решению проблем детства. Особенностью конференции стали презентации результатов исследований на детских выборах от 10 до 200 тысяч детей и подростков.

Международный характер конференции позволил обсудить актуальные вопросы, результаты и перспективы развития исследований международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские миры» с участием специалистов из России, Алжира и Чили, принимающих участие в этом проекте уже несколько лет (Ж.Ю. Брук, А.Ю. Телицына).

Надеюсь, что знакомство со статьями журнала будет способствовать росту профессионального интереса к тематике исследований в сфере детства и новым статьям!

Главный редактор журнала

Семья Галина Владимировна,
доктор психологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, член Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства, член Экспертного совета Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей; член Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; член Экспертного совета Министерства просвещения Российской Федерации по вопросам опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних; международный эксперт

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ДЕТСТВА
EVIDENCE-BASED APPROACH IN THE FIELD OF CHILDHOOD

Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки

Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinat@mgppu.ru

Засимова А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

В статье представлены возможные основания для типологизации практик в сфере детства. Обсуждаются недостатки ориентации на универсальный принцип иерархии методологий в процессе обоснования и экспертизы практик и обосновывается тезис о необходимости определения типа практики для выбора дизайна исследований, стратегии ее доказательного обоснования и экспертного оценивания ее доказательной базы. Выделены и описаны следующие основания для типологизации практик: 1) стадии «жизненного цикла» практики; 2) задачи практики в связи с динамикой развития социального риска; 3) условия осуществления практики (степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, уровень контроля над изменениями); 4) масштаб реализации практики. Показано, как выбор исследовательской методологии может осуществляться и оцениваться в соответствии со степенью зрелости практики, ее центральными задачами, стратегиями и уровнем их реализации. Отмечается, что для развития сферы детства в доказательном ключе не только практическая работа нуждается в постоянном научно-исследовательском сопровождении, но и исследовательский аппарат нуждается в постоянной корректировке и перенастройке в связи с особенностями практики.

Ключевые слова: доказательный подход в сфере детства, типология практик, динамика развития социального риска, структурная рамка условий осуществления практики, уровни реализации социальных технологий, исследовательские методологии.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение единого подхода внедрения социальных (в т.ч. образовательных) практик с доказанной эффективностью в части реализации мероприятий Десятилетия Детства».

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Засимова А.В. Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 10—23. DOI:10.17759/ssc.2022030201

How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency

Natalia P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatiana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Anastasia V. Zasimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

The article presents possible grounds for the typology of practices in the Child welfare field. Authors discuss the limitations of the idea about the hierarchy of methodologies in the context of studying social technology efficiency and note that it is the type of practice that determines the research design and the strategy of verifying its evidence. The following grounds for the typology of practices are identified and described: 1) stage of the “life cycle” of practice; 2) objective of practice in relation to the social risk dynamics; 3) strategy due to the uncertainty about cause-effect and control over outcomes; 4) level of practice implementation. It is shown how the research methodology can be chosen and evidence can be evaluated depending on the practice development stage, practice objectives, practice strategies and practice implementation level. It is concluded that evidence-based practice requires constant interaction between science and practice, and it is necessary to develop and adjust the research tools so that they are sensitive to the peculiarities of practice.

Keywords: evidence-based practice, typology of practices, social risk dynamics, framework for social performance, practice implementation level, research methodology.

Funding. The reported study was funded by the Ministry of Education of Russia, project No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 “Scientific and methodological support of a unified approach to the implementation of evidence-based practices in social work and education in the context of implementing the activities of the Decade of Childhood”.

For citation: Busygina N.P., Podushkina T.G., Zasimova A.V. How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency. *Social`ny`e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 10—23. DOI:10.17759/ssc.2022030201 (In Russ.).

Введение

Пришедший из доказательной медицины доказательный подход в настоящее время стал ведущим трендом в области социальных, психологических и образовательных

практик [1; 2; 3; 6; 11; 12]. Вкратце, суть его состоит в установлении принципа опоры на фактические данные (доказательства эффективности) при формировании рекомендаций и распространении методов и технологий практической работы [5; 15].

Появление и развитие доказательного подхода многими авторами расценивается как парадигмальный сдвиг, значительно изменивший содержание и структуру практик [12]. Сегодня от специалистов сферы детства требуется, чтобы результаты их практической работы были измеримыми, они могли представить научно-фундированное обоснование своей деятельности и руководствовались данными исследований при выборе предпочитаемых методов и приемов работы [10; 11; 19].

В целом у специалистов-практиков есть интерес к доказательному подходу и, как показывают многочисленные исследования, проведенные в разных странах, они готовы применять его на практике [9; 13; 14; 17; 20; 22]. Проблема, с которой они сталкиваются, состоит в том, что те исследовательские подходы, на которые обычно ориентируется академическое сообщество (с четкой операционализацией переменных, применением стандартизованных методик их измерения и экспериментального дизайна), далеко не всегда могут быть использованы для исследования эффектов практик (в силу объективных особенностей практической деятельности и диктуемых ею ограничений) либо не могут дать специалистам информацию, в которой те нуждаются. В доказательных исследованиях практик принимается в качестве образца тип клинических исследований в медицине, однако он нередко вступает в противоречие с центральными принципами практической социальной и психологической работы, с которыми лучше согласуются качественные и неэкспериментальные исследования, характерные для социальных наук, чем количественные экспериментальные исследования в медицине.

В большинстве руководств по доказательному подходу принята иерархия доказательств и методологий, с помощью которых они были получены [6; 18]. Наивысший уровень доказательности приписывается рандомизированным контролируемым исследованиям и их систематическим обзорам, далее следуют квазиэкспериментальные исследования без процедур рандомизации, а нижние строчки занимают качественные исследования, наблюдения, анализ случаев и т.п. Вместе с тем в последние годы многие авторы ставят под вопрос сам принцип иерархии методологий применительно к области доказательных исследований в социальной сфере. В методологической литературе подчеркивается, что у любых дизайнов есть возможности и ограничения и проведение доказательных исследований каждый раз требует их взвешенной оценки для выбора приемлемой для данной практики в данных условиях исследовательской стратегии [16; 21; 23].

Вопросы, которые встают перед исследователями, принимающимися за оценку эффектов практики (и, далее, перед экспертами, оценивающими уровень ее доказательной базы), следующие: Есть ли основания для выбора исследовательского дизайна? Существуют ли ориентиры, на которые можно было бы опираться как в ситуации проведения доказательных исследований, так и в ситуации дальнейшей экспертной верификации полученных доказательств?

В статье мы предпринимаем попытку представить такие ориентиры, очертив типологию практик. На наш взгляд, принятие решений о выборе исследовательской методологии, а также об оценке адекватности, надежности и полноты доказательной базы практики может опираться на определение ее типа. Мы выделяем несколько возможных оснований типологизации практик: 1) стадии «жизненного цикла» практики; 2) центральная задача практики в связи с динамикой развития социального риска; 3) условия

осуществления практики (степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, контроль над изменениями); 4) масштаб реализации практики. Далее мы кратко описываем каждое из обозначенных оснований и показываем, как задаваемый ими тип практики может направлять выбор соответствующей методологии исследования ее эффектов.

Основания возможной типологии социальных практик и стратегии доказательных исследований

«Жизненный цикл» практики

Социальная практика обычно создается в связи с необходимостью разрешить определенную проблему — как ответ на некоторый запрос от социальной реальности. «Верные решения» появляются далеко не сразу, их появлению предшествует длительный этап проб и ошибок, проверок предлагаемых решений в разных условиях. Проходит довольно много времени, прежде чем сложится работающий механизм и будут сформированы выверенные инструменты практической деятельности. И лишь такая — уже вполне сложившаяся практика, технология или программа помощи — может быть подробно описана и представлена так, чтобы ее можно было распространять и тиражировать.

Итак, «жизненный цикл» практики начинается с осознания некоторой проблемы, поиска и проверки решений (этапы инновационной и пилотной практики), после которых приходит время исследований ее эффектов и институционализации (этапы устоявшейся и масштабируемой практики) (рис. 1). Задачи, которые приходится решать разработчикам практики, зависят от ее «уровня зрелости», или стадии ее «жизненного цикла». Соответственно, если говорить о разработке и развитии практики в доказательном ключе, на разных стадиях «жизненного цикла» практике требуется разная форма исследовательской поддержки, у которой также будут свои задачи в зависимости от стадии. На первых этапах разработчикам необходимо взаимодействовать с запросом, переформулировать его на язык практических действий, выстроить возможные способы (алгоритмы, модели) их реализации и опробовать на практике, по ходу внося в них коррективы и предпринимая шаги по их оптимизации. Наиболее важная исследовательская задача на этом этапе — изучение самой проблемной ситуации: причинно-следственных связей, существенных контекстов, реальных потребностей социально-уязвимых групп. Для ее решения можно привлекать представителей академического сообщества либо специалисты-практики могут решать ее своими силами, опираясь на собственные исследовательские компетенции. На начальных стадиях развития практики разработчикам также необходимо проанализировать имеющийся опыт работы с актуальной проблемой, чтобы, во-первых, проанализировать сильные и слабые стороны существующих практик, а во-вторых, проверить, есть ли эффективные инструменты разрешения интересующей их проблемы и можно ли что-либо из уже разработанного использовать в собственной работе.

По мере становления практики наиболее важными становятся другие задачи. Специалистам необходимо прояснять, каким образом и почему работают (или не работают) ее отдельные элементы, как они сочетаются между собой, какие именно действия являются необходимыми и достаточными для появления желаемых изменений в жизненной ситуации целевых групп. Соответственно, исследования на этом этапе должны быть нацелены на раскрытие условий, предпосылок и внутренних механизмов этих изменений. На этом

этапе практика должна быть алгоритмизирована и описана, теоретически обоснована и представлена в виде некоторой технологии, которой в дальнейшем можно будет обучить других специалистов.

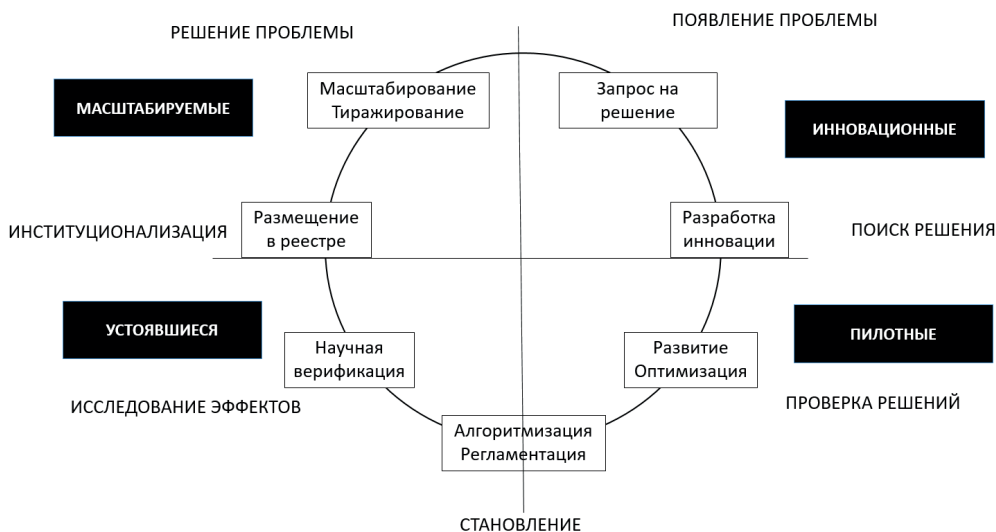

Рис. 1. «Жизненный цикл» социальной практики

На следующих этапах разработчикам практик необходимо систематизировать процесс ее работы и подготовить практику к тиражированию. Именно на этих этапах эффекты воздействий должны быть тщательно изучены и проверены: необходимо четко очертить область реальных изменений и их характеристики, установить границы применения практики. С этой целью проводятся внутренние и независимые внешние исследования влияния практики на благополучателей, определяются результаты и отсроченные эффекты ее применения.

Таким образом, можно говорить о необходимости научного сопровождения практики на протяжении всего ее «жизненного цикла»: ее доказательное проектирование требует постоянного включения исследовательских инструментов в процесс работы специалистов. Еще раз обратим внимание на то, что исследования оказываются встроены в круг задач, актуальных для каждого из этапов развития практики. На наш взгляд, доказательные исследования практик не ограничиваются исследованиями эффективности уже работающей практики, они включают в себя и исследования по прояснению проблемы, раскрытию механизмов изменений, определению условий достижения желаемых результатов и др. Собственно исследования эффективности актуальны лишь для поздних этапов развития практики, однако эмпирические свидетельства того, что практика «работает», специалисты собирают и на более ранних стадиях, правда, делают они это, как правило, при помощи более «мягких» — качественных и неэкспериментальных — методологий. И это, на наш взгляд, необходимо учитывать при экспертизе практики, а также при планировании ее возможной научной поддержки со стороны академического

сообщества. Три статуса практик, которые можно выделить в связи со стадией их развития (инновационные, пилотные, устоявшиеся), требуют разных стратегий обоснования (рис. 2) и, соответственно, разных подходов при их экспертной оценке.

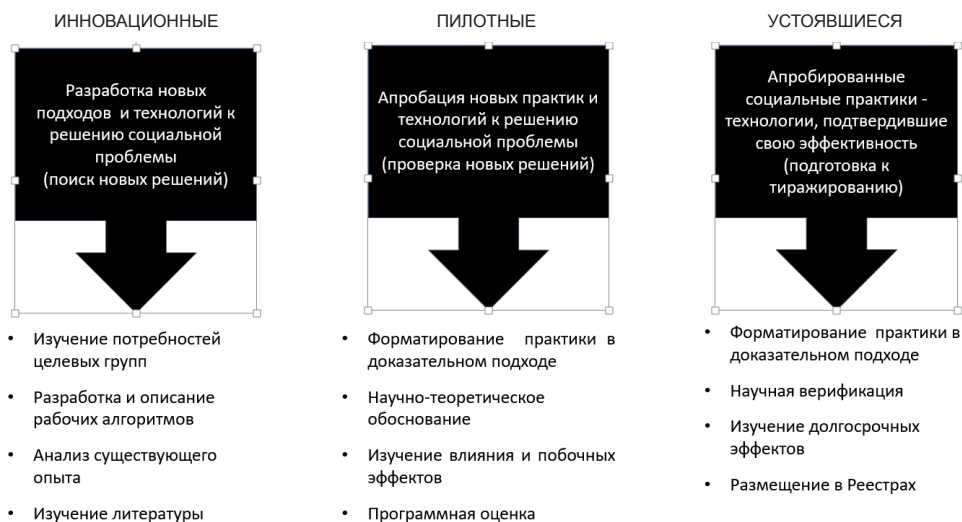

Рис. 2. Стратегии доказательного обоснования практик в зависимости от их типа

Задачи практики в связи с динамикой развития социального риска

Второе основание, задающее тип практики, имеет отношение к динамике развития социального риска и задачам, которые ставит перед собой практика в связи с ней. Динамика развития социальных рисков обычно следующая: от ситуации, когда риск существует лишь в потенциальной форме, к возникновению и реализации риска в виде тех или иных форм социально-психологического неблагополучия и далее — к необратимым последствиям уже реализованного риска (рис. 3). На разных фазах динамики развития социального риска возможны и необходимы профессиональные интервенции, однако их содержание, цели и задачи, а также возможные результаты существенно различаются. От того, с какой фазой социального риска предполагают работать специалисты, зависят, во-первых, сложность, комплексность, длительность интервенции и, во-вторых, требования к их квалификации. Очевидно, что в результате работы с разными фазами динамики развития социальных рисков могут быть получены изменения разного уровня, и для их исследования потребуется выбор и разработка методологического инструментария, чувствительного к изменениям того или иного уровня.

В зависимости от того, с какой фазой развития проблемы работают специалисты, их центральной задачей становятся профилактика, сопровождение в кризисной ситуации, экстренная помощь в острой ситуации или минимизация вреда (рис. 4). Известно, что именно профилактика, работа на предупреждение рисков является наиболее эффективной с точки зрения решения социальных проблем, однако измерить такую эффективность весьма непросто, поскольку симптомы проблемы еще не проявились и, соответственно, не будет и ярких изменений, которые можно было бы принять за результаты

практического воздействия. Тем не менее оценить результаты профилактической работы можно с точки зрения того, насколько специалистам удастся реализовать предполагаемый механизм сдерживания рисков.

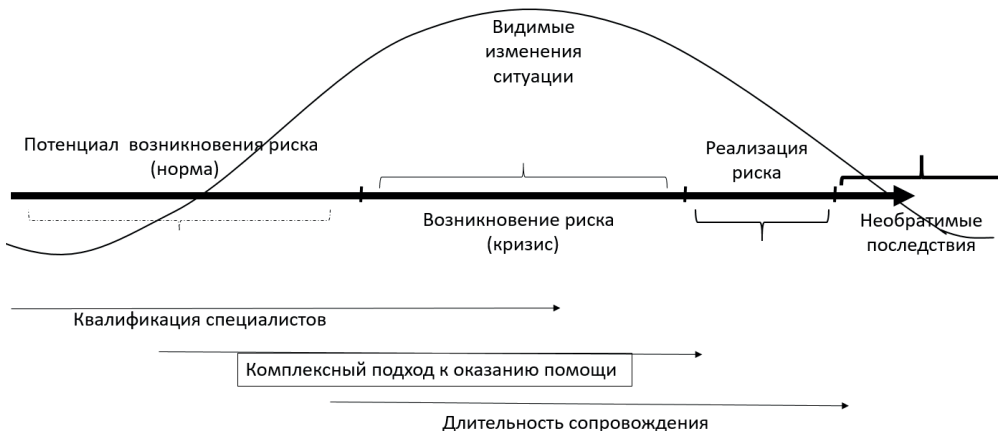

Рис. 3. Динамика развития социальных рисков

С похожими трудностями при измерении эффективности сталкиваются специалисты, работающие в зоне необратимых последствий уже реализовавшихся рисков — к таким практикам можно отнести, например, программы паллиативной помощи, реабилитации несовершеннолетних и их родственников в ситуации химической зависимости, ресоциализации подростков, совершивших правонарушение и т.п. В этих случаях можно фиксировать лишь косвенные признаки, свидетельствующие о минимизации вреда, переживаемого участниками. Практики же, предлагаемые для работы в ситуациях выраженного кризиса, напротив, могут оцениваться на основе прямых измерений влияния воздействия на выраженность симптомов социально-психологического неблагополучия.

Рамка условий социального действия: степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом и уровень контроля над изменениями

Практики можно дифференцировать в зависимости от условий их осуществления. На наш взгляд, удачную концептуализацию условий предлагает А. Эбрахим [7; 8]. Автор выделяет два измерения: первое — степень сложности и неопределенности причинно-следственных связей

<u>Стадии развития проблемы</u>	
Профилактика (предупреждение возникновения проблемы)	Экстренная помощь в острой ситуации (снижение остроты проблемы)
Сопровождение в кризисной ситуации (решение проблемы)	Минимизация вреда (проблема не может быть решена)

Рис. 4. Типы практик в зависимости от работы с той или иной фазой развития проблемы

между деятельностью и результатом; второе — контроль над изменениями. В ряде практик связь между деятельностью и эффектом относительно отчетлива и линейна (например, практика, нацеленная на устройство в семьи конкретных детей, оставшихся без попечения родителей, предполагает, что к эффекту — устройству в семью — приводит непосредственно деятельность специалистов). В других же практиках эта связь неочевидна, есть высокая вероятность действия большого числа иных факторов (сюда относятся, например, практики, нацеленные на работу с причинами, по которым дети остаются без попечения родителей: уменьшение количества детей, оставшихся без попечения родителей, может быть результатом действия множества факторов, вклад деятельности специалистов в такое изменение трудно отследить). Второе измерение — контроль над изменениями — так же имеет две градации: низкий уровень и высокий уровень. Предполагается, что контроль более низкий, если специалисты сосредотачиваются на очень конкретной задаче (например, помощь в устройстве ребенка в семью), и более высокий, когда необходима координация специалистов, выполняющих разные функции (например, не только устройство в семью, но и оказание комплексной психологической и социальной поддержки семьям с приемными детьми).

Четыре квадранта, полученные в результате пересечения описанных измерений, задают разные стратегии практической деятельности (рис. 5). В квадранте *нишевой стратегии* располагаются практики с конкретным алгоритмом действия или практики по типу экстренной помощи, горячих линий и т.п., которые работают лишь на достижение немедленных результатов (сколько детей пристроено в семью, какое количество консультаций проведено и т.п.), соответственно, от них нельзя ожидать работы на устойчивые социальные изменения (например, нельзя оценивать работу телефона доверия по тому, уменьшается ли количество суицидов в регионе). В квадранте *интегрированной стратегии* — практики, занимающие несколько ниш, соответственно, их оценка требует измерения более мощных в социальном смысле результатов (например, требуется не просто фиксация количества устроенных в семью детей, но и измерение их благополучия). В квадрант *эмерджентной стратегии* попадают практики по защите прав, лоббированию интересов детей и т.п. Их деятельность по преобразованию общественных институтов и норм не вписывается в линейную логику: если, например, наблюдается изменение отношения в обществе к гражданским правам, и именно на это долгое время работали конкретные практики, можно ли сказать, что это непосредственно их заслуга, ведь в таких случаях мы всегда имеем дело с комплексными сдвигами? К квадранту *эко-системной стратегии* можно отнести практики, нацеленные на социальные преобразования и системные изменения, ставящие перед собой задачи влияния на национальную и международную политику (например, практики, связанные с поддержкой определенных инициатив в образовании или в сфере благополучия детей).

Очерченная А. Эбрахимом структурная рамка условий дает возможность более внимательно анализировать уровень эффектов, на которые рассчитывают разработчики тех или иных практик — работают ли они на достижение немедленных результатов, промежуточных или устойчивых социальных изменений. Такой анализ позволит специалистам делать более качественные обоснования своих практик, а экспертам — более реалистично их оценивать.

Кроме того, в свете модели А. Эбрахима определение типа практики позволяет ответить на вопрос, какие именно методологии доказательных исследований являются для нее наиболее адекватными. Можно ожидать, что в случае сложного характера отношений

между деятельностью и эффектами (комплексной теории изменений) для оценки значимых социальных эффектов экспериментальные методы будут далеко не лучшим выбором из-за принципиальной невозможности контролировать множество факторов, влияющих на результат. Экспериментальные методы оценки эффектов хорошо работают в случае отчетливых причинно-следственных связей между деятельностью и эффектом (сфокусированной теории изменений). В случае же комплексной теории лучше выбирать другие методы, например, методы отслеживания (картирования) промежуточных изменений (outcome mapping) и определения наиболее значимых изменений, методы, позволяющие получать обратную связь от различных аудиторий, системный анализ и др. Как справедливо замечает А. Эбрахим [7], хотя подобные методы менее популярны, чем экспериментальные, они тем не менее представляются весьма перспективными, поскольку помогают преодолевать трудности, связанные с оценкой результатов в сложном и непредсказуемом мире.

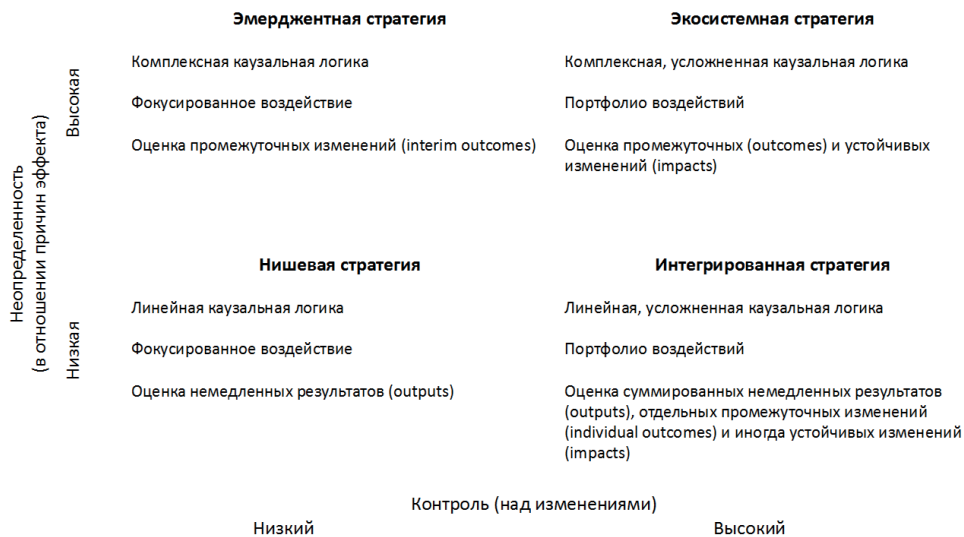

Рис. 5. Рамка условий социального действия [7]

Масштаб реализации практики

Еще одно основание для типологизации практик — масштаб реализации практики — мы заимствуем у авторов, придерживающихся многоуровневого подхода к технологиям социальной работы [4]. Практики могут быть реализованы:

- на *микроуровне*, в этом случае они направлены на оказание помощи и решение проблем отдельных индивидов и их семей; сюда можно отнести индивидуальное и семейное психологическое консультирование, социальный патронаж семьи и т.п., а также практическую работу с уникальными случаями и проблемами, пока не имеющими аналогов в профессиональном опыте специалистов;
- на *мезоуровне*, в этом случае практики адресованы отдельным социальным группам, как правило, социально-уязвимым; к таким практикам относятся программы сопровождения приемных семей, социализации подростков, реабилитации детей с ОВЗ и т.п.;

- на *макроуровне*, такие практики направлены на достижение изменений на уровне общества в целом; их спектр достаточно широк — это различные федеральные программы и информационные кампании в сфере детства, практики организации среды, обеспечивающей интеграцию в социум тех или иных уязвимых групп, например, практики, нацеленные на развитие инклюзивной образовательной среды в средней и высшей школе, реформирование системы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, и т.п.

Очевидно, что к социальным и образовательным практикам, которые планируется реализовать на макроуровне и тиражирование которых поддерживается государством и/или крупными организациями, должны предъявляться более высокие требования, от них уместно ожидать доказательную базу, собранную на основе проведения рандомизированных контролируемых исследований независимыми командами. Для обоснования локальных практик в определенной тематической области достаточно исследований, выполненных в более «мягких» дизайнах — на основе интервью и этнографических наблюдений, исследований с участием бенефициаров и т.п.

Выводы

Представления о том, что доказательные исследования любой практики должны ориентироваться на экспериментальный дизайн, большие выборки, строгие измерения переменных и т.п. (так называемый естественно-научный подход), игнорируют разнообразие статусов практик, обусловленных уровнем их развития, решаемыми ими центральными задачами, разработанными в них стратегиями работы и масштабом их реализации.

При планировании исследований, в процессе доказательного обоснования, а также в ходе последующей экспертной оценки доказательной базы практики необходимо учитывать, с какой именно практикой мы имеем дело. Представленная типология практик может служить ориентиром при выборе исследовательских стратегий и доказательном обосновании практики, а также при проведении ее экспертизы.

Выбор исследовательской методологии должен осуществляться и оцениваться в соответствии со степенью зрелости практики, центральными задачами, на решение которых она направлена в связи с динамикой развития социальных рисков, а также в соответствии с условиями осуществления практики (степенью сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, уровнем контроля над изменениями) и масштабом ее реализации.

На наш взгляд, движение навстречу друг другу исследователей и практиков является не только важнейшим принципом философии доказательного подхода, но и условием его применимости в социальной сфере. Практическая работа нуждается в постоянном научно-исследовательском сопровождении, однако и исследовательский аппарат также нуждается в постоянной корректировке и перенастройке в связи с особенностями той или иной практики. Безусловно, можно описать несколько типов «рекомендованных исследовательских дизайнов», ориентируясь на представления об иерархии методологий (и такие описания действительно имеют место), однако мы полагаем, что подобные руководства вряд ли способствуют развитию социальных практик в доказательном ключе, поскольку отражают, скорее, знания, правила и желания научного сообщества, чем его готовность к совместной со специалистами-практиками работе по улучшению служб, занятых в сфере детства. На наш взгляд, для академического сообщества, принимаю-

щего на себя роль экспертов в оценке качества практик, было бы более продуктивным занять позицию, допускающую гибкое использование различных исследовательских методологий в изучении эффектов практик и поддерживающую инновационные разработки в практической деятельности.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в образовании: критический анализ актуальных дискуссий [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (дата обращения: 27.12.2022).
2. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (дата обращения: 27.12.2022).
3. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Фрейк Н.В. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 7—23. DOI:10.17759/ssc.2021020101 (дата обращения: 27.12.2022).
4. Фурсов М.В., Студенова Е.Г. Технология социальной работы. М.: КНОРУС, 2016.
5. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of Understanding Evidence-based Practice in Social Work: A Qualitative study // British Journal of Social Work. 2014. Vol. 44. P. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198
6. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
7. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019.
8. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance // California Management Review. 2014. Vol. 56(3). P. 118—41. DOI:10.1525/cmr.2014.56.3.118
9. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based Practice in Social Work: Perceptions and Attitudes among Norwegian Social Workers // European Journal of Social Work. 2018. Vol. 22. P. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.144113
10. Gambrill E.D. Evidence-based Practice: An Alternative to Authority-based Practice // Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services. 2018. Vol. 99(3). P. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole-Thompson Learning, 2003.
12. Gray M., Plath D., Webb S.A. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London, Routledge, 2009.
13. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about evidence: a study of social workers' attitudes towards evidence-based practice // Journal of Social Work. 2013. Vol. 14. P. 23—40. DOI:10.1177/1468017313475555
14. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based Practice and Knowledge Utilisation — a Study of Attitudes and Practices among Social Workers in Germany // European Journal of Social Work. 2018. Vol. 22. P. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475
15. McCracken S.G., Marsh J.C. Practitioner Expertise in Evidence-based Practice Decision Making // Research on Social Work Practice. 2008. Vol. 18(4). P. 301—310. DOI:10.1177/1049731507308143
16. Parkhurst J.O., Abeyasinghe S. What Constitutes “Good” Evidence for Public Health and Social Policy-Making? From Hierarchies to Appropriateness // Social Epistemology. 2016. Vol. 30(5—6). P. 665—679. DOI:10.1080/02691728.2016.1172365

17. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards Evidence-based Practice of Professionals Working with Children and Adolescents with Autism Spectrum Disorder in Bangladesh // Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research. 2022. Vol. 49. P. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2
18. Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006.
19. Soydan H. Evidence and Policy: The Case of Social Care Services in Sweden // The Policy Press. 2010. Vol. 6(2). P. 179—193. DOI:10.1332/174426410X502301
20. Scurlock-Evans L., Upton D. The Role and Nature of Evidence: A Systematic Review of Social Workers' Evidence-based Practice Orientation, Attitudes, and Implementation // Journal of Evidence-Informed Social Work. 2015. Vol. 12. P. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014
21. Upshur R.E.G., Van Den Kerkhof E.G., Goel V. Meaning and Measurement: An Inclusive Model of Evidence in Health Care // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2001. Vol. 7(2). P. 91—96. DOI:10.1046/j.1365-2753.2001.00279.x
22. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and Attitudes towards Evidence-based Practice in a Dutch Social Work Organization // Journal of Evidence-Based Social Work. 2019. Vol. 16. P. 245—260. DOI:10.1080/23761407.2019.1584071
23. Ward T., Haig B.D., McDonald M. Translating Science into Practice in Clinical Psychology: A Reformulation of the Evidence-Based Practice Inquiry Model // Theory & Psychology. 2022. Vol. 32(3). P. 401—422. DOI:10.1177/09593543211059816

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevsky V.V. Dokazatel'nyi podhod v obrazovanii: kritichesky analiz aktual'nykh diskussiy [Evidence-based Approach in Education: Critical Analysis of Current Discussions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
2. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevsky V.V. Dokazatel'nyi podhod v sotsial'noi sfere: osnovnye ponyatiya i printsipy, istoriya, perspektivy [Evidence-based Approach in the Social Area: Basic Concepts, Guidelines, History, Prospects] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no. 1, pp. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
3. Busygina N.P., Podushkina T.G., Freik N.V. Registry praktik kak mekhanizm dokazatel'noy sotsial'noy politiki v sfere zashchity detstva: analiz mezhdunarodnogo opyta [Registers of Practices as an Evidence-Based Social Policy Mechanism for Child Welfare: An Analysis of International Experience] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 7—23. DOI:10.17759/ssc.2021020101 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
4. Firsov M.V., Studenova E.G. Tekhnologiya sotsial'noy raboty [Social Work Technology]. Moscow: KNORUS, 2016. (In Russ.).
5. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of Understanding Evidence-based Practice in Social Work: A Qualitative study. *British Journal of Social Work*, 2014. Vol. 44, pp. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198
6. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
7. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019.
8. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance. *California Management Review*, 2014. Vol. 56(3), pp. 118—41. DOI:10.1525/cmr.2014.56.3.118

9. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based Practice in Social Work: Perceptions and Attitudes among Norwegian Social Workers. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.1441113
10. Gambrill E.D. Evidence-based Practice: An Alternative to Authority-based Practice. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, 2018. Vol. 99(3), pp. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole-Thompson Learning, 2003.
12. Gray M., Plath D., Webb S.A. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London: Routledge, 2009.
13. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about Evidence: A Study of Social Workers' Attitudes towards Evidence-based Practice. *Journal of Social Work*, 2013. Vol. 14, pp. 23—40. DOI: 10.1177/1468017313475555
14. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based Practice and Knowledge Utilisation — a Study of Attitudes and Practices among Social Workers in Germany. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475
15. McCracken S.G., Marsh J.C. Practitioner Expertise in Evidence-based Practice Decision Making. *Research on Social Work Practice*, 2008. Vol. 18(4), pp. 301—310. DOI:10.1177/1049731507308143
16. Parkhurst J.O., Abeyasinghe S. What Constitutes “Good” Evidence for Public Health and Social Policy-Making? From Hierarchies to Appropriateness. *Social Epistemology*, 2016. Vol. 30(5—6), pp. 665—679. DOI:10.1080/02691728.2016.1172365
17. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards Evidence-based Practice of Professionals Working with Children and Adolescents with Autism Spectrum Disorder in Bangladesh. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 2022. Vol. 49, pp. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2
18. Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006.
19. Soydan H. Evidence and Policy: The Case of Social Care Services in Sweden. *The Policy Press*, 2010. Vol. 6(2), pp. 179—193. DOI:10.1332/174426410X502301
20. Scurlock-Evans L., Upton D. The Role and Nature of Evidence: A Systematic Review of Social Workers' Evidence-based Practice Orientation, Attitudes, and Implementation. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 2015. Vol. 12, pp. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014
21. Upshur R.E.G., Van Den Kerkhof E.G., Goel V. Meaning and Measurement: An Inclusive Model of Evidence in Health Care. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2001. Vol. 7(2), pp. 91—96. DOI:10.1046/j.1365-2753.2001.00279.x
22. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and Attitudes towards Evidence-based Practice in a Dutch Social Work Organization. *Journal of Evidence-Based Social Work*, 2019. Vol. 16, pp. 245—260. DOI:10.1080/23761407.2019.1584071
23. Ward T., Haig B.D., McDonald M. Translating Science into Practice in Clinical Psychology: A Reformulation of the Evidence-Based Practice Inquiry Model. *Theory & Psychology*, 2022. Vol. 32(3), pp. 401—422. DOI:10.1177/09593543211059816

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Татьяна Геннадиевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Засимова Анастасия Валерьевна, психолог, ведущий аналитик Центра доказательного социального проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Information about the authors

Natalia P. Busygina, PhD in Psychology, Assistant Professor, Department of Counselling and Clinical Psychology, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatiana G. Podushkina, psychologist, Head of the Sector, Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Anastasia V. Zasimova, psychologist, lead analyst, Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Получена 11.11.2022

Принята в печать 30.11.2022

Received 11.11.2022

Accepted 30.11.2022

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА
PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD

Современный опыт системного реагирования на трудности детей и взрослых в проблемных семьях

Семья Г.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Барцалкина В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomppu.ru

Флорова Н.Б.

Исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

В статье приведены примеры исследовательских подходов к работе с семьями в ситуациях риска их психологическому благополучию и адекватному выполнению функции родительства. Обсуждаются аспекты, которые должны учитываться при разработке стратегий психологического сопровождения применительно к семьям с проблемами аддиктивности (зависимости и созависимости). Показаны отличительные особенности развития научной школы в данном направлении — укрупнение представлений и обязательность наличия научно-доказательной концептуальной базы. Дано представление об уровне целевых научно-исследовательских разработок отдельно взятых и системных аспектов работы с такими семьями в отечественной и зарубежной литературе. Приведены данные по структуре и функционированию новейших стратегий командного сопровождения в практике нескольких зарубежных психологических научных школ. Показано значение формирования навыка командной работы в ходе непосредственной работы специалистов с семьей.

Ключевые слова: проблемная семья, психологическое сопровождение, актуальные аспекты, стратегии и программы сопровождения, командный принцип работы.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.04.2022 № 073-00110-22-02 «Анализ социально-психологических, психолого-педагогических технологий сопровождения семей, в которых родители имеют риски возникновения зависимостей употреблений ПАВ или страдают зависимостями, разработка и апробация комплексных методических материалов для специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования научного руководителя проекта профессора Г.В. Семья.

Для цитаты: Семья Г.В., Барцалкина В.В., Флорова Н.Б. Современный опыт системного реагирования на трудности детей и взрослых в проблемных семьях [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 24—39. DOI:10.17759/ssc.2022030202

Modern Experience of Systemic Response to Difficulties Among Children and Adults in Problem Families

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemya@yandex.ru

Viktoriya V. Bartsalkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Nina B. Florova

Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

The article provides some examples of research approaches while working with families in situations of serious risk to their psychological well-being and the adequate fulfillment of parenthood function. The aspects that should be taken into account when developing strategies for psychological support in relation to families with problems of addictiveness (dependence and co-dependence) are discussed here. The distinctive features of the development of the scientific school in this direction are shown — the consolidation of ideas and the obligatory presence of a scientific and evidence-based conceptual base. An idea is given about the level of targeted research developments of individual and systemic aspects of working with such families in domestic and foreign literature. Data on the structure and functioning of the latest team support strategies in the practice of several foreign psychological scientific schools are presented. The importance of forming the skill of teamwork in the course of direct work of specialists with the family is shown too.

Keywords: problem family, psychological support, relevant aspects, support strategies and programs, command principle of work.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022 “Analysis of socio-psychological, psychological and pedagogical technologies for supporting families in which parents have risks of addiction to surfactants or suffer from addictions, development and testing of comprehensive methodological materials for specialists of bodies and institutions of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency”.

Acknowledgements: The authors are grateful for assistance in data collection G.V. Semya.

For citation: Semya G.V., Bartsalkina V.V., Florova N.B. Modern experience of systemic response to difficulties among children and adults in problem families. *Social'ny'e nauki i detsvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 24—39. DOI:10.17759/ssc.2022030202 (In Russ.).

Введение

Продолжающаяся пандемия в сочетании с явными и скрытыми рисками от новейших социально-экономических кризисов, внутри — и внешнеполитической напряженности, на фоне природных и техногенных катастроф — как глобальные «тектонические» процессы, равно как и «локальные» проблемы образовательной среды (в частности, изменение

психологического статуса в условиях локдауна, адаптация к цифровой среде и дистанционному формату и др.) [2; 8; 10], — в совокупности подняли огромный пласт задач сохранения психологического здоровья детей и взрослых в семьях, особенно в проблемных.

Уникальность ситуации состоит, с одной стороны, в ее спонтанности, с другой — в бурном развитии исследовательской научно-практической базы в области социальной, семейной, кризисной психологии, психологии родительства, психологии современного образовательного процесса, которые, казалось бы, должны сыграть опорную роль в быстром и адекватном реагировании на сложившиеся трудности.

Однако приходится признать, что в современном научном сообществе с его тесно сопряженными прикладными областями, а также ответственными государственными структурами имеет место вынужденная инерция сотрудничества и обмена опытом в условиях нарушенных международных научно-практических связей, то есть отсутствие должного уровня ответной системной, согласованной и эффективной реакции со стороны научного сообщества и практики психологического сопровождения.

Все перечисленное диктует необходимость дальнейшей и оперативной разработки и апробации концептуальных основ психологического сопровождения проблемных семей. При этом в центре внимания оказываются в том числе семьи с проблемами химической зависимости; в этой сфере сегодня значимы как исследования отдельных аспектов, так и проблемно-аналитические разработки общего (установочного) характера.

Цель. В настоящем кратком проблемном обзоре заявленной темы предполагается дать представление об опыте работы в направлениях — общем (научно-доказательном) и конкретизированном (то есть в форматах организации социально-психологической работы и повышения квалификации).

Сделана попытка обозначить наиболее болезненные и уязвимые моменты, требующие своевременных системных мер.

Материалы. В работе использованы информационные материалы и методические пособия, любезно предоставленные профессором Г.В. Семья, а также материалы информационного поиска, проведенного в первом квартале 2022 г. на платформах Информационного Центра и ресурсов электронной библиотеки МГППУ.

Данные информационных массивов по конкретизации актуальных проблем психологически неблагополучной семьи

Следует отметить глубину понимания проблем психологического сопровождения семей (на примере химических зависимостей), представленного в материалах региональных специалистов. В качестве примера можно привести методическое пособие для специалистов, работающих с алкоголизированными семьями, предложенное к внедрению в Тульской области [5].

Сильной стороной таких методических пособий является признание того факта, что ресурсы социальной поддержки и помощи (психологического коучинга) не соответствуют масштабу и глубине проблем и трудностей, которые испытывают дети и взрослые в семьях с проблемами зависимостей (и не только).

Наряду с этим специалисты Т. Бородина, С. Струж, В. Карпова [5], описывая разнообразный диагностический инструментарий отечественных и зарубежных авторов, все же затруднились (по состоянию на 2017 год, когда распространялось пособие) с тем, чтобы положить свой подход к работе с дисфункциональными семьями на единую концептуальную основу.

Несомненная заслуга и даже опережающая позиция авторов выразились в том, что они подчеркнули гуманистическую направленность психологического сопровождения, его вариативность, гибкость и мобильность; его непрерывность, системность и преемственность (и другие принципы).

Иллюстрация принципа вариативности проблемы по отечественным источникам

В ходе нашей работы справедливость этих посылов полностью подтвердилась.

Как оказалось, существуют отличительные особенности структуры информационного массива по взаимодействию с семьями, имеющими психологические проблемы.

Во-первых, это трансформация содержательной наполненности принципов. Например, принцип вариативности у данных региональных узких специалистов «идет изнутри» и означает, что «каждая семья, а тем более проблемная, имеет особенности, неповторима как проблема, так и ее причины, поэтому недопустимо и невозможно действовать по шаблону». В гораздо более поздних отечественных и зарубежных исследованиях нам удалось выявить «более внешне ориентированную» вариативность подходов, например, риски вовлечения семьи (члена семьи) в зависимость.

Как известно, к психосоциальным факторам риска вовлечения в семейную химическую зависимость [7] в зарубежной литературе отнесены:

со стороны взрослых — неопределенность будущего для членов семьи, качество родительства и психоэмоциональная зрелость родителей, их социальная компетенция и полученное образование, созависимость;

со стороны подростков — неспособность к эмпатии, погруженность в социальные сети и, соответственно, сформированный эгоцентризм, симптоматика аддиктивного поведения в семье и вне ее.

Наряду с проблемой качества родительского сопровождения различные авторы отмечают повреждающую роль факторов аггравации (отягощения). Их может быть несколько.

Это исчезновение или резкое снижение трансляции социокультурных семейных и общечеловеческих традиций наряду с несоблюдением принципа «no nonsense» (нет мелочей) в воспитании; в зарубежных исследованиях оно признано особо значимым фактором риска вовлечения в аддикцию.

Это актуальный в настоящее время внешний фактор, создающий избыточное психологическое напряжение, — невозможность дать детям высшее образование и, соответственно, сформировать у них когнитивные навыки и «эмоциональный интеллект».

Важно подчеркнуть, что в информационном поле с течением времени сформировалась **тенденция укрупнения взгляда на проблему**, то есть перехода на уровень сравнительного анализа, обобщений, конкретизации и обозначения трендов наиболее острой социальной проблематики; такие более глубокие исследования сегодня активно вытесняют традиционные описательные.

Во-вторых, это подключение концептуальной базы к обсуждению частных аспектов. Здесь можно привести два примера.

Такова концепция **социального капитала современной семьи**, в который встроены предпосылки вовлечения в потребление ПАВ [11]. Это исследование, выполненное в Поволжском регионе России, установило, что из трех компонентов семейного капитала для молодых членов семьи 22-35 лет наиболее значим уровень экономического ресурса родительской семьи; состояние человеческого и культурного компонента оценивается ими

на среднем уровне. Из семейного капитала родителей для 75 % российской молодежи привлекательны социальный оптимизм, внутрисемейные взаимовыручка и поддержка, обратная связь со старшим поколением, высокая трудоспособность, семейно-родственные традиции. Особо следует отметить, что в этой публикации высока значимость для молодого поколения факторов ответственности перед семьей за свое здоровье и стрессоустойчивости.

Фоновой базовой концепцией общепсихологического характера, необходимой в контексте проблемы семейной зависимости, сегодня становится **проблема совладания** (копинга), точнее проблема значимости навыка совладания в семье как социальной структуре (сообществе). Так, исследование 2020 года, выполненное в Саратовском университете [4], показало значение семейного копинга как стратегии совместного преодоления трудностей, инструмента взаимной поддержки, от которого зависит стабильность семьи, семейной сплоченности. Автор исследования логично экстраполирует его на две ключевые проблемы: ресурсности адаптивных стратегий, обычно обсуждаемой при наличии в семье человека с тяжелым хроническим заболеванием, и наличия эффективных позитивных коммуникаций членов семьи между собой (поддержка, но не провокации и противостояние).

В позитивных семейных копинг-стратегиях супружеских пар сплоченность весомо преобладает (более 70 %). Если же преобладает конфронтационный копинг, то такая стратегия конфликтного совладания, естественно, непродуктивна и негативна.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что пандемия стала вызовом навыку выбора адекватной копинг-стратегии, и с тем, что высокая тревожность, провоцируемая рисками заражения и стрессами от вынужденной изоляции, может быть успешно сглажена «парадоксальным» мысленным уходом от проблем. Установлено, что при обращении проблем «на себя» алкоголь и отрицание не являются инструментами выбора. Преобладают переосмысление собственной жизни, планирование будущего, юмор [6].

Дисфункциональность как остроактуальный аспект зависимой семьи

Из недавних публикаций привлекательно эмпирическое исследование по дефициту модели психического у подростков из дисфункциональных семей. Исследование выполнено профессиональным юристом [1].

Этот автор продемонстрировал, что аномальные взаимоотношения в семье (дефицит эмоционального тепла, межродительская конфликтность, равнодушие или агрессия в отношении к ребенку), или семейная депривация, чреватые развитием детского психоэмоционального дефицита.

На проблемы дисфункциональной семьи, прежде всего алкогольной, в литературе часто распространяют используемый психотерапевтами термин «семейная боль» [3], обозначающий совокупность отрицательных эмоций, проживаемых семьей — зависимость и созависимость. Постулируется, что семья как социальная структура потенциально способна безгранично развиваться и преодолеть алкогольную дисфункцию. Авторы этого исследования, проведенного в Московском университете, утверждают, что выросшие в алкогольной семье и пережившие утрату родителей проживают «семейную боль» как чувство вины перед родителями и как переживание утраты близких.

Нельзя не сказать о таком факторе дисфункциональной алкогольной семьи, как **ассортативность** (неслучайность выбора партнера) в браке, отмеченном в статье врача-психиатра [9]. Эта статья значима тем, что в ней говорится о факторе **нонкомплаентности**, характерном отказе от внешней помощи; эта стратегия, конечно, препятствует решению

острых проблем семьи, связанных, например, с лечением детей. Автор полагает, что выбор супруга определяется жизненными установками женщины и ее предшествующим жизненным опытом, например, жизнью с отцом-алкоголиком. Автор подчеркивает, что при всем разнообразии форматов алкогольного брака чаще всего встречаются формы взаимного приспособления в виде спаивания как «выравнивания» наркологического статуса; один супруг таким способом делится со вторым своей стигмой алкоголика, и семья достигает ролевого психологического комфорта (в режиме созависимости). Созависимость, как пишет автор, скрепляет алкогольный брак и делает семейную атмосферу «почти терпимой».

Зарубежный опыт участия высшей школы в работе с проблемными семьями, имеющими в анамнезе химическую зависимость

На сегодняшний день адаптивным и эффективным организационным форматом исследований в области коучинга проблемных семей стало междисциплинарное и — достаточно часто — транснациональное сотрудничество.

Такова разработка австралийской научно-исследовательской группы Института проблем детства Мердока (Murdoch Children's Research Institute), выполненная в научном содружестве с университетом Мельбурна и Королевским центром педиатрии; в ней применен подход «смешанных методов» в поиске эффективных инструментов профилактики жестокого обращения с детьми 0-4 лет в семьях, входящих в группу риска аффектации и жестокого обращения [14].

При диагностировании «социального здоровья» таких семей учеными была апробирована программа «The Home Parenting Education and Support (HoPES)», разработанная Tweddle Child and Family Health Service (многопрофильным фондом помощи детям и родителям Tweddle), и проведено анкетирование, позволяющее за 8 недель получить прогнозный психосоциальный портрет семьи.

Авторы разработки исходили из того, что эффективная программа сопровождения в принципе не может длиться менее полугода; большинство ранее внедренных подобных программ рассчитано на работу с семьями, для которых фактор наркотизации неактуален, и с семьями, имеющими более старших детей. Авторы пришли к выводу, что схема смешанных методов, то есть предварительный анализ регулярно собираемых патронажом оценочных данных («цель № 1») и непосредственное взаимодействие с семьей и наблюдающими их лечащими врачами (давшими согласие на работу с их данными) («цель № 2»), может оказаться реально эффективной.

Следует иметь в виду, что изыскания последних лет выявляют и предлагают к оценке и апробации все более современные оценочные критерии, потенциально полезные в программах сопровождения проблемных семей.

Поэтому представляется необходимым упомянуть о проведенном в Новой Зеландии популяционном скрининге психосоциального статуса современных семей в двухлетнем интервале наблюдения [16].

Эта публикация представлена как совместный продукт двух научных направлений/школ университета Окленд — социальной медицины и культурно-лингвистической (применительно к культуре и этнографии маори, аборигенов Новой Зеландии).

Авторы переработали и расширили алгоритмы более ранних протоколов прогнозной оценки психического здоровья взрослых по параметрам неблагоприятных детских переживаний.

В регрессионном анализе массива данных ими была применена комбинированная переменная, включающая негативный и позитивный опыт детского возраста и объединившая две переменных: Adverse childhood experiences (ACEs) и Positive Childhood Experiences (PCEs). Они, по сути, кумулятивны и одновременно дифференциальны по влиянию на дальнейшую жизнь и благополучие человека.

Изучались ассоциации негативного детского опыта как такового с позитивными и негативными маркерами соматического и ментального здоровья во взрослом периоде жизни на предмет того, какие из них стали ведущими, а также возможности смягчения негативного опыта позитивным (в частности, социальной поддержкой).

В ходе исследования предварительно были разработаны и внедрены логистическая дорожная карта и детальные карты социально-демографических и социально-экономических характеристик участников. Ключевым параметром анализа было выбрано насилие в семье (in-homeviolence).

Основу массива данных для дальнейшей работы составили результаты популяционного обследования в трех регионах страны.

В предварительную социоэкономическую карту семьи вошли показатели: обеспечения питанием (Food security status); общего уровня депривации (Indices of Multiple Deprivation (IMD)); частоты эпизодов физического, эмоционального, сексуального насилия, дисфункциональности (по характеру взаимоотношений членов семьи и факту злоупотребления наркотиками хотя бы одним членом семьи); состояния соматического и психического здоровья (в том числе по хроническим заболеваниям); применения антидепрессантов; качества сна; вовлеченности родителей в занятия с детьми; общего психологического климата в семье (поддержка, любовь, тепло, взаимопонимание).

В социодемографической карте каждой семьи были сосредоточены также данные по возрастным категориям, этническим характеристикам, занятости, образовательному уровню, брачным и внебрачным отношениям.

В мультивариантной регрессивной модели были установлены ассоциации ACE, пищевого поведения, образовательного уровня, внутрисемейного статуса, трудовой занятости, половозрастной категории с позитивным и негативным детским опытом.

Из 2887 участников обследования менее половины (45,1 %) сообщили об отсутствии ACE как такового, 21,7 % сообщили об одном пережитом эпизоде ACE и каждый третий (33,1 %) сообщил о множественных ACE.

Как оказалось, различные типы неблагоприятного детского опыта ACE связаны с различными хроническими заболеваниями взрослого периода жизни. Так, повышенные шансы развития сердечно-сосудистых заболеваний связаны с тяжелыми впечатлениями от эпизодов психоэмоционального и сексуального насилия, импульсивного поведения и злоупотребления психоактивными веществами в быту. Превалентно-психотравмирующими в отношении шансов «приобретения» астмы оказались пережитые в детстве впечатления от злоупотребления психоактивными веществами в семье, проявления психических заболеваний среди родственников и развод родителей.

Эти ассоциативные связи, несомненно, полезны как текущие и прогнозные оценочные критерии статуса семьи, и они нашли бы свое место в программах длительного межведомственного сопровождения семей с проблемами злоупотребления.

Еще один пример конструктивного участия высшей школы в решении проблем семьи с опытом химической зависимости — американская программа мультисистемной терапии в семьях, где сочетаются несколько факторов риска: злоупотребление психо-

активными веществами, заброшенность (безнадзорность) детей, дефекты воспитания (родительские стили).

Это весьма показательная по продуманности структура и заложенному научно-практическому потенциалу разработка, в которую оказались вовлечены, с одной стороны, детские и подростковые психиатры-исследователи университета Мэриленд, с другой — местное (локальное) отделение программы глобального и общественного здравоохранения (Global and Community Health, GCH) Калифорнийского университета, призванное контролировать наркопотребление среди детей и подростков и внутри их семей [19; 20].

История создания данного научно-практического продукта заслуживает отдельного детального изучения, поскольку она представляет собой, по сути, траекторию поступательного движения научно-практического вектора, командного подхода к развитию и совершенствованию конструкта с большей доказательной эффективностью, нежели ранее предлагаемые.

Миссию программы GCH, как указано во многих документах, например, на портале Медицинского Университета Южной Каролины [12], специалисты высшей школы (ведущих университетов) видят в разработке, апробации и постоянном научном совершенствовании «клинически и экономически эффективных социально-экологических вмешательств для молодежи, взрослых и семей, страдающих ... злоупотреблением психоактивными веществами».

GCH-программа тесно примыкает к другим остросоциальным программам, входя тем самым в облачное научно-информационное поле социальной сферы. Так, на одном из базовых порталов такого облачного пространства, принадлежащем Институту социальной трансформации (The Institute for Social Transformation) [15], указано, что программа GCH опирается в свою очередь на исходную программу UCSC института Генома человека, которая обобщает и применяет на практике коллективные инновационные данные «экономических и социальных детерминант здоровья».

Также в рассматриваемой статье, объемной и глубокой, речь идет о программе по укреплению семей Multisystemic Therapy-Building Stronger Families (MST-BSF). Многочисленные эмпирические данные подтверждают, что MST-BSF действительно эффективна в работе с проблемными семьями, особенно по факторам риска наркопотребления, жестокого обращения, родительского равнодушия [13; 18]. Очевидно, успех программе обеспечивает именно фактор системности.

Сама модель MST-BSF представляет собой расширенную модификацию канадской мультисистемной модели MST-CAN, ориентированной на терапию безнадзорности [21], и разработана по запросу Департамента штата Коннектикут и организации Children and Families на специализированную программу, которая бы позволила одновременно с проблемой жестокости решать проблему родительской наркотизации (полинаркомании). MST-BSF считается первым приложением к методике когнитивно-поведенческой и мотивационной терапии в домашних условиях, основанной на опросе.

В команду наблюдения входят контролер-инспектор, терапевт, специалист по психологии семьи, психиатр, специалист по семейным ресурсам (представитель департамента, уполномоченный помочь с жильем, работой, детскими учреждениями). Каждая терапевтическая бригада ведет 4 семьи, которые посещают минимум 3 раза в неделю, то есть практически постоянно, не считая выездов на экстренные вызовы.

Пакет документов наблюдения обширен; он включает социально-демографическую карту семьи, протоколы самоотчетов, перечень употребляемых наркотиков, давность и регулярность приема; вовлеченность в потребление и аддиктивное поведение.

Команда наблюдателей следует «протоколам вмешательств», общим для всех семей: соблюдение безопасности для семьи и окружающих (включая изоляцию взрослого или помещение ребенка в детское учреждение); когнитивно-поведенческий инструментарий для взрослых потребителей наркотиков (включая детоксикацию и взятие анализов, обратную связь, планирование предотвращения рецидивов и т.д.); обсуждение мотивов жестокого обращения в присутствии всей семьи на завершающем этапе работы с семьей.

Родители заполняют анкеты самоотчетов о наркопотреблении и поведении, на дому проходят процедуры взятия крови на содержание алкоголя, мгновенные тесты на содержание 6-ти типов наркотиков в моче: марихуана, кокаин, опиоиды, амфетамины, бензодиазепины, метамфетамины.

Самоотчеты родителей включают достоверные нелицеприятные данные о фактах допущенного ими пренебрежения и оскорбительного поведения по отношению к детям. Кроме того, и родитель, и ребенок заполняют опросники по шкалам (ненасильственная дисциплина, телесные наказания, вовлеченность в жизнь семьи).

Эта модель работы с «наркотизированной» семьей признана Министерством здравоохранения и социальных служб США (HHS) одной из наиболее полных и скоординированных моделей для решения проблем жестокого обращения с детьми и проблем родителем.

Более того, модель именно домашнего надзора и помощи на местах позволяет преодолеть трудности, связанные с логистикой и доступом к лечению и консультациям.

Авторы статьи оговаривают оправданно жесткие требования к подготовке бригад наблюдателей к работе, по меньшей мере в течение двух недель, посредством групповых занятий и консультаций.

Авторы сообщают, что в целом эффект от модели оказывается ниже ожидаемого (от небольшого до среднего), и модель действует выборочно, хотя снижает потребление алкоголя и опиатов и смягчает тенденции родительского равнодушия.

Они связывают этот факт неоднородной эффективности с тем, что население, которое находится в центре внимания исследования и для которого предназначена программа MST-BSF, — это, как правило, люди с тяжелым и стойким злоупотреблением психоактивных веществ, столкнувшиеся с экономическим неблагополучием и безработицей, находящиеся в длительном стрессе.

Реальный уровень вовлеченности в модель авторы оценивают в 31 % от желаемого. По их мнению, успешные эпизоды работы модели связаны с тем, что вмешательство либо было начато до формирования тяжелых стадий зависимости, либо оно совпало с завершением лечения.

Важным элементом этой публикации является тезис о значимости добровольного осознанного партнерства специалистов-медиков с крупной государственной системой защиты детей. Постулируется, что государственные системы, имеющие отношение к защите интересов семьи, настороженно относятся к проведению каких-либо «чужих» исследований в их пространстве под предлогом, например, нарушения требований рандомизации и нагрузки на участников, хотя практика показывает реальный потенциал данной модели.

В массиве публикаций научно-практического направления следует выделить работу с семьями, проведенную исследовательской группой с участием специалистов университетов Энн Арбор, Калифорнийского, Огайо, клиницистов Национальной клиники

детского возраста и специалистов Мичиганского целевого детского фонда, специализированного на проблемах осложненного родительства [17].

Группа представила результаты применения программы позитивного родительства «Triple P» (Positive Parenting Program) к работе с семьями группы риска употребления наркотиков. Подчеркнем — только еще «группы риска потребления».

Данное исследование было предпринято в связи с обеспокоенностью авторов возросшей доступностью опиоидов, сопутствующей преступностью, высокой смертностью женщин детородного возраста и рожениц с опиоидной зависимостью, а также 8-кратным за 9 лет увеличением случаев госпитализации младенцев с абстинентным синдромом новорожденных.

В частности, в штате Огайо, особенно в его центральной части, находится один из эпицентров «опиоидной эпидемии» и смертности от передозировок. Эти события ложатся тяжелым финансовым бременем на штат; кроме того, ситуация резко обострилась в связи с ковидной пандемией, усугубившей тенденцию передозировок.

Представляя на обсуждение программу работы на основе модели тройного позитивного воспитания Triple P, авторы подчеркивают, что модель Triple P базируется на структуре общественного здравоохранения.

Она направлена на предотвращение эмоциональных, поведенческих и возрастных (кризисных) проблем у детей посредством повышения родительской компетентности в основных стратегиях родительства. Постепенно усложняющаяся программа обучения сочетает в себе информацию с приобретением навыков адаптации.

Авторы свидетельствуют, что их исследование стало первым в плане применения программы Triple P к семьям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях (материнские депрессии, наличие детей-инвалидов, проживание в приютах для бездомных, недоступность помощи в силу труднодоступной местности и т.д.).

Более того, авторы на практике подтвердили эффективность данной программы в защите детей от жестокого обращения и в других семейных факторах риска. Есть данные о положительной оценке обучения в рамках программы родителями, включенными в систему защиты детей.

Программа реализуется в нескольких уровнях, в зависимости от финансовых возможностей регионального Совета штата по профилактике жестокого обращения с детьми. Совет финансирует обучение родителей позитивным стратегиям родительства, одновременно снижая провоцирующий фактор — употребление психоактивных веществ.

Иными словами, конструктами данной модели являются обучающееся сообщество (семьи) и ведущее агентство (администрация), обеспечивающее наставничество и техническую поддержку. Таких конструктов может быть неопределенно много в каждой отдельно взятой местности штата. В конструкт также встроена деятельность медиков-наркологов, предоставляющих услуги реабилитации и лечения. В результате взаимодействуют между собой различные перинатальные центры, амбулаторные центры и даже небольшое поселение для семей, в которых есть лица, страдающие от расстройств, связанных со злоупотреблением. Все они задействованы в программе на уровнях, признанных оптимальными (так, программа 4-го уровня предусматривает обучение родителей взаимодействию с детьми, имеющими большие поведенческие проблемы).

Программа адаптирована к ковидному и постковидному регламенту. Совет добавил в перечень услуг дополнительные варианты Triple P Primary Care в 2019 году и Triple P Online в 2020 году. После закрытия штата Огайо из-за COVID-19 в марте 2020 года

большинство мероприятий Triple P переместились в онлайн, исключительно в формате видеоконференций. Triple P Online отличается от стандартного вмешательства Triple P, также осуществляемого виртуально, но ведет ее фасилитатор, работающий с группой; Triple P Online — это серия вебинаров в индивидуальном формате со своим темпом работы.

Программа предусматривает заполнение анкет социодемографического характера, а также ответы на вопросы о семье по шкале Лайкерта (о семейном функционировании и устойчивости, о качестве диады родитель-ребенок). Заполнение возможно лично или по телефону, через других родственников. Совокупность вопросов в анкетах затрагивает количественные и качественные характеристики семьи. Все опросники анализируются как минимум двумя научными сотрудниками (психологами, психиатрами), третий сотрудник обобщает результаты опроса в итоговом документе.

Авторы полагают, что в конкретной группе населения (родители с рисками злоупотребления и жестокого обращения) достигнуто положительное влияние на родителей по факторам заботы, привязанности и семейной функциональной устойчивости, а также затрагивается проблема саморегуляции и повышается самоэффективность.

Программа также изменила паттерны родительской ярости (безразличия) и чрезмерной реактивности. Самые экстремальные проявления родительской дисфункции (физические наказания, прямые оскорбления, избиения) не нашли отражения в программе, вероятно, в связи с «низкой базовой частотой родителей, сообщающих о таких типах поведения».

Вместе с тем программа не оказала заметного влияния на социальную поддержку или любую конкретную поддержку со стороны. Авторы полагают, что, поскольку в программе одновременно участвуют семьи, однородные по проблемам детского поведения и сравнимые по возрасту, социальная поддержка как дополнение и фокус работы программы им просто не нужна — такие семьи находят ее в общении (здесь возникает побочная проблема изоляции).

Следует заметить, что программа учитывает связь жестокого обращения и бедности (о чем говорилось выше) и относит задачу расширения в этом направлении на будущее. В целом родители высоко оценили программу и выразили надежду на возвращение в формат личного общения.

Среди новейших (июнь 2022 г.) публикаций по проблеме химической зависимости следует также выделить американскую поисковую разработку как пример взаимодействия системного программирования в области превентивных стратегий и практической психологии [16].

Детально анализируя с помощью своего профессионального инструментария обширный литературный материал, авторы предприняли достаточно смелую и нетривиальную попытку формализовать процесс развития семейной аддиктивности и представить его как конструкт каскадной модели развития.

Рабочая гипотеза этиологии вовлечения в употребление психоактивных веществ связывает этот риск с каскадными эффектами ранней родительской социализации. В концептуальную основу исследования вошли также представления об активной роли биопсихосоциального комплекса в детерминации поведенческих паттернов, в противоположность пассивному подчинению разворачивающимся событиям, то есть в концепции заложен принцип противодействия обстоятельствам жизненной среды.

В этом материале ценны некоторые методологические элементы; так, на системном уровне обсуждаются способы измерения междоменных причинно-следственных связей

и эффектов, междисциплинарных механизмов риска. Вынесен на обсуждение также тезис о том, что многофакторные взаимоотношения переменных в ходе развития и, соответственно, множественные пути развития событий могут привести к одному результату.

В целом, авторы постулируют, что каскадную природу имеют междисциплинарные транзакционные и/или интерактивные процессы, сопровождающие столкновение индивида или семьи с рисками наркотизации. В частности, сроки семейной социализации определяют позднюю или раннюю дезадаптацию в социуме и меньшую уязвимость, большую податливость профилактическим вмешательствам. Агенты социализации (семья, сверстники) становятся более или менее влиятельными в определенных «критических» точках жизненного развития. Важны достоверно установленные причинно-следственные связи факторов риска и защиты в каждой отдельно взятой семье и для каждого члена семьи (по меньшей мере по его психосоциальному статусу) для диагностирования семейной дисфункции.

Выражая «осторожный оптимизм» по поводу применения каскадных моделей, авторы указывают на их затратность и множественность действующих факторов риска пролонгированного действия, участвующих в этиологии наркозависимого поведения, включая семейную социализацию (деструктивный или конструктивный стиль взаимоотношений), а также на условие их тщательного и адекватного отбора для анализа.

Заключение

Материал о поисковых программах психологического сопровождения позволяет в будущем значительно раздвинуть границы сопровождения.

Разнообразие программ сопровождения определяется уровнем их поддержки государственными структурами (администрация локального/регионального масштаба, система защиты детей и семьи и др.), а также профессиональными компетенциями лиц, непосредственно осуществляющих наблюдение/сопровождение. Поэтому роль научной школы здесь переоценить невозможно.

Помимо условий разработки разнообразие программ наблюдения, сопровождения и оказания помощи семьям определяется чрезвычайной вариабельностью факторов и процессов, участвующих в формировании семейной зависимости и созависимости.

Вариативность как характерная и специфическая особенность программ сопровождения семей с проблемами зависимости диктует жесткие требования к организации работы бригад (команд) сопровождения, их составу и алгоритму ведения таких вмешательств.

Программа вмешательства должна учитывать имеющуюся информацию об особенностях семейной психологии и предполагает предварительный сбор анамнеза семьи по многочисленным параметрам, то есть предварительную подготовку своего рода дорожных карт по социально-демографическому, социально-экономическому, социально-психологическому, медицинскому, образовательному, этническому, межпоколенческому статусам.

Более того, команда (бригада), работающая с конкретной семьей, должна располагать пакетом дорожных карт вмешательства для каждого члена семьи.

Имеющиеся в распоряжении специалистов инструменты опроса следует существенно обогатить индикаторами психологического благополучия семей (качество брачных отношений, ассортативность, поведенческие стратегии в браке, наличие комплаентности, наличие социальной вовлеченности окружающих и другие).

Литература

1. *Гартвик Е.В.* Дефицит модели психического как фактор делинквентного поведения подростков в условиях дисфункциональной семьи. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 6(196). С. 415—419.
2. *Литвинова А.В., Березина Т.Н., Кокурин А.В., Екимова В.И.* Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 94—104. DOI:10.17759/jmfr.2022110309
3. *Луценко А.М., Спиваковская А.С.* Представления о феномене «семейная боль» у лиц, выросших в алкогольной семье // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 2. С. 83—102. DOI:10.11621/vsp.2020.02.05
4. *Орлова М.М.* Зависимость семейного совладания от индивидуальных адаптационных стратегий и характеристик семейного окружения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 4. С. 428—433. DOI:10.18500/1819-7671-2020-20-4-428-433
5. Основные подходы, технологии организации социально-психолого-педагогической работы с семьями, имеющими зависимость от ПАВ: учебно-методическое пособие / под руководством Е.В. Белевцевой. Тула: ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», 2017. 164 с.
6. *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90—108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
7. *Флорова Н.Б.* Семейные индикаторы риска аддиктивного поведения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Т. 1. № 3. С. 105—116. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfr/archive/2012_n3/56576 (дата обращения: 11.01.2023).
8. *Фомина Т.Г.* Концептуальные подходы к анализу саморегулируемого обучения в зарубежной психологии образования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 27—37. DOI:10.17759/jmfr.2022110303
9. *Шайдукова Л.К.* Ассортативность алкогольных браков — выбор партнеров и стратегий // Вопросы наркологии. 2021. № 12(207). С. 73—83. DOI:10.47877/0234-0623_2021_12_73
10. *Шаповаленко И.В.* Современное родительство: новые исследовательские подходы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 58—67. DOI:10.17759/jmfr.2022110106
11. *Шиняева О.В., Ушкова Ю.В.* Семейный капитал и его зависимость от социальных характеристик семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1(45). С. 120—133. DOI:10.21685/2072-3016-2018-1-14
12. Division of Global & Community [Электронный ресурс] // The College of Medicine at Medical University of South Carolina. 2022. URL: <https://medicine.musc.edu/departments/psychiatry/divisions-and-programs/divisions/global-and-community-health> (дата обращения: 11.11.2022).
13. Family-Based Treatment for Parental Substance Abuse and Child Maltreatment [Электронный ресурс] // National library of Medicine. ClinicalTrials. 2022. URL: <https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT01656837> (дата обращения: 11.11.2022).
14. *Giallo R., Rominov H., Fisher C., Jones A., Evans K., O'Brien J., Fogarty A.* A mixed-methods feasibility study of the Home Parenting Education and Support Program for families at risk of child maltreatment and recurrence in Australia // Child Abuse & Neglect. 2021. Vol. 122. P. 105356. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105356
15. Global and Community Health [Электронный ресурс] // Institute for Social Transformation. 2022. URL: <https://transform.ucsc.edu/work/gch/> (дата обращения: 11.11.2022).
16. *Hashemi L., Fanslow J., Gulliver P., McIntosh T.* Exploring the health burden of cumulative and specific adverse childhood experiences in New Zealand: Results from a population-based study // Child Abuse & Neglect. 2021. Vol. 122. P. 105372. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105372

17. Maguire-Jack K., Steinman K.J., Lesnick J., Solomon A., West K., Roush K., Zimpfer K., Cunningham N. Implementing Triple P during the COVID-19 pandemic with families at risk for substance use // *Child Abuse & Neglect*. 2022. Vol. 129. P. 105636. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105636
18. Penman J. Multisystemic Therapy Help Families Overcome Difficult Obstacles [Электронный ресурс] // MST services. 2016. URL: <https://info.mstservices.com/blog/mst-can-bsf> (дата обращения: 11.11.2022).
19. Schaeffer C.M., Swenson C.C., Powell J.C. Multisystemic Therapy — Building Stronger Families (MST-BSF): Substance misuse, child neglect, and parenting outcomes from an 18-month randomized effectiveness trial [Электронный ресурс] // *Child Abuse & Neglect*. 2021. Vol. 122. P. 105379. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105379
20. Scheier M.L., Shigeto A. Developmental cascades in studies of adolescent and young adult substance use etiology: A systematic review [Электронный ресурс] // *Addictive Behaviors Reports*. 2022. Vol. 15. P. 100420. DOI:10.1016/j.abrep.2022.100420
21. Swenson C.C., Schaeffer C.M. A Multisystemic Approach to the Prevention and Treatment of Child Abuse and Neglect // *International Journal on Child Maltreatment: research, policy and practice*. 2018. Vol. 1(1). P. 97—120. DOI:10.1007/s42448-018-0002-2

References

1. Gartvik E.V. Defitsit modeli psikhicheskogo kak faktor delinkventnogo povedeniya podrostkov v usloviyakh disfunktsional'noi sem'i [The deficit of the mental model as a factor of delinquent behavior of adolescents in a dysfunctional family]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta [Scientific notes of the P.F. Lesgaft University]*, 2021, no. 6(196), pp. 415—419.
2. Litvinova A.V., Berezina T.N., Kokurin A.V., Ekimova V.I. Psikhologicheskaya bezopasnost' obuchayushchikhsya vo vzaimodeistvii s virtual'noi real'nost'yu [Psychological safety of students in interaction with virtual reality]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 94—104. DOI:10.17759/jmfp.2022110309
3. Lutsenko A.M., Spivakovskaya A.S. Predstavleniya o fenomene «semeinaya bol'» u lits, vyrosших v alkohol'noi sem'e [Deas about the phenomenon of “family pain” in people who grew up in an alcoholic family]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology]*, 2020, no. 2, pp. 83—102. DOI:10.11621/vsp.2020.02.05
4. Orlova M.M. Zavisimost' semeinogo sovladaniya ot individual'nykh adaptatsionnykh strategii i kharakteristik semeinogo okruzheniya [Dependence of family coping on individual adaptation strategies and characteristics of the family environment]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [News of Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy]*, 2020. Vol. 20, no. 4, pp. 428—433. DOI:10.18500/1819-7671-2020-20-4-428-433
5. Osnovnye podkhody, tekhnologii organizatsii sotsial'no-psikhologo-pedagogicheskoi raboty s sem'yami, imeyushchimi zavisimost' ot PAV: uchebno-metodicheskoe posobie [Basic approaches, technologies for organizing socio-psychological and pedagogical work with families dependent on surfactants: an educational and methodological manual] under the guidance of E.V. Belevtseva. Tula: GU TO «Regional'nyi tsentr «Razvitiye» [«Regional center «Development»], 2017. 164 p.
6. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub'ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 90—108. DOI:10.17759/cpp.2020280205 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Florova N.B. Semeinye indikatory riska addiktivnogo povedeniya [Elektronnyi resurs] [Family risk indicators of addictive behavior]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2012. Vol. 1, no. 3, pp. 105—116. Available at: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2012_n3/56576 (Accessed 11.01.2023).

8. Fomina T.G. Kontseptual'nye podkhody k analizu samoreguliruemogo obucheniya v zarubezhnoi psikhologii obrazovaniya [Elektronnyi resurs] [Conceptual approaches to the analysis of self-regulated learning in foreign psychology of education]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 27—37. DOI:10.17759/jmfp.2022110303
9. Shaidukova L.K. Assortativnost' alkohol'nykh brakov — vybor partnerov i strategii [The assortativity of alcoholic marriages — the choice of partners and strategies]. *Voprosy narkologii [Issues of narcology]*, 2021, no. 12(207), pp. 73—83. DOI:10.47877/0234-0623_2021_12_73
10. Shapovalenko I.V. Sovremennoe roditel'stvo: novye issledovatel'skie podkhody [Elektronnyi resurs] [Modern parenting: new research approaches]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 58—67. DOI:10.17759/jmfp.2022110106
11. Shinyaeva O.V., Ushkova Yu.V. Semeinyi kapital i ego zavisimost' ot sotsial'nykh kharakteristik semei [Family capital and its dependence on the social characteristics of families]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]*, 2018, no. 1(45), pp. 120—133. DOI:10.21685/2072-3016-2018-1-14
12. Division of Global & Community [Electronic resource]. *The College of Medicine at Medical University of South Carolina*, 2022. Available at: <https://medicine.musc.edu/departments/psychiatry/divisions-and-programs/divisions/global-and-community-health> (Accessed 11.11.2022).
13. Family-Based Treatment for Parental Substance Abuse and Child Maltreatment [Electronic resource]. *National library of Medicine. ClinicalTrials*, 2022. Available at: <https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT01656837> (Accessed 11.11.2022).
14. Giallo R., Rominov H., Fisher C., Jones A., Evans K., O'Brien J., Fogarty A. A mixed-methods feasibility study of the Home Parenting Education and Support Program for families at risk of child maltreatment and recurrence in Australia. *Child Abuse & Neglect*, 2021. Vol. 122, pp. 105356. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105356
15. Global and Community Health [Electronic resource]. *Institute for Social Transformation*, 2022. Available at: <https://transform.ucsc.edu/work/gch/> (Accessed 11.11.2022).
16. Hashemi L., Fanslow J., Gulliver P., McIntosh T. Exploring the health burden of cumulative and specific adverse childhood experiences in New Zealand: Results from a population-based study. *Child Abuse & Neglect*, 2021. Vol. 122, pp. 105372. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105372
17. Maguire-Jack K., Steinman K.J., Lesnick J., Solomon A., West K., Roush K., Zimpfer K., Cunningham N. Implementing Triple P during the COVID-19 pandemic with families at risk for substance use. *Child Abuse & Neglect*, 2022. Vol. 129, pp. 105636. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105636
18. Penman J. Multisystemic Therapy Help Families Overcome Difficult Obstacles [Electronic resource]. *MST services*, 2016. Available at: <https://info.mstservices.com/blog/mst-can-bsf> (Accessed 11.11.2022).
19. Schaeffer C.M., Swenson C.C., Powell J.C. Multisystemic Therapy — Building Stronger Families (MST-BSF): Substance misuse, child neglect, and parenting outcomes from an 18-month randomized effectiveness trial [Electronic resource]. *Child Abuse & Neglect*, 2021. Vol. 122, pp. 105379. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105379
20. Scheier M.L., Shigeto A. Developmental cascades in studies of adolescent and young adult substance use etiology: A systematic review [Electronic resource]. *Addictive Behaviors Reports*, 2022. Vol. 15, pp. 100420. DOI:10.1016/j.abrep.2022.100420
21. Swenson C.C., Schaeffer C.M. A Multisystemic Approach to the Prevention and Treatment of Child Abuse and Neglect. *International Journal on Child Maltreatment: research, policy and practice*, 2018. Vol. 1(1), pp. 97—120. DOI:10.1007/s42448-018-0002-2

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Барцалкина Виктория Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Флорова Нина Борисовна, кандидат биологических наук, исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

Information about the authors

Galina V. Semya, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhovoya, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Viktoria V. Bartsalkina, PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Nina B. Florova, PhD (Biological), Research, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

Получена 11.11.2022

Принята в печать 30.11.2022

Received 11.11.2022

Accepted 30.11.2022

Социально-психологическая типология семей с проблемами алкоголизации и наркотизации

Барцалкина В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Моисеев О.О.

Московское городское отделение Общероссийской общественной организации поддержки президентских инициатив в области здоровьесбережения нации «Общее дело» (МГО ООО «Общее дело»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8535-7057>, e-mail: moiseev_od@mail.ru

Третьяк Э.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8496-2578>, e-mail: treyakev@fdomgppu.ru

Хромышева Е.В.

ООО Центр практической аддиктологии «Цель»
(ООО ЦПА «Цель»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6038-4032>, e-mail: hromysheva@inbox.ru

В статье отражены результаты создания социально-психологической типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости, определен ряд психологических и социальных проблем у членов семьи, зависимых от алкоголя и наркотиков. С этой целью и применительно к этой социальной группе: проанализированы основные проблемы, свойственные детям в ситуации, когда один или оба родителя имеют наркотическую или алкогольную зависимость; проанализированы подходы к пониманию наполненности термина «семья»; проведены систематизация и обобщение проблем, характерных для указанного типа семей.

Ключевые слова: семья, семейная система, алкогольная зависимость, наркотическая зависимость.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.04.2022 № 073-00110-22-02 «Анализ социально-психологических, психолого-педагогических технологий сопровождения семей, в которых родители имеют риски возникновения зависимостей употреблений ПАВ или страдают зависимостями, разработка и апробация комплексных методических материалов для специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Для цитаты: Барцалкина В.В., Моисеев О.О., Третьяк Э.В., Хромышева Е.В. Социально-психологическая типология семей с проблемами алкоголизации и наркотизации [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 40—53. DOI:10.17759/ssc.2022030203

Socio-psychological Typology of Families with Problems of Alcoholism and Drug Addiction

Victoria V. Bartsalkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Oleg O. Moiseev

All-Russian Public Organization for Support of Presidential Initiatives

in the Field of Health Saving the Nation “Common Cause”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8535-7057>, e-mail: moiseev_od@mail.ru

Elina V. Tretyak

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8496-2578>, e-mail: tretyakev@fdomgppu.ru

Elena V. Hromysheva

Center for Practical Addictology “Tsel”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6038-4032>, e-mail: hromysheva@inbox.ru

The article reflects the results of creating a socio-psychological typology of families with the problem of alcohol and drug addiction, a number of psychological and social problems in family members addicted to alcohol and drugs are identified. For this purpose and in relation to this social group: the main problems inherent in children in a situation where one or both parents have drug or alcohol addiction are analyzed; the approaches to understanding the fullness of the term “family” are analyzed, the systematization and generalization of the problems characteristic of this type of families are carried out.

Keywords: family, family system, alcohol addiction, drug addiction.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022 “Analysis of socio-psychological, psychological and pedagogical technologies for supporting families in which parents have risks of addiction to surfactants or suffer from addictions, development and testing of comprehensive methodological materials for specialists of bodies and institutions of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency”.

For citation: Bartsalkina V.V., Moiseev O.O., Tretyak E.V., Hromysheva E.V. Socio-psychological typology of families with problems of alcoholism and drug addiction. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 40—53. DOI:10.17759/ssc.2022030203 (In Russ.).

Введение

В современном мире как никогда остра проблема зависимости от алкоголя, никотина, лекарственных препаратов и наркотических веществ, то есть от ПАВ (психотропно-активные и психоактивные вещества). Она особо значима для специалистов органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Алкоголизация и наркотизация одного или нескольких членов семьи являются одной из детерминант безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, причиной

нарушения ценностно-смыслового и субъективного восприятия института семьи в сознании несовершеннолетнего, деформации ролевой модели семейного уклада. С.В. Бубнов отмечает, что «огромную роль в становлении “преступного” образа подростка играет его ближайшее окружение, т.е. семья. Именно семья закладывает в личность ребенка базовые правила поведения, что хорошо, а что плохо, что можно или нельзя делать» [3]. Л.В. Дябина указывает, что несовершеннолетних могут вовлечь в употребление и незаконный оборот наркотиков «родители, педагоги либо лица, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего» [6].

Отечественные и зарубежные авторы подчеркивают, что семейная ситуация определяет качественное своеобразие психологических и социальных проблем, с которыми сталкиваются члены семьи, включая проблемы алкоголизации и наркотизации.

В настоящее время выявление и индивидуальная работа с семьями, где один или несколько ее членов имеют проблемы с алкогольной и/или наркотической зависимостью, становятся приоритетными задачами наряду с формированием мотивации здорового образа жизни и профилактикой правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

Следует отметить, что отсутствие единства мнений в отношении термина «семья» и связанного с ним понятийного аппарата в современной психологии определяет дефицит исследований, изучающих семью как единую систему и дифференцирующих ее конструктивные элементы.

Так, авторы книги «Практика семейной психотерапии. Системно-аналитический подход» Н. Олифирович и Т. Велента отмечают: «сложность изучения семьи как системы, а также отсутствие обобщенного анализа и ясной трактовки имеющегося понятийного аппарата вызывают необходимость определения адекватных теоретических подходов к пониманию и описанию феноменов семейных отношений» [16].

Ю.В. Железнова отмечает, что «явление “семья”, будучи объектом изучения гуманитарных наук, представляется бинарным феноменом, что проявляется в существовании двух подходов к его рассмотрению. В широком понимании семья исследуется как макроорганизм, социальный институт, со сложной внутренней структурой. В узком толковании семья изучается как малая группа, складывающаяся на основе родственных, матримониальных или родительских отношений» [7]. Этот подход к пониманию наполненности термина «семья» также отражен в трудах известного российского социолога А. Антонова [2].

В зарубежных исследованиях отмечен «эффект домино» в семейной системе в случае употребления алкоголя одним из членов семьи. Так, употребление алкоголя несовершеннолетним членом семьи влияет на его отношения с другими взрослыми членами семьи, что неблагоприятно сказывается на воспитании детей [22]. В семьях, где один из родителей болен алкоголизмом, риск развития зависимости от психоактивных веществ у детей возрастает в 1,5 раза [23]. Эмпирические исследования влияния употребления психоактивных веществ одним членом семьи на его родственников демонстрируют единство и неразрывность семейной системы, а также определяют необходимость оказания помощи не только члену семьи, употребляющему психоактивные вещества, но и семье как социальной единице.

Необходимость комплексных решений в сфере оказания помощи семьям с проблемой алкоголизации и наркотизации, а также необходимость подбора специфичных методов и методик с целью реализации алгоритмов помощи определили необходимость создания комплексных методических материалов для специалистов системы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Социально-психологическое сопровождение семей, столкнувшихся с проблемой зависимости от психоактивных веществ, является важным этапом в становлении функциональной семейной системы. Обеспечение персонифицированного подхода к разрешению существующих проблем семьи определило необходимость создания социально-психологической типологии семей с проблемой алкоголизации и наркотизации.

Целью исследования стала разработка социально-психологической типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости. В своей работе авторы придерживаются бинарного подхода к рассмотрению феномена «семья».

При создании типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости мы опирались на работы А. Лидерс, В. Менделевич, О. Макушиной, Э. Эйдемиллер, И. Добрякова, И. Никольской, Ц. Короленко [9; 11; 13; 20].

А. Лидерс предлагает понимание семьи как системы, неразрывной в своем смысловом единстве, описывает не только особенности внутрисемейного взаимодействия, но и предлагает методы работы, направленные на стабилизацию и функциональную активность семейной системы.

Труды известного российского психиатра В.Д. Менделевича определяют «медико-психологические закономерности возникновения, формирования и течения девиантных форм поведения человека, характеризующихся доминантой зависимости» [12].

В работах зарубежных исследователей также следует отметить частоту обращения к системному подходу в профилактике и психологической работе с внутрисемейными проблемами [22; 23].

Методы

В соответствии с целями нашей работы проведены обобщение, анализ и систематизация представлений отечественных и зарубежных исследователей в области семейной психологии и в области изучения зависимого поведения.

Результаты проведенного анализа стали основой для создания социально-психологической типологии семей с проблемой алкоголизации и наркотизации.

Для первичной классификации семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости мы использовали критерий, относящийся непосредственно к самому объекту зависимости, выделив три группы семей: с проблемой алкогольной зависимости, с проблемой наркотической зависимости, семья с сочетанным типом зависимости.

На следующем этапе мы обратились к исследованиям в области социологии, описывающим типы семей в соответствии с их составом.

При разработке социально-психологической типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости авторы опирались на системный и бинарный подходы. В основу исследования легла концепция Л.В. Семеновой [17].

Согласно целям работы из типологии Л.В. Семеновой нами были выделены три типа семей:

- нуклеарные семьи (родители и их дети);
- семьи осколочного типа, первоначально строившиеся на супружеской основе (семьи типа «родитель-ребенок», неполные семьи, ребенок и прародитель);
- расширенный тип семьи, многопоколенный.

В своей работе мы обобщили описанные выше классификации с целью создания типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости.

Результаты и обсуждение

В основу типологизации семей были положены: критерий наличия или отсутствия зависимости, тип зависимости (алкогольная, наркотическая, сочетанный тип зависимости), а также состав семьи.

В результате проведенного теоретического системного анализа источников были выделены 11 типов семей (см. таблицу):

1. Нуклеарные семьи, в которых один или оба родителя имеют алкогольную зависимость, несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
2. Нуклеарные семьи, в которых один или оба родителя имеют наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
3. Семьи осколочного типа, в которых родитель имеет алкогольную зависимость, несовершеннолетние члены семьи не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
4. Семьи осколочного типа, в которых родитель имеет наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, несовершеннолетние члены семьи не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
5. Расширенный тип семьи, в которых прародители или другие совершеннолетние члены семьи имеют алкогольную зависимость, родители несовершеннолетних и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
6. Расширенный тип семьи, в которых родители или один из родителей несовершеннолетних имеет алкогольную зависимость, прародители или другие совершеннолетние члены семьи и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
7. Расширенный тип семьи, в которых прародители или другие совершеннолетние члены семьи имеют наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, родители несовершеннолетних и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
8. Расширенный тип семьи, в которых родители или один из родителей несовершеннолетних имеет наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, прародители или другие совершеннолетние члены семьи и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
9. Расширенный тип семьи, в которых все совершеннолетние члены семьи имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости, несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
10. Семьи нуклеарного, осколочного и расширенного типов, в которых несовершеннолетние имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости, совершеннолетние члены семьи не имеют алкогольной и наркотической зависимости;
11. Семьи нуклеарного, осколочного и расширенного типов, в которых все члены семьи, включая несовершеннолетних, имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости.

Таблица

**Социально-психологическая типология семей
с проблемой алкоголизации и наркотизации**

тип 1			тип 7			
родитель 1	родитель 2	ребенок	родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний
АЗ	АЗ/СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	НЗ/АНЗ

тип 2				тип 8			
родитель 1	родитель 2	ребенок		родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний
НЗ/АНЗ	НЗ/АНЗ/СЗ	СЗ		НЗ/АНЗ	НЗ/АНЗ/СЗ	СЗ	СЗ
тип 3				тип 9			
родитель 1	ребенок			родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний
АЗ	СЗ			АЗ/НЗ/АНЗ	АЗ/НЗ/АНЗ	СЗ	АЗ/НЗ/АНЗ
тип 4				тип 10			
родитель 1	ребенок			родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний
НЗ/АНЗ	СЗ			СЗ	СЗ	АЗ/НЗ/АНЗ	СЗ
тип 5				тип 11			
родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний	родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний
СЗ	СЗ	СЗ	АЗ	АЗ/НЗ/АНЗ	АЗ/НЗ/АНЗ	АЗ/НЗ/АНЗ	АЗ/НЗ/АНЗ
тип 6							
родитель 1	родитель 2	ребенок	совершеннолетний				
АЗ	АЗ/СЗ	СЗ	СЗ				

Условные обозначения. Родитель 1 — отец/отчим, проживающие на одной территории с несовершеннолетним. Родитель 2 — мать/мачеха, проживающие на одной территории с несовершеннолетним. Ребенок — несовершеннолетний(-ие). Совершеннолетний — совершеннолетний член семьи, не являющийся матерью/отцом/мачехой/отчимом по отношению к несовершеннолетнему, проживающий на одной территории с несовершеннолетним. АЗ — алкогольная зависимость. НЗ — наркотическая зависимость. АНЗ — сочетанная зависимость. СЗ — созависимость.

Необходимо отметить качественное своеобразие проблем, характерных для разных типов семей, определяющее необходимость подбора специфичных методов социальной, психологической и педагогической помощи, реализуемой в рамках профилактической работы, направленной на снижение уровня беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, в нуклеарных семьях, где один или оба родителя имеют алкогольную зависимость, а несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости, наблюдается снижение уровня эмоционального интеллекта, склонность к использованию неадаптивных избегающих типов копинга: изоляция, игнорирование, отказ от действия. Дети из алкогольных семей имеют большую эмоциональность и впечатлительность, склонны к бродяжничеству, воровству. Не ощущая уверенности в родителях, дети из алкогольных семей демонстрируют низкий уровень доверия к миру и к людям, низкий уровень толерантности к неопределенности, тревожность и страхи неустановленного генеза [19].

В нуклеарных семьях, где один или оба родителя имеют наркотическую зависимость, а несовершеннолетний не имеет алкогольной и наркотической зависимости, преобладает экстернальное положение локуса контроля у всех членов семьи, во внутрисемейных отношениях преобладают созависимые и контрзависимые типы межличностных

отношений. Несовершеннолетние в таких семьях склонны к асоциальному, иногда делинквентному поведению, ранней эмансипации в ее психологическом значении. Кроме того, несовершеннолетние, проживающие вместе с родителем, страдающим наркотической зависимостью, имеют высокий риск развития химических и нехимических аддикций. Часто родители с наркотической зависимостью уже имеют проблемы с законом или находятся в поле зрения правоохранительных органов. Несовершеннолетний с детства испытывает беспокойство при взаимодействии с сотрудниками полиции или с представителями социальных служб, интроецируя модель родительского поведения в такой социальной ситуации. Дети из семей, где один или оба родителя имеют наркотическую зависимость, часто подвергаются моббингу и буллингу со стороны одноклассников, имеют риск попадания в компанию сверстников с девиантными ценностями [15].

Семьи осколочного типа, в которых прародитель или родитель имеет алкогольную зависимость, а несовершеннолетний не имеет алкогольной и наркотической зависимости, характеризуются низким уровнем стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности ее членов, сниженным уровнем субъективного благополучия. Доминирующий стиль воспитания в таких семьях чаще попустительский. Несовершеннолетние в таких семьях, как правило, имеют трудности социализации, демонстрируют низкие результаты учебной деятельности, суицидальные и аутодеструктивные тенденции.

Ощущая собственную беспомощность в отношении проблемы зависимости члена семьи, несовершеннолетний выбирает эмоционально-ориентированные типы копинга. Такие как: изоляция аффекта, минимизация значимости проблемы с использованием юмора. Напряженность психологических защит растет, защищая психику ребенка от осознания факта проблемы. Часто можно наблюдать явление рационализации как защитного механизма в попытках несовершеннолетнего оправдать зависимость близкого человека. Объясняя зависимое поведение близкого усталостью, сложными условиями жизни, генетикой, несовершеннолетний убеждает себя в существовании подобной «нормы». Семейная модель изначально обладает для ребенка негативной эмоциональной окраской. В дальнейшем детям из таких семей сложно удастся построить отношения с представителями противоположного пола и создать функциональную модель собственной семьи [4].

Семьи осколочного типа, в которых родитель или прародитель имеют наркотическую или сочетанный тип зависимости, а несовершеннолетние не имеют алкогольной или наркотической зависимости, чаще относятся к закрытому типу. В таких семьях употребление ПАВ членом семьи тщательно скрывается от общества, тема употребления табуирована. Часто дети в таких семьях осознанно сужают круг социальных контактов, чтобы скрыть факт употребления наркотических веществ близким человеком. Члены семьи демонстрируют склонность к тревожным и депрессивным расстройствам, высокий уровень психоэмоционального напряжения, склонность к избегающим типам копинга, высокую напряженность психологических защит [8].

Расширенный тип семьи, в которой прародитель или другой совершеннолетний член семьи имеют алкогольную зависимость, родители несовершеннолетнего и несовершеннолетний не имеют химической зависимости, характеризуется наличием созависимости у всех не употребляющих ПАВ членов семьи, высоким уровнем тревожности, склонностью к избеганию времяпрепровождения дома, стремлением к территориальному отделению от зависимого члена семьи [14].

Расширенному типу семьи, в которой родители или один из родителей несовершеннолетних имеет алкогольную зависимость, прародители или другие совершеннолетние

члены семьи и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости, свойственна склонность к хаотичному стилю воспитания, так как часто родитель с алкогольной зависимостью использует паттерны, характерные для попустительского и авторитарного стиля, а прародитель или другой совершеннолетний член семьи использует паттерны гиперопекающего стиля с целью компенсации негативных последствий для несовершеннолетнего, вызванных родительским стилем воспитания. Несовершеннолетние в таких семьях испытывают трудности с определением референтных лиц, спутанность авторитетов, идеологическую неопределенность [5].

Расширенный тип семьи, в которой прародители или другие совершеннолетние члены семьи имеют наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, родители несовершеннолетних и несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости, характеризуется теми же психологическими проблемами, что и в аналогичном случае с алкогольной зависимостью, но в случае с наркотической зависимостью повышается уровень социальной изоляции семьи с целью скрыть употребление наркотических веществ, являющееся действием, попадающим в правовое поле уголовного законодательства. Кроме того, родители несовершеннолетнего испытывают большую тревожность за жизнь и здоровье ребенка, связанную с риском вовлечения в употребление [14].

Расширенный тип семьи, в которой родители или один из родителей несовершеннолетнего имеет наркотическую зависимость или сочетанный тип зависимости, прародители или другие совершеннолетние члены семьи и несовершеннолетний не имеют алкогольной и наркотической зависимости, характеризуется наличием проблем в сфере социального взаимодействия, так как родитель несовершеннолетнего, как правило, не может осуществлять родительские обязанности надлежащим образом, и обязанности по уходу и присмотру за несовершеннолетним берут на себя другие совершеннолетние члены семьи или прародители. Такая семья отличается высоким уровнем созависимости у всех не употребляющих ПАВ членов семьи [23].

Для расширенного типа семьи, в которой все совершеннолетние члены семьи имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости, несовершеннолетние не имеют алкогольной и наркотической зависимости, характерна асоциальная направленность, несовершеннолетние в таких семьях демонстрируют высокую склонность к суициду, аутодеструктивному поведению, девиантному и делинквентному поведению, бродяжничеству, низкую успеваемость. В семье такого типа преобладают ложь, манипуляции, дисфункциональные поведенческие модели [22].

Для семей нуклеарного, осколочного и расширенного типов, в которых несовершеннолетние имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости, совершеннолетние члены семьи не имеют алкогольной и наркотической зависимости, характерны попустительский, иногда гиперопекающий стиль семейного воспитания [24]. Родители испытывают бессилие, тревожность, одиночество, сталкиваясь с проблемой употребления ПАВ ребенком. Такие семьи чаще подвергаются социальному осуждению, что приводит к формированию «закрытой семьи», социальной изоляции ее членов, склонны проявлять недоверие по отношению к миру и к другим людям. Взрослые члены семьи, как правило, испытывают ощущение потери контроля, проявляют созависимость по отношению к зависимому члену семьи через попытку установления тотального контроля за его жизнью, имеют склонность к стрессовым расстройствам. Несовершеннолетние члены семьи с химической зависимостью, как правило, имеют склонность к правонарушениям, бродяжничеству, нигилизму [10].

Семьи нуклеарного, осколочного и расширенного типов, в которых все члены семьи, включая несовершеннолетних, имеют алкогольную, наркотическую или сочетанный тип зависимости, характеризуются наличием низкого реабилитационного потенциала, асоциальным образом жизни [21], склонностью к правонарушениям, дисфункциональной системой внутрисемейного взаимодействия, отсутствием адаптивных копинг-стратегий и функциональных поведенческих паттернов в системе совладающего поведения, сверхнормативной напряженностью психологических защит [18].

Помимо приведенных выше психологических проблем у семей, столкнувшихся с проблемой алкогольной и наркотической зависимости, выражены проблемы социального характера. Среди них проблемы социальной адаптации, такие как: изоляция от социальных контактов в образовательном учреждении для несовершеннолетних или в рабочем коллективе для совершеннолетних, социальное осуждение. Для таких семей характерен высокий уровень фрустрации при обращении за юридической, психологической, медицинской помощью, а также при обращении к органам и учреждениям социальной поддержки населения, связанный с недостаточной информированностью о мерах поддержки граждан, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Семьи с проблемой алкогольной и наркотической зависимости часто сталкиваются с социальной стратификацией и стигматизацией как самого зависимого члена семьи, так и всей семьи как социальной ячейки. Частота обращений за социальной поддержкой у семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости значительно ниже, чем у семей, в которых члены семьи не имеют алкогольной и наркотической зависимости.

Стигматизация зависимых от наркотических веществ и алкоголя людей, а также их близких является одной из фундаментальных проблем, с которой сталкивается семья с алкогольной и наркотической зависимостью одного или нескольких ее членов.

«Стигма» (греч. — клеймо, отметина) — это понятие, которое в социальной психологии определяется как социальный атрибут, дискредитирующий человека или группу, считающийся «своего рода пороком» и вызывающий стремление наказать. Стигма определяется и как признак пренебрежения или недоверия, который отделяет человека от остальных» [1]. Так алкогольная и наркотическая зависимость становятся основой для дискредитации зависимого от алкоголя и наркотиков и членов его семьи. Наблюдать стигматизацию можно в отношении сотрудников образовательных учреждений и коллектива, в котором находится ребенок, профессиональных коллективов, жителей многоквартирных домов, являющихся соседями семьи с проблемой зависимого поведения, а также в отношении сотрудников медицинских учреждений и сотрудников правоохранительных органов к семье с проблемой алкогольной и наркотической зависимости. Помимо фрустрирующей достижение целей функции явление стигматизации несет ряд неблагоприятных последствий для семьи. Можно отметить снижение мотивации на выздоровление зависимых членов семьи, невозможность установления близких межличностных контактов, трудности обращения за социальной поддержкой, повышение уровня недоверия к миру и окружающим людям, рост уровня тревожности и стрессового напряжения, социальную изоляцию. Для несовершеннолетних, подвергающихся стигматизации со стороны социума на основании наличия алкогольной и наркотической зависимости у члена семьи, возникают нарушения социальной адаптации. Вместе с этим происходит интроекция дисфункциональных поведенческих моделей зависимых членов семьи, а функциональные паттерны несовершеннолетний не имеет возможности интроецировать ввиду отсутствия доверительных социальных контактов.

Заключение

В нашей работе отражены результаты создания социально-психологической типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости, приведены примеры основных социальных и психологических проблем, характерных для определяемых нами типов семей, дана оценка актуальности изучения проблемы зависимости одного или нескольких членов семьи.

Одной из важных задач в оказании помощи семьям с проблемой алкогольной и/или наркотической зависимости является подбор социологических и психологических методов, релевантных проблемам, с которыми столкнулась семья. Специфичность семейных систем в соответствии с их внутренней структурой и составом, тип зависимого поведения членов семьи, а также стадия формирования зависимости от ПАВ определяют качественное своеобразие проблем, характерных для каждой семейной ситуации. Обобщение классификаций, созданных с целью определения типа семьи в соответствии с ее составом, а также определения типа зависимости в соответствии с видом психоактивного вещества (алкоголизм, наркомания и т.д.), положило начало созданию типологии семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости.

Настоящее исследование направлено на определение типов семей с проблемой алкоголизации и наркотизации, а также проблем, характерных для различных типов семей. Дети в таких семьях часто переживают травматичный опыт, имеют высокий риск развития девиантного поведения и химических зависимостей, демонстрируют нарушения адаптационных механизмов личности. Защита прав несовершеннолетних на свободу и личную неприкосновенность, воспитание в семье, охрану здоровья и медицинскую помощь — важный конструкт сопровождения семей с проблемой алкоголизации и наркотизации. Таким образом, настоящее исследование систематизирует представления о проблемах детей, проживающих в семьях с проблемой алкоголизации и наркотизации, и может быть применено в практической деятельности государственных органов, осуществляющих защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Практическая значимость настоящей работы заключается в создании концептуальной основы для подбора специфичных методов социальной, психологической и педагогической помощи, реализуемой в рамках сопровождения семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости.

Исследования проблемы социально-психологического сопровождения семей с проблемой алкоголизации и наркотизации могут быть продолжены. Дальнейшие исследования в рамках данной проблематики могут быть направлены на изучение существующих социально-психологических технологий сопровождения семей, в которых родители несовершеннолетних имеют алкогольную и/или наркотическую зависимость. Социально-психологическая типология, описанная в настоящем исследовании, может являться основой для разработки комплексных методических материалов для специалистов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Литература

1. Александров А.А. Стигматизация в наркологии // Медицинская панорама. 2006. № 6. С. 42—46.
2. Антонов А.И. О стратегии и тактике семейно-демографической политики в связи с институциональным кризисом семейных функций и людских ресурсов // Семья в современном

обществе / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Издательство «Экон-Информ», 2018. С. 15—20.

3. Бубнов С.В. Подростковая преступность: причины и меры профилактики // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних: сборник научных трудов Всероссийской конференции (г. Москва, 28 мая 2020 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 265—267.

4. Бушуева С.В., Синогина Е.С. Роль семьи в формировании аддикции у подростков // Профессиональное образование: проблемы и достижения: материалы X Международной научно-практической конференции (г. Томск, 17 декабря 2020 г.). Томск: Томский государственный педагогический университет, 2021. С. 25—28.

5. Гончарова А.Е. Неблагополучные семьи как объект социологического исследования // Научные междисциплинарные исследования. 2021. № 3. С. 504—507.

6. Дябина Л.В. Психологический механизм вовлечения несовершеннолетних в незаконное потребление наркотических средств // Современное право. 2009. № 4. С. 115—118.

7. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: дисс. ... канд. филолог. наук. Ижевск, 2009. 205 с.

8. Козырев М.В. Воспитание семейных ценностей у детей-сирот // Социально-психологические проблемы современной семьи: ценность материнства и детства: сборник материалов IX Всеросс. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Армавир, 8 октября 2021 г.) / Под ред. И.В. Ткаченко. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 108—110.

9. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект, 2000. 460 с.

10. Кряжева А.Ю. Анализ особенностей личности наркозависимых несовершеннолетних, осужденных условно // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Псков, 31 мая 2020 г.). Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2020. С. 164—168.

11. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2015. 546 с.

12. Менделевич В.Д. Теория и практика аддиктологии // Практическая медицина. 2004. № 3(8). С. 33—34.

13. Менделевич В.Д., Макушина О.П. Специфика взаимосвязей наркотической и алкогольной зависимостей подростков с характером их отношений с родителями // Наркомания и общество: пути решения проблемы: материалы научно-практической конференции (г. Казань, 01 января — 31 декабря 2003 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2003. С. 87—90.

14. Москаленко В.Д. Возвращение к жизни. Как спасти семью: конфликты, ссоры, алкоголизм, наркомания. М.: Никея, 2017. 448 с.

15. Нагорнова А.Ю. Особенности детско-родительских отношений в неблагополучной семье // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Тольятти: SIMJET, 2021. С. 256—260.

16. Олифинович Н.И., Велента Т.Ф. Анализ функциональных показателей семейной системы [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2011. № 3. URL: <https://www.psyoffice.ru/5596-12-2816.html> (дата обращения: 11.12.2022).

17. Семенова Л.В. Семья. Понятие, виды, структура, проблемы // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 18. С. 58—62.

18. Симонова Е.М. Некоторые особенности психотерапии семей с химической зависимостью // Консультативная психология и психотерапия. 2001. Т. 9. № 3. С. 162—171.

19. Хасанова А.С., Луговская Т.В. Влияние неблагополучной семьи на воспитание ребенка // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Красноярск, 22—23 апреля 2021 г.). Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2021. С. 1332—1334.

20. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2003. 332 с.
21. Carbonneau R. et al. Alcohol, marijuana and other illicit drugs use throughout adolescence: co-occurring courses and preadolescent risk-factors // *Child Psychiatry & Human Development*. 2022. Vol. 53(6). P. 1194—1206. DOI:10.1007/s10578-021-01202-w
22. Giusto A. et al. When my children see their father is sober, they are happy: A qualitative exploration of family system impacts following men's engagement in an alcohol misuse intervention in peri-urban Kenya // *SSM-mental health*. 2021. Vol. 1. P. 1—11. DOI:10.1016/j.ssmmh.2021.100019
23. Jokinen T. et al. A systematic review of household and family alcohol use and adolescent behavioral outcomes in low-and middle-income countries // *Child Psychiatry & Human Development*. 2021. Vol. 52(4). P. 554—570. DOI:10.1007/s10578-020-01038-w
24. Kourgiantakis T. et al. Family-focused practices in addictions: A scoping review // *Journal of Social Work Practice in the Addictions*. 2021. Vol. 21(1). P. 18—53. DOI:10.1136/bmjopen-2017-019433

References

1. Aleksandrov A.A. Stigmatizatsiya v narkologii [Stigmatization in narcology]. *Meditinskaya panorama = Medical panorama*, 2006, no. 6, pp. 42—46. (In Russ.).
2. Antonov A.I. O strategii i taktike semeino-demograficheskoi politiki v svyazi s institutsional'nym krizisom semeinykh funktsii i lyudskikh resursov [On the strategy and tactics of family demographic policy in connection with the institutional crisis of family functions and human resources]. In S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya (eds.). *Sem'ya v sovremennom obshchestve* [Family in modern society]. Moscow: Izdatel'stvo «Ekon-Inform», 2018, pp. 15—20.
3. Bubnov S.V. Podrostkovaya prestupnost': prichiny i mery profilaktiki [Juvenile delinquency: causes and preventive measures]. *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi konferentsii "Portret inspektora po delam nesovershennoletnikh"* (g. Moskva, 28 maya 2020 g.) [Collection of scientific papers of the All-Russian Conference "Portrait of a juvenile affairs inspector: collection of articles"]. Moscow: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2020, pp. 265—267.
4. Bushueva S.V., Sinogina E.S. Rol' sem'i v formirovanii addiktzii u podrostkov [The role of the family in the formation of addiction in adolescents]. *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Professional'noe obrazovanie: problemy i dostizheniya"* (g. Tomsk, 17 dekabrya 2020 g.) [Materials of the X International Scientific and Practical "Conference Vocational education: problems and achievements"]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2021, pp. 25—28.
5. Goncharova A.E. Neblagopoluchnye sem'i kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Dysfunctional families as an object of sociological research]. *Nauchnye mezhdistsiplinarnye issledovaniya = Scientific interdisciplinary research*, 2021, no. 3, pp. 504—507. (In Russ.).
6. Dyabina L.V. Psikhologicheskii mekhanizm вовлечения несовершеннолетних в незаконное потребление наркотических средств [Psychological mechanism of involvement of minors in illegal consumption of narcotic drugs]. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2009, no. 4, pp. 115—118. (In Russ.).
7. Zheleznova Yu.V. Linguocognitive and linguocultural research of the concept of "Family": diss. ... kand. filolog. nauk. [Lingvokognitivnoe i lingvokul'turnoe issledovanie kontsepta "Sem'ya". PhD (Philology) diss.]. Izhevsk, 2009. 205 p.
8. Kozyrev M.V. Vospitanie semeinykh tsennostei u detei-sirot [Education of family values among orphans]. In I.V. Tkachenko (ed.). *Sbornik materialov IX Vseross. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: tsennost' materinstva i detstva"* (g. Armavir, 8 oktyabrya 2021 g.) [Collection of materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference of students, postgraduates and young scientists "Socio-psychological problems of the modern family: the value of motherhood and childhood"]. Cheboksary: ID «Sreda», 2021, pp. 108—110.

9. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Sotsiodinamicheskaya psikiatriya [Sociodynamic psychiatry]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. 460 p.
10. Kryazheva A.Yu. Analiz osobennosti lichnosti narkozavisimyykh nesovershennoletnikh, osuzhdennykh uslovno [Analysis of personality characteristics of drug-addicted minors sentenced on probation]. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Ugolovno-ispolnitel’naya sistema: realii i perspektivy razvitiya” (g. Pskov, 31 maya 2020 g.) [Materials of the II International Scientific and Practical Conference “Penal enforcement system: realities and prospects of development”]. Pskov: Pskovskii filial Akademii FSIN Rossii, 2020, pp. 164—168.
11. Liders A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem’I [Psychological examination of the family]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial’nogo un-ta; Voronezh: MODEK, 2015. 546 p.
12. Mendelevich V.D. Teoriya i praktika addiktologii [Theory and practice of addictology]. *Prakticheskaya meditsina = Practical medicine*, 2004, no. 3(8), pp. 33—34. (In Russ.).
13. Mendelevich V.D., Makushina O.P. Spetsifika vzaimosvyazei narkoticheskoi i alkohol’noi zavisimosti podrostkov s kharakterom ikh otnoshenii s roditelyami [Specificity of interrelations of drug and alcohol addictions of adolescents with the nature of their relationships with parents]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii “Narkomaniya i obshchestvo: puti resheniya problemy” (g. Kazan’, 01 yanvarya — 31 dekabrya 2003 g.) [Materials of a scientific and practical conference “Drug addiction and society: ways to solve the problem: Materials of a scientific and practical conference”]. Kazan’: Kazanskii (Privolzhskii) federal’nyi universitet, 2003, pp. 87—90.
14. Moskalenko V.D. Vozvrashchenie k zhizni. Kak spasti sem’yu: konflikty, ssory, alkoholizm, narkomaniya [How to save a family: conflicts, quarrels, alcoholism, drug addiction]. Moscow: Nikeya, 2017. 448 p.
15. Nagornova A.Yu. Osobennosti detsko-roditel’skikh otnoshenii v neblagopoluchnoi sem’e [Features of child-parent relations in a dysfunctional family]. In A.Yu. Nagornova (ed.). Aktual’nye problemy sovremennogo obrazovaniya: opyt i innovatsii [Actual problems of modern education: experience and innovations]. Tol’yatti: SIMJET, 2021, pp. 256—260.
16. Olifirovich N.I., Velenta T.F. Analiz funktsional’nykh pokazatelei semeinoi sistemy [Elektronnyi resurs] [Analysis of functional indicators of the family system]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2011, no. 3. URL: <https://www.psyoffice.ru/5596-12-2816.html> (Accessed 11.12.2022).
17. Semenova L.V. Sem’ya. Ponyatie, vidy, struktura, problemy [Family. Concept, types, structure, problems]. *Fundamental’nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul’taty = Fundamental and applied research: problems and results*, 2015, no. 18, pp. 58—62. (In Russ.).
18. Simonova E.M. Nekotorye osobennosti psikhoterapii semei s khimicheskoi zavisimost’yu [Some features of psychotherapy of families with chemical dependence]. *Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2001. Vol. 9, no. 3, pp. 162—171. (In Russ.).
19. Khasanova A.S., Lugovskaya T.V. Vliyanie neblagopoluchnoi sem’i na vospitanie rebenka [The influence of a dysfunctional family on the upbringing of a child]. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “Molodye uchenye v reshenii aktual’nykh problem nauki” (g. Krasnoyarsk, 22—23 aprelya 2021 g.) [Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of students, postgraduates and young scientists “Young scientists in solving urgent problems of science”]. Krasnoyarsk: Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M.F. Reshetneva, 2021, pp. 1332—1334.
20. Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol’skaya I.M. Semeinyi diagnost i semeinaya psikhoterapiya [Family diagnosis and family psychotherapy]. Saint-Petersburg: Rech’, 2003. 332 p.
21. Carbonneau R. et al. Alcohol, marijuana and other illicit drugs use throughout adolescence: co-occurring courses and preadolescent risk-factors. *Child Psychiatry & Human Development*, 2022. Vol. 53(6), pp. 1194—1206. DOI:10.1007/s10578-021-01202-w

22. Giusto A. et al. When my children see their father is sober, they are happy: A qualitative exploration of family system impacts following men's engagement in an alcohol misuse intervention in peri-urban Kenya. *SSM-mental health*, 2021. Vol. 1, pp. 1—11. DOI:10.1016/j.ssmmh.2021.100019
23. Jokinen T. et al. A systematic review of household and family alcohol use and adolescent behavioral outcomes in low-and middle-income countries. *Child Psychiatry & Human Development*, 2021. Vol. 52(4), pp. 554—570. DOI:10.1007/s10578-020-01038-w
24. Kourgiantakis T. et al. Family-focused practices in addictions: A scoping review. *Journal of Social Work Practice in the Addictions*, 2021. Vol. 21(1), pp. 18—53. DOI:10.1136/bmjopen-2017-019433

Информация об авторах

Барцалкина Виктория Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Моисеев Олег Олегович, магистр психологии, психолог, руководитель Московского городского отделения Общероссийской общественной организации поддержки президентских инициатив в области здоровьесбережения нации «Общее дело» (МГО ООО «Общее дело»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8535-7057>, e-mail: moiseev_od@mail.ru

Третьяк Элина Валериевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8496-2578>, e-mail: tretyakev@fdomgppu.ru

Хромышева Елена Викторовна, магистр психологии, клинический психолог, ООО Центр практической аддиктологии «Цель» (ООО ЦПА «Цель»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6038-4032>, e-mail: hromysheva@inbox.ru

Information about the authors

Victoria V. Bartsalkina, PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8752-8259>, e-mail: bartsalkina@fdomgppu.ru

Oleg O. Moiseev, Master of Psychology, Psychologist, head of the Moscow city branch of the All-Russian Public Organization for Support of Presidential Initiatives in the Field of Health Saving the Nation “Common Cause”, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8535-7057>, e-mail: moiseev_od@mail.ru

Eлина V. Tretyak, PhD (Psychology), Senior Lecturer, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8496-2578>, e-mail: tretyakev@fdomgppu.ru

Eлена V. Hromysheva, Master of Psychology, Clinical Psychologist, Center for Practical Addictology “Tsel”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6038-4032>, e-mail: hromysheva@inbox.ru

Получена 25.11.2022

Received 25.11.2022

Принята в печать 11.12.2022

Accepted 11.12.2022

ПСИХОЛОГИЯ СИРОТСТВА
PSYCHOLOGY OF ORPHANHOOD

Анализ программ воспитания в организациях для детей-сирот

Бобылева И.А.

ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»,

Благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья!»

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-6847>, e-mail: bobylevaia@yandex.ru

Актуальность развития воспитательных систем в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, связана с необходимостью решения проблемы социальной дезадаптации и неготовности к самостоятельной жизни их выпускников. Важным инструментом системного развития выступают рабочие программы воспитания. Работа направлена на изучение программ воспитания сирот в институциональных условиях. Показана история становления воспитательных систем в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Раскрыты особенности системы воспитания в данных организациях в современных условиях и фокус исследований в области воспитания сирот. Приведены результаты опроса 857 специалистов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из 66 субъектов Российской Федерации. На основании анализа данных опроса: 1) выделена специфика программ воспитания в организациях разной ведомственной принадлежности по группе параметров: самостоятельность, время разработки и утверждения, срок реализации, внесение изменений, участие в ее разработке воспитанников, прохождение проверок; 2) охарактеризованы содержание программ воспитания и критерии их результатов, факторы, определяющие особенности воспитательной деятельности; 3) проведена оценка программ воспитания по группе параметров: формирование у воспитанников толерантности; подготовка воспитанников к самостоятельной жизни, формирование у них социальной зрелости, финансовой адекватности; формирование у воспитанников коммуникативной (в том числе цифровой) безопасности; учет мнения воспитанников при организации их жизни; формирование у воспитанников активной гражданской позиции, в том числе за счет участия в социальном волонтерстве.

Ключевые слова: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, организации для детей-сирот, воспитанники организаций для детей-сирот, воспитательные системы, программы воспитания.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.04.2022 № 073-00110-22-02 «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях».

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе и анализе данных для исследования своих коллег: М.В. Лашкул, А.А. Бородину, В.В. Нечукина.

Для цитаты: *Бобылева И.А.* Анализ программ воспитания в организациях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 54—68. DOI:10.17759/ssc.2022030204

Analysis of Educational Programs in Organizations for Orphans

Irina A. Bobyleva

The Center for the Protection of the Rights and Interests of Children,

The charity fund “Spread your wings!”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-6847>, e-mail: bobylevaia@yandex.ru

The relevance of the development of educational systems in organizations for orphans and children left without parental care is associated with the need to solve the problem of social disadaptation and unpreparedness for an independent life of its graduates. An important tool for systemic development is the working programs of education. The work is aimed at studying the programs of education of orphans in institutional conditions. The history of the formation of educational systems in organizations for orphans and children left without parental care is shown. The features of the system of education in these organizations in modern conditions and the focus of research in the field of education of orphans are revealed. The results of a survey of 857 specialists of organizations for orphans and children left without parental care from 66 constituent entities of the Russian Federation are presented. Based on the analysis of the survey data: 1) the specifics of upbringing programs in organizations of different departmental affiliation were identified by a group of parameters: independence, time of development and approval, implementation period, introduction of changes, participation of pupils in its development, passing inspections; 2) the content of upbringing programs and the criteria for their results, the factors that determine the characteristics of upbringing activities are characterized; 3) an assessment of educational programs was carried out according to a group of parameters: the formation of tolerance among pupils; preparation of pupils for independent life, formation of their social maturity, financial adequacy; formation of communicative (including digital) security among pupils; taking into account the opinion of pupils in the organization of their lives; formation of an active civic position among pupils, including through participation in social volunteering.

Keywords: orphans and children left without parental care, organizations for orphans, pupils of organizations for orphans, educational systems, educational programs.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022 “Scientific and methodological development of a system for assessing the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, graduates of substitute families to live independently and the success of social adaptation after graduation from organizations and completion of stay in substitute families”.

Acknowledgements. The author thanks his colleagues for their help in collecting and analyzing data for the study: M.V. Lashkul, A.A. Borodina, V.V. Nechushkina.

For citation: Bobileva I.A. Analysis of educational programs in organizations for orphans. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 54—68. DOI:10.17759/ssc.2022030204 (In Russ.).

Введение

Вопросы воспитания всегда волновали педагогическую науку и практику. Данная область получила статус государственного масштаба. Термин «воспитание» появился в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Разработаны примерные рабочие программы воспитания для образовательных организаций разного уровня.

Особое внимание в последнее время уделяется воспитанию сирот в институциональных условиях. Так, ключевыми темами двух Всероссийских съездов руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — организации для детей-сирот), стали: организация воспитательной работы, подготовка и реализация воспитательных программ в организациях для детей-сирот (в 2021 году); внедрение программ воспитания (в 2022 году).

В данной работе анализируются внедрение и специфика программ воспитания в организациях для детей-сирот, которые рассматриваются автором как необходимое условие развития воспитательной системы.

Развитие воспитательных систем в организациях для детей-сирот

Воспитательная система в организации для детей-сирот: комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, обеспечивающий социальную адаптацию и успешную интеграцию в общество на основе личностного и профессионального самоопределения: цель воспитания, деятельность, обеспечивающая реализацию цели, субъекты деятельности, отношения, возникающие в деятельности, среда системы, управление [7].

Воспитательные системы организаций для детей-сирот имеют трехсотлетнюю историю развития [5; 7; 8; 9; 20; 21; 24]:

1715—1917 гг. — зарождение основ государственной системы социального обеспечения и образования сирот (появление первых учреждений для сирот: госпиталь для зазорных младенцев, воспитательные дома, сиротский институт).

1917—1955 гг. — государственная монополизация материального обеспечения и образования детей, оказавшихся в учреждении, чтобы освободить от влияния семьи и создать новый тип людей — строителей коммунистического общества.

1955—1985 гг. — критический период, связанный с полной изоляцией детских домов от общества, преобладание авторитарных педагогических систем, создание школ-интернатов (1956 г.).

1985—1992 гг. — систематизация опыта и преодоление негативных тенденций жизнедеятельности детских домов как особой системы воспитания (новые исследования, появление Российского детского фонда, НИИ Детства, детских домов семейного типа).

1992—1998 гг. — организация системы жизнедеятельности на новых нормативно-правовых и социально-педагогических основаниях (федеральная программа «Дети России», Национальный план действий в интересах детей, Типовое положение об образовательных учреждениях для детей-сирот, федеральный закон № 159-ФЗ, централизованный учет сирот, федеральные мероприятия по проблемам сиротства, появление инновационных учреждений, в том числе первого негосударственного детского дома).

1998—2005 гг. — развитие инновационных направлений и содержания воспитания (разукрупнение; учреждения, организованные по семейному типу; учреждения, представляющие семейное устройство; учреждения, реализующие приоритетные направления деятельности, повышающие социализационные возможности воспитанников (трудо-вые, физкультурно-оздоровительные, эстетико-художественные, коммуникативные)).

2006 г. — по настоящее время — деинституционализация: сокращение численности детей, воспитывающихся в организациях для детей-сирот (происходит ликвидация, перепрофилирование, реформирование организаций, стимулирование семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и профилактика социального сиротства). Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг. закрепила политику деинституализации на государственном уровне. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» изменило задачи организаций и требования к условиям воспитания. В настоящее время происходит переход к единой ведомственной подчиненности организаций, на первый план выходят субъективное благополучие воспитанников и возможность для них «быть услышанными».

Особенности системы воспитания в организациях для детей-сирот в современных условиях исследователи связывают:

1. со спецификой личности воспитанника, обусловленной особенностями психического развития, условиями жизни, характером влияния агентов социализации;
2. с усилением внимания к воспитанию качеств личности, важных для социальной адаптации, с акцентом на личностное и профессиональное самоопределение воспитанников, их готовностью к самостоятельной жизни [1; 2; 4; 5; 7; 8; 19].

В фокусе внимания современных исследователей воспитательных систем организаций для детей-сирот находятся особенности воспитательного процесса [6; 18; 23], основные подходы и условия эффективности воспитания сирот в институциональных условиях [5; 10; 16; 17; 22], оценка его результатов [1; 8; 13], а также анализ инновационных процессов и проблемы в сфере воспитания детей-сирот в современных условиях [2; 19; 24]. В исследованиях рассматривают вопросы проектирования воспитательных систем [12], описывают эффективные модернизированные воспитательные системы [2; 19].

Важный вывод исследований — необходимость системной воспитательной деятельности, наличие инструментов для такой работы.

Рабочие программы воспитания

Одно из условий развития воспитательной системы — наличие четкой продуманной рабочей программы [3; 11; 14; 15; 17; 19].

Рабочая программа воспитания предназначена для планирования и организации системной воспитательной деятельности. Это комплекс основных характеристик осуществляемой в организации воспитательной работы (цель, задачи, направления, формы и методы воспитательной работы, критерии оценки воспитательной деятельности).

С целью изучения внедрения в организациях для детей-сирот программ воспитания был проведен онлайн-опрос специалистов данных организаций. В период с 24 февраля по 4 апреля 2022 года получено 857 ответов из 66 субъектов Российской Федерации. Больше всего ответов дали специалисты Приволжского (286 ответов), Центрального (201 ответ), Северо-Западного федеральных округов (103 ответа). Меньше ответов было

получено от специалистов Уральского (28 ответов) и Северо-Кавказского (8 ответов) федеральных округов.

54 % специалистов, ответивших на анкету, работали в организации для детей-сирот, оказывающей социальные услуги, 40 % — в образовательных организациях для детей-сирот, 6 % — в медицинских.

77 % ответивших отмечают наличие рабочих программ воспитания в их организации, 23 % — отсутствие таких программ. При этом в 58 % ответов рабочая программа воспитания названа самостоятельной программой. В 42 % ответов рабочая программа воспитания в организации для детей-сирот является частью или разделом другой программы.

Из опрошенных организаций доля наличия рабочих программ воспитания выше в организациях для детей-сирот, оказывающих социальные услуги (в 56 % (370) таких организаций программы есть), ниже — в медицинских организациях (программы воспитания есть только в 7 % (49) таких организаций). Рабочая программа воспитания имеется в 37 % (241) образовательных организаций для детей-сирот.

В образовательных организациях для детей-сирот доля рабочих программ воспитания, являющихся самостоятельным документом, составляет 72 %. В 69 % медицинских организациях для детей-сирот рабочие программы воспитания, как правило, являются частью или разделом другой программы. В организациях для детей-сирот, оказывающих социальные услуги, доля самостоятельных программ составляет 54 %, а являющихся частью или разделом другой программы — 46 % (рис. 1).

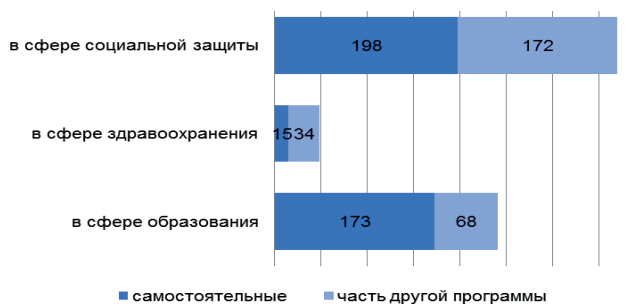

Рис. 1. Распределение рабочих программ воспитания по критерию «самостоятельная/часть другой программы»

Большая часть (80 %) программ воспитания была разработана и утверждена в последние три года: 59 % — в 2021 г., 11 % — в 2022 г., 10 % — в 2020 г. (рис. 2).

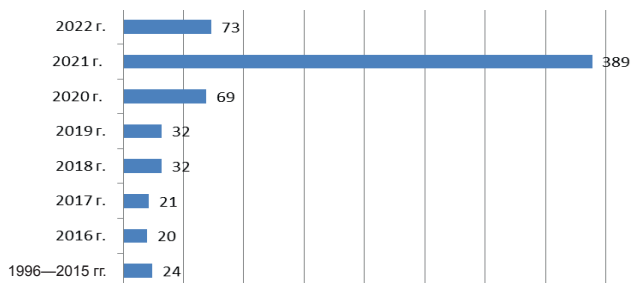

Рис. 2. Распределение программ воспитания по году разработки и утверждения

Большее число программ воспитания ежегодно разрабатывалось в организациях для детей-сирот, оказывающих социальные услуги (рис. 3).

Рис. 3. Соотношение программ воспитания по году разработки и ведомственной принадлежности организаций для детей-сирот

Рабочие программы имеют разные сроки реализации. Большая часть (43 %) программ реализуются в течение одного года, 7 % — в течение двух лет, 9 % — в течение трех лет (рис. 4).

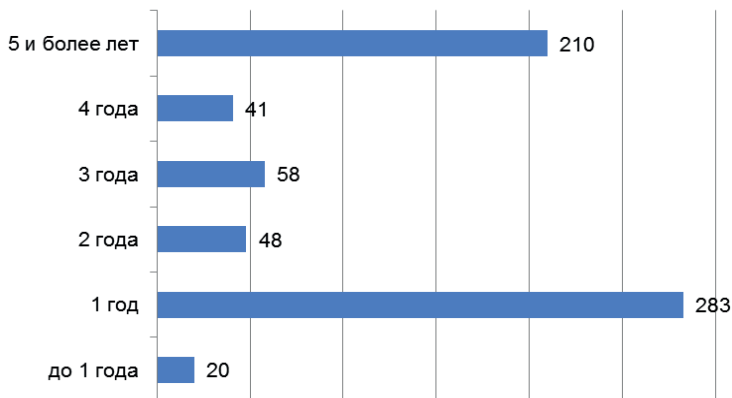

Рис. 4. Распределение программ воспитания по сроку реализации

В 27 % рабочих программ воспитания в течение срока их реализации вносились изменения. Причины изменений чаще были связаны с изменением контингента воспитанников, результатами диагностических исследований, повышением профессиональных компетенций сотрудников организаций (внутренние условия учреждения); принятыми нормативными правовыми актами федерального и регионального уровней, то есть с развитием законодательства, распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 (внешние условия).

71 % специалистов, ответивших на вопросы анкеты, отмечают, что в их организации кроме рабочей программы воспитания есть план воспитательной работы (рис. 5).

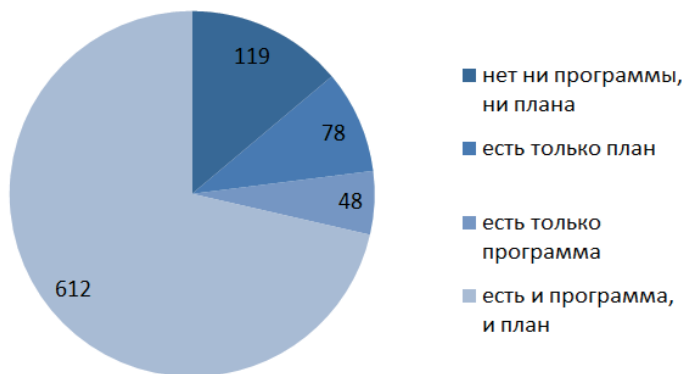

Рис. 5. Распределение ответов специалистов по наличию рабочей программы воспитания и плана воспитательной работы

Наибольшая доля организаций для детей-сирот, имеющих рабочие программы воспитания и планы воспитательной работы, находится в сфере здравоохранения (87%). А среди образовательных организаций больше тех, кто не имеет таких документов (23 %) (рис. 6).

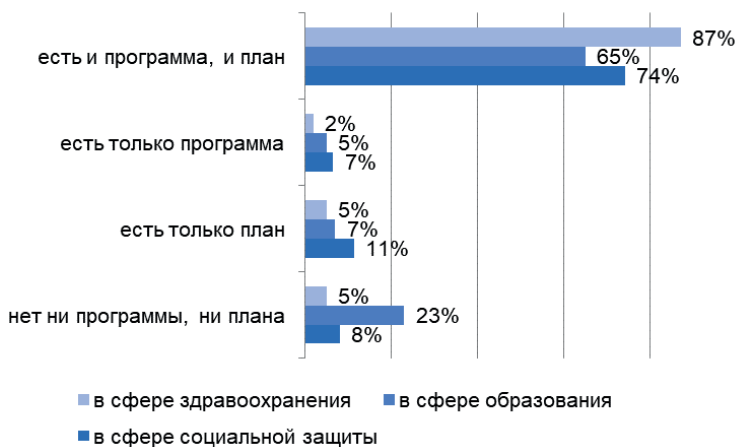

Рис. 6. Распределение ответов специалистов из организаций для детей-сирот разной ведомственной принадлежности по наличию рабочей программы воспитания и плана воспитательной работы

Только 53 % организаций для детей-сирот привлекали воспитанников к разработке рабочей программы воспитания, в 54 % организаций привлекали воспитанников к разработке плана воспитательной работы (рис. 7).

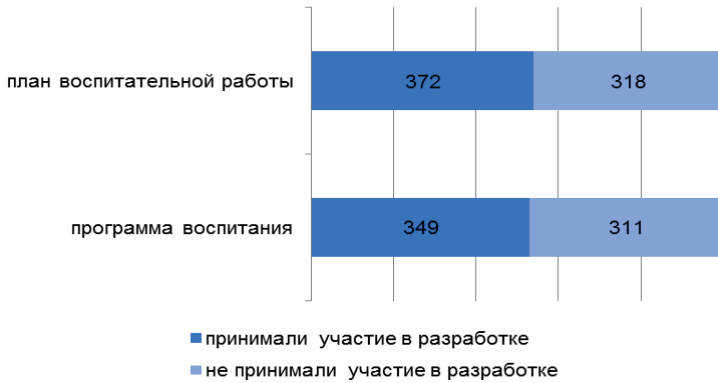

Рис. 7. Участие воспитанников в разработке программ воспитания и планов воспитательной работы

Проверку Рособнадзора прошли 23 % (115) рабочих программ воспитания. В основном проверка программ осуществлялась в организациях для детей-сирот, оказывающих социальные услуги (30 %). В медицинских организациях для детей-сирот проверки прошли 14 % программ воспитания, а в образовательных организациях для детей-сирот — 13 % (рис. 8).

Рис. 8. Распределение программ воспитания по прохождению проверки Рособнадзора

По мнению специалистов, рабочие программы воспитания в их организациях для детей-сирот направлены прежде всего на формирование у воспитанников толерантности (84 % ответов «5» и «4» по пятибалльной системе), подготовку воспитанников к самостоятельной жизни, формирование у них социальной зрелости, финансовой адекватности (83 % ответов «5» и «4»), а также формирование у воспитанников коммуникативной (в том числе цифровой) безопасности (81 % ответов «5» и «4») (рис. 9).

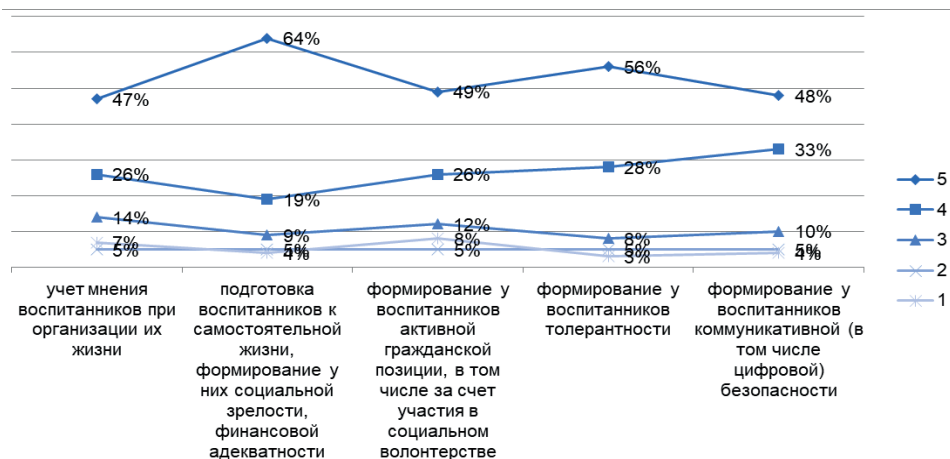

Рис. 9. Самооценка специалистами воспитательных программ своего учреждения

Практически все предлагаемые критерии для самооценки программ воспитания получили более низкие оценки у специалистов организаций для детей-сирот, воспитанниками которых являются дети с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов, а также дети дошкольного возраста по сравнению с общими средними оценками. Исключением стал критерий «формирование толерантности», несколько выше оцененный специалистами в организациях для детей с ограниченными возможностями здоровья (рис. 10).

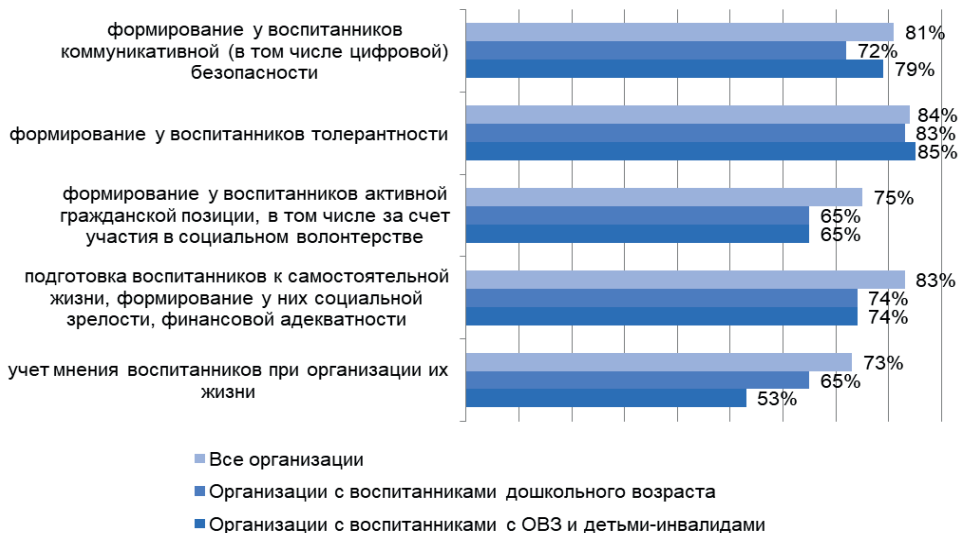

Рис. 10. Самооценка специалистами организаций для детей-сирот воспитательных программ своего учреждения в зависимости от контингента воспитанников

Блоки содержательного раздела рабочей программы воспитания в организации для детей-сирот, выделяемые специалистами, можно выстроить по частоте упоминания в следующей последовательности:

1. Правовое воспитание, юридическая грамотность;
2. Социальная ориентация, профилактика асоциального поведения воспитанников, правонарушений, самовольных уходов;
3. Гигиеническое воспитание, здоровый образ жизни, охрана и укрепление здоровья;
4. Ключевые дела и традиции организации;
5. ПрофорIENTATION, профессиональное самоопределение, построение профессиональной перспективы;
6. Гражданско-патриотическое воспитание;
7. Семейное воспитание, подготовка к семейной жизни, половое воспитание;
8. Физическое воспитание, спортивно-оздоровительные мероприятия;
9. Трудовое воспитание;
10. Подготовка к самостоятельной жизни, социально-бытовая адаптация;
11. Духовно-нравственное воспитание;
12. Экологическое воспитание.

Важными мероприятиями рабочей воспитательной программы специалисты считают: детское самоуправление, детские объединения и медиа, проектную и волонтерскую деятельность, экспедиции, экскурсии, походы, выезды.

Характеризуя воспитательный процесс в своей организации, специалисты выделяли особенности, связанные с:

- контингентом воспитанников: разный возраст, преобладание сиблингов, детей-инвалидов и детей с ОВЗ;
- месторасположением и социальным окружением организации: возможность опираться на культурное наследие, приближенность или, наоборот, удаленность от крупных населенных пунктов, определяющая закрытость учреждения, труднодоступность социальных объектов;
- созданными в организации условиями: малокомплектные группы, семейная среда, инклюзивная среда, интересная событийно насыщенная жизнь;
- важными для организации принципами и традициями воспитания: учет мнения ребенка, педагогическая поддержка, профилактика, индивидуальный и дифференцированный подход, четко сформулированные режим и правила жизни, создание ситуаций успеха;
- источниками положительного или отрицательного влияния на детей, значимыми партнерами: тесное сотрудничество с государственными и общественными организациями, наличие волонтеров и внешних наставников;
- оригинальными воспитательными находками организации: опора на диагностику уровней воспитанности и диагностику антропометрического развития, формирование социальной активности и конкурентоспособности, жизнестойкости и смысло-жизненных ориентиров, нравственных и моральных установок, здорового образа жизни, трудовое и экологическое воспитание.

Ожидаемые результаты от реализации рабочей программы воспитания специалисты связывают с:

1. самой воспитательной системой, созданной в учреждении: эффективное социокультурное воспитательное пространство, интересная и событийно насыщенная жизнь,

- общественно полезная деятельность, доступность и открытость среды, педагогическая поддержка, профессиональные кадры;
- вовлеченностью детей и подростков в воспитательную систему: общение, познание, преодоление, взаимодействие, активность, инициирование;
 - изменениями, которые произошли в воспитаннике: сформированность социальных компетенций, необходимых для самостоятельной жизни, духовно-нравственных качеств, готовность к выполнению роли патриота, труженика, семьянина, поведенческие изменения: снижение числа социальных отклонений и нарушений в поведении.

В организациях для детей-сирот с ОВЗ специалисты чаще связывают результаты рабочей программы воспитания со сформированностью социальных компетенций, необходимых для самостоятельной жизни, навыками здорового образа жизни и безопасного жизнеобеспечения, духовно-нравственными качествами, готовностью к выполнению роли патриота и труженика.

В организациях для детей дошкольного возраста ожидаемыми результатами программ воспитания специалисты называют: привитие российских традиционных духовных ценностей, правил и норм поведения, приобщение к здоровому образу жизни, формирование коммуникативных навыков, позитивного отношения к семейным ценностям, бережного отношения к природе.

Выводы

Системы воспитания в организациях для детей-сирот прошли длительный путь развития, сущностными характеристиками которого являются: опора на предшествующий опыт, ориентация на стратегию системных изменений и конечную цель воспитательной деятельности, поиск целевых, содержательных и процессуальных характеристик воспитательного процесса.

Анализ рабочих программ воспитания:

- показал их разнообразие и специфику в организациях разной ведомственной принадлежности по разным критериям: самостоятельная или являющаяся частью другой программы, время разработки и утверждения, срок реализации, внесение изменений, участие в ее разработке воспитанников, прохождение проверок;
- позволил охарактеризовать содержание, факторы, определяющие особенности воспитательной деятельности, критерии результатов;
- позволил провести самооценку на основе предложенных критериев.

Программы воспитания могут служить эффективным инструментом развития воспитательных систем в организациях для детей-сирот. Анализ внедрения показал, что они есть не во всех организациях, и это — вектор развития для систематизации воспитательной деятельности в данных организациях. В связи с чем актуальной становится необходимость разработки типовой программы воспитания в организациях для детей-сирот с учетом опыта разработки таких программ в образовательных организациях.

Литература

- Агафонова В.А. О включении детей-сирот в социум в ходе целенаправленного воспитания // Гуманитарные исследования. 2017. № 4(64). С. 149—152.
- Баширова С.А. Социальные проблемы воспитания детей-сирот в современных условиях общества // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 228—229.

3. *Бегидова С.Н., Морозова И.В.* Педагогические условия формирования социального опыта у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. 2015. Вып. 1(157). С. 17—23.
4. *Бобылева И.А.* Готовность воспитанников организаций для детей-сирот к самостоятельной жизни: подходы к оценке и организации // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 176—188. DOI:10.17759/pse.2021260614
5. *Грибков Д.Н.* Социально-педагогические условия воспитания детей-сирот в малочисленном детском доме: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Кострома, 2009. 24 с.
6. *Гумеров А.И., Койнов М.Ю.* Особенности воспитательного процесса в современных условиях в детском доме // COLLOQUIUM-JOURNA. 2020. № 3—5(55). С. 47—48.
7. *Дрыгина Е.Н.* Развитие системы воспитания в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (1985—2005 годы): Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2008. 207 с.
8. *Жумадилова М.Т.* Воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (исторический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3(94). С. 174—176.
9. *Жумадилова М.Т.* Отечественный и зарубежный опыт воспитательной деятельности в социальных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Сборник материалов Международной научно-методической конференции. Технологии в образовании / Под общей ред. Е.В. Добровольской (г. Новосибирск, 20—24 апреля 2022 г.). Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2022. С. 134—138.
10. *Захарова Ж.Л.* Основные подходы к воспитанию детей-сирот в условиях социокультурной среды детского дома // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 5. С. 173—176.
11. *Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л.* Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. М.: Педобщество России, 2000. 253 с.
12. *Мерзляков Ю.М.* Проектирование воспитательной системы образовательного учреждения для детей-сирот: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2005. 25 с.
13. *Митрофанова Э.П.* Оценка результатов воспитания в контексте образовательной программы среднего профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2022. № 1(317). С. 29—31.
14. *Морозова И.В., Бегидова С.Н.* Формирование социального опыта в процессе воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2(32). С. 46—50.
15. *Новикова Л.И.* Педагогика воспитания: избр. пед. тр. / Л.И. Новикова; под ред. Н.Л. Селивановой, А.В. Мудрика. М.: Изд-во ПЭР СЭ, 2010. 336 с.
16. Основы воспитательной работы с воспитанниками в условиях детского дома / Н.В. Быстрова, Н.Е. Гриценко, Н.А. Румянцева, В.Н. Леонова // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-6. С. 96—102.
17. Организация и планирование воспитательной работы в специальной (коррекционной) школе-интернате, детском доме: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М: АРКТИ, 2006. 312 с.
18. *Переломова Н.А., Клецкина С.А.* Специфика реализации программы воспитания в учреждениях системы социального обслуживания // Воспитание: Региональный аспект. Проблемы, пути решения, опыт. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Иркутск, 22—28 марта 2021 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 323—236.
19. Пути модернизации воспитательной системы детского дома / С.Н. Бегитова, А.С. Хазова, И.В. Морозова, Р.А. Ахтаов // Вестник АГУ. 2016. Выпуск 2(178). С. 15—25.
20. *Семья Г.В.* Обзор международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации: как добиться положительных результатов [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 73—84. DOI:10.17759/ssc.2021020106

21. Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Формирование российской модели преодоления социального сиротства // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 1. С. 67—82.
22. Социальная педагогика. Трудовое воспитание детей-сирот. Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. 291 с.
23. Федорова М.А., Шibaева Е.С. Особенности воспитательного процесса в условиях детского дома // В сборнике: Естественные и гуманитарные науки в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Орел, 23—24 апреля 2019 г.). Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2019. С. 347—350.
24. Шилина И.Б., Соломина Л.В. О проблемах воспитания детей-сирот в открытых общеобразовательных учреждениях // Технологии воспитания в общеобразовательных организациях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Кострома, 13—14 апреля 2017 г.). Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2017. С. 177—179.

References

1. Agafonova V.A. O vkljuchenii detej-sirot v socium v hode celenapravlennoho vospitaniya [On the inclusion of orphans in society in the course of purposeful education]. *Gumanitarnye issledovaniya [Humanities Studies]*, 2017, no. 4(64), pp. 149—152. (In Russ.).
2. Bashirova S.A. Sotsial'nye problemy vospitaniya detei-sirot v sovremennykh usloviyakh obshchestva [Social problems of raising orphans in modern conditions of society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]*, 2013, no. 3(40), pp. 228—229. (In Russ.).
3. Begidova S.N., Morozova I.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya sotsial'nogo opyta u detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ei [Pedagogical conditions for the formation of social experience in children of orphans and children left without parental care]. *Bulletin of the Adyge State University [Bulletin of the Adyge State University]*. Ser. 3, Pedagogy and Psychology, 2015. Iss. 1(157), pp. 17—23. (In Russ.).
4. Bobyleva I.A. Gotovnost' vospitannikov organizatsii dlya detei-sirot k samostoyatel'noi zhizni: podkhody k otsenke i organizatsii [Readiness of pupils of organizations for orphans for independent life: approaches to assessment and organization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 176—188. DOI:10.17759/ps.2021260614 (In Russ.).
5. Gribkov D.N. Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya vospitaniya detei-sirot v malochislennom detskom dome [Socio-pedagogical conditions for raising orphans in a small orphanage. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Kostroma, 2009. 24 p. (In Russ.).
6. Gumerov A.I., Koinov M.Yu. Osobennosti vospitatel'nogo protsessa v sovremennykh usloviyakh v detskom dome [Features of the educational process in modern conditions in an orphanage]. *COLLOQUIUM-JOURNAL [COLLOQUIUM-JOURNAL]*, 2020, no. 3—5(55), pp. 47—48. (In Russ.).
7. Drygina E.N. Razvitie sistemy vospitaniya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh dlya detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ei (1985-2005 gody) [Development of the system of education in educational institutions for orphans and children left without parental care (1985—2005). Ph. D. (Pedagogy) diss.]. Moscow, 2008. 207 p. (In Russ.).
8. Zhumadilova M.T. Vospitanie detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ei (istoricheskii aspekt) [Education of orphans and children left without parental care (historical aspect)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]*, 2022, no. 3(94), pp. 174—176. (In Russ.).
9. Zhumadilova M.T. Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt vospitatel'noi deyatel'nosti v sotsial'nykh uchrezhdeniyakh dlya detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ei [Domestic and foreign experience of educational activities in social institutions for orphans and children left without parental care]. In Dobrovolskoi E.V. (ed.). *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Tekhnologii v obrazovanii [Technology in education]*. (g. Novosibirsk, 20—24 aprelya 2022 g.). Novosibirsk: Sibirskii universitet potrebitel'skoi kooperatsii, 2022, pp. 134—138. (In Russ.).

10. Zakharova Zh.L. Osnovnye podkhody k vospitaniyu detei-sirot v usloviyakh sotsiokul'turnoi sredy detskogo doma [The main approaches to the upbringing of orphans in the socio-cultural environment of the orphanage]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2013, no. 5, pp. 173—176. (In Russ.).
11. Karakovsky V.A., Novikova L.I., Selivanova N.L. Upbringing? Upbringing... Upbringing! Theory and practice of school educational systems [Upbringing? Education... Education! Theory and practice of school educational systems]. Moscow: Pedobshchestvo Rossii, 2000. 253 p. (In Russ.).
12. Merzlyakov Yu.M. Proektirovanie vospitatel'noi sistemy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya dlya detei-sirot [Designing the educational system of an educational institution for orphans. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Orenburg, 2005. 25 p. (In Russ.).
13. Mitrofanova E.P. Otsenka rezul'tatov vospitaniya v kontekste obrazovatel'noi programmy srednego professional'nogo obrazovaniya [Evaluation of the results of education in the context of the educational program of secondary vocational education]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [Secondary vocational education], 2022, no. 1(317), pp. 29—31. (In Russ.).
14. Morozova I.V., Begidova S.N. Formation of the social experience in the process of upbringing of orphans and children without parental care [Formation of social experience in the process of raising orphans and children left without parental care]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafyev* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev], 2015, no. 2(32), pp. 46—50. (In Russ.).
15. Novikova L.I. Pedagogy of education: selected ped. Works [Pedagogy of education]. In Selivanova N.L. (eds). Moscow: PER SE publishing house, 2010. 336 p. (In Russ.).
16. Bystrova N.V. et al. Osnovy vospitatel'noi raboty s vospitannikami v usloviyakh detskogo doma [Fundamentals of educational work with pupils in an orphanage]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2017, no. 57-6, pp. 96—102. (In Russ.).
17. Organizatsiya i planirovanie vospitatel'noi raboty v spetsial'noi (korrektsionnoi) shkole-internate, detskom dome [Organization and planning of educational work in a special (correctional) school-inner-nat, orphanage]: Posobie dlya uchitelei. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: ARKTI, 2006. 312 p. (In Russ.).
18. Perelomova N.A., Kletschina S.A. Spetsifika realizatsii programmy vospitaniya v uchrezhdeniyakh sistemy sotsial'nogo obsluzhivaniya [The specifics of the implementation of the education program in the institutions of the social service system]. *Vospitanie: Regional'nyi aspekt* [Education: Regional Aspect. Problems, solutions, experience]. *Problemy, puti resheniya, opyt. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. (g. Irkutsk, 22—28 marta 2021 g.). Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 323—236. (In Russ.).
19. Puti modernizatsii vospitatel'noj sistemy detskogo doma [Ways to modernize the educational system of the orphanage]. S.N. Begitova, A.S. Hazova, I.V. Morozova, R.A. Ahtaov. *Vestnik AGU* [Bulletin of ASU], 2016. Vypusk 2(178), pp. 15—25. (In Russ.).
20. Sem'ya G.V. Obzor mezhdunarodnykh issledovaniy, posvyashchennykh posledstviyam nakhozheniya rebenka v usloviyakh institutsionalizatsii: kak dobit'sya polozhitel'nykh rezul'tatov [A review of international studies on the consequences of a child being institutionalized: how to achieve positive results] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo* [Social sciences and childhood], 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 73—84. DOI:10.17759/ssc.2021020106 (In Russ.).
21. Sem'ya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G. Formirovanie rossiiskoi modeli preodoleniya sotsial'nogo sirotstva [Formation of the Russian model of overcoming social orphanhood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2016. Vol. 21, no.1, pp. 67—82. (In Russ.).
22. Sotsial'naya pedagogika. Trudovoe vospitanie detei-sirot [Social Pedagogy. Labor education of orphans]. *Uchebnoe posobie*. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Yurait, 2021. 291 p. (In Russ.).
23. Fedorova M.A., Shibaeva E.S. Osobennosti vospitatel'nogo protsessa v usloviyakh detskogo doma [Features of the educational process in an orphanage]. V sbornike: *Estestvennye i gumanitarnye nauki v sovremennom mire* [Natural and humanitarian sciences in the modern world]. *Materialy Vserossiiskoi*

nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Orel, 23—24 aprelya 2019 g.). Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva, 2019, pp. 347—350. (In Russ.).

24. Shilina I.B., Solomina L.V. O problemakh vospitaniya detei-sirot v otkrytykh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [On the problems of educating orphans in open educational institutions]. Tekhnologii vospitaniya v obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh [Technologies of education in educational organizations]. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kostroma, 13—14 aprelya 2017 g.). Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 2017, pp. 177—179. (In Russ.).

Информация об авторах

Бобылева Ирина Анатольевна, кандидат педагогических наук, аналитик, ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», главный специалист-эксперт, Благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья!», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-6847>, e-mail: bobylevaia@yandex.ru

Information about the authors

Irina A. Bobyleva, PhD in Pedagogy, Analyst of the Center for the Protection of the Rights and Interests of Children, Chief Specialist-Expert of the Spread Your Wings! Charity fund for social assistance to children, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-6847>, e-mail: bobylevaia@yandex.ru

Получена 18.11.2022

Принята в печать 30.11.2022

Received 18.11.2022

Accepted 30.11.2022

Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот

Ослон В.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Г.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова У.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

В статье представлены результаты исследования психологических ресурсов и личностных дефицитов выпускников организаций для детей-сирот, в котором участвовали 164 человека: 106 (средний возраст — 15,96±1,01) ожидали скорого выпуска из организации, 58 (средний возраст — 13,4±0,76) были далеки от выпуска. Группы не различались по полу ($\chi^2=1,467$ при $p=0,147$). Установлено, что психологическими ресурсами выпускников являются социальные навыки, эмоциональный интеллект и некоторые конструктивные копинг-стратегии. У девочек степень выраженности данных параметров ниже, чем у мальчиков. А у выпускников-мальчиков — ниже, чем у мальчиков младшей группы. Обнаружено, что выраженность конструктивных копингов у респондентов имеет сниженный характер даже в сравнении с группами с врожденной и приобретенной инвалидностью. Показано, что причиной личностных дефицитов у воспитанников является психотравматизация. Чаще психологические травмы связаны с изъятием из семьи, особенно у выпускников, чаще у девочек, которые более 3-5 лет воспитывались в организации. Они чувствуют себя более травмированными и менее конструктивно реагируют на травму. Выделен характерный сдвиг фиксации времени травматического события. Установлено, что для информантов характерна ситуационная предрасположенность к делинквентному, зависимому (у выпускников выше), агрессивному и аутоагрессивному поведению, что свидетельствует о легкой степени социально-психологической дезадаптации. Выпускники чаще используют неконструктивные копинг-стратегии при совладании со стрессом.

Ключевые слова: дети-сироты, выпускники, организации для детей-сирот, психологические ресурсы, личностные дефициты.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.04.2022 № 073-00110-22-02 «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях».

Для цитаты: Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 69—89. DOI:10.17759/ssc.2022030205

Psychological Resources and Personal Deficits of Graduates of Organizations for Orphans

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

The article presents the results of a study of psychological resources and personal deficits of graduates of organizations for orphans, in which 164 people participated: 106 (average age 15.96+1.01) expected to graduate from the organization soon, 58 (average age 13.4+0.76) were far from graduation. The groups did not differ by gender ($c_2=1.467$ at $p=0.147$). It is established that the psychological resources of graduates are social skills, emotional intelligence and some constructive coping strategies. In girls, the degree of severity of these parameters is slightly lower than in boys. And the graduates-boys — are lower than the boys of the younger group. It was found that the severity of constructive coping among respondents has a reduced character even in comparison with groups with congenital and acquired disabilities. It is shown that the cause of personality deficits in pupils is psychotraumatization. Psychological traumas are more often associated with withdrawal from the family, especially among graduates, and more often among girls who have been brought up in the organization for more than 3-5 years. A characteristic shift in the fixation of the time of a traumatic event is highlighted. At the same time, girls feel more traumatized and react less constructively to trauma. It has been established that informants are characterized by a situational predisposition to delinquent, dependent, aggressive and autoaggressive behavior, which indicates a mild degree of socio-psychological maladaptation. Graduates have a higher propensity for dependent behavior. They are also more likely to use unconstructive coping strategies when coping with stress.

Keywords: orphans, graduates, organizations for orphans, psychological resources, personal deficits.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022 “Scientific and methodological development of a system for assessing the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, graduates of substitute families to live independently and the success of social adaptation after graduation from organizations and completion of stay in substitute families”.

For citation: Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Psychological resources and personal deficits of graduates of organizations for orphans. *Social`ny`e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 69—89. DOI:10.17759/ssc.2022030205 (In Russ.).

Введение

Поиск психологических ресурсов выпускников организаций для детей-сирот не теряет своей актуальности в связи с наблюдаемыми проблемами и негативными результатами их адаптации в самостоятельной жизни независимо от страны проживания. Маргинализация и нарушения правопорядка, люмпенизация и социально значимые заболевания нередко сопутствуют жизненному пути выпускников [22].

Как правило, эти проблемы связывают с низкой готовностью выпускников к самостоятельной жизни [1; 13].

Понятие «готовность к самостоятельной жизни» формулируется в большинстве отечественных исследований как «многомерный комплексный параметр, представляющий собой устойчивые социально-психологические особенности, которые, выступая личностными ресурсами, являются существенными предпосылками успешной жизнедеятельности в самостоятельной жизни» [6].

Исследователи выделяют внешние и внутренние детерминанты готовности к самостоятельной жизни. К внешним относят противоречие между поздним взрослением современной молодежи [17] и требованиями к выпускникам, которые должны начинать самостоятельную жизнь еще до совершеннолетия. Резкий переход от жизни под надзором к полной самостоятельности, искажение социальной ситуации развития на каждом этапе взросления во многом осложняют процесс становления «самостоятельности» у выпускников организаций для детей-сирот [1]. К внутренним детерминантам относят «устойчивые социально-психологические особенности, которые, выступая личностными ресурсами, являются существенными предпосылками успешной самостоятельной жизнедеятельности» [6]. Выделение этих характеристик чаще всего связано с авторскими концепциями самостоятельной жизни: самостоятельность, жизненное самоопределение, жизненные навыки, компетентность, психологическая готовность [2; 3; 10; 11; 28]. Особая миссия отводится такой личностной характеристике, как жизнестойкость, которая рассматривается в качестве «стержневого компонента и интегрального показателя готовности выпускника к жизни в социуме» [4].

В рамках модели социального поведения А.П. Гольдштейна залогом успешной социально-психологической адаптации выпускников выступают социальные навыки, то есть умения, позволяющие успешно взаимодействовать с окружающим миром.

Выделяют следующие начальные навыки (минимальные умения):

- вступление в контакт и участие в разговоре;
- самовыражение в разговоре, умение выразить свои чувства и переживания, передача информации другому человеку;
- реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает;
- навыки планирования предстоящих действий;
- альтернативы агрессивному поведению, наиболее продуктивные способы выхода из конфликтной ситуации [1; 7; 12].

Проблемы адаптации подростков-сирот также рассматриваются с учетом психологического совладания в разрезе использования ими неконструктивных моделей копинг-поведения: избегание, приспособление, агрессия и др. [18; 24; 26].

В современных зарубежных исследованиях акцент делается на травма-ориентированном подходе, в рамках которого трудности включения в самостоятельную жизнь выпускников объясняются с позиций нарушения психического здоровья, последствий психических травм, жестокого обращения и пренебрежения к личности, к ее интересам и нуждам, нарушающих связь с собой, близкими, сообществом и миром в целом [36].

Развитие в условиях кумулятивной травмы формирует триггерный паттерн повторяющихся нарушений регуляции в ответ на сигналы травмы, которые проявляются в эмоциональной дисрегуляции аффективных состояний, склонности к навязчивым воспоминаниям, зависимостям, нарушениям поведения и т.д., как следствие — неизбежность будущей виктимизации, функциональные нарушения во всех сферах жизнедеятельности выпускника [37].

В международных исследованиях описываются индивидуальные защитные факторы, которые могут позволить выпускникам чувствовать себя благополучными в самостоятельной жизни. К ним относят: оптимизм, позитивные взгляды на себя, постановка целей и ориентация на достижение, просоциальные ценности, развитие навыков, а также выявление и использование сильных сторон характера [38].

Таким образом, изучение психологических характеристик выпускников организаций для детей-сирот объединяет в себе два подхода: со стороны их психологических ресурсов, способствующих успешному вхождению в самостоятельную жизнь, и со стороны их личностных дефицитов, препятствующих успешной социализации.

Цель исследования — выявить специфику психологических ресурсов и личностных дефицитов у выпускников организаций для детей-сирот перед выходом их в самостоятельную жизнь.

Методы и методики

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Авторская анкета для изучения социально-демографических данных информантов, включающая вопросы о наличии опыта воспитания в семье, продолжительности жизни в семье и вне семьи, опыте пребывания в организациях для детей-сирот, количестве и направленности перемещений (дом ребенка — реабилитационный центр, детский дом и т.д.);
2. Опросник «Определение уровня развития социальных навыков» А.П. Гольдштейна [9];
3. Детский опросник на выявление симптомов ПТСР (The Child PTSD Symptom Scale (CPSS)) в возрасте от 8 до 18 лет [34], адаптация В.Н. Ослон и М.А. Одинцовой, позволяющий получить сведения о травматическом опыте ребенка;

4. Полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей (Н.В. Тарабрина), позволившее провести внешнюю валидизацию Детского опросника на выявление симптомов ПТСР [25], а также измерение посттравматической симптоматики;
5. Опросник эмоционального интеллекта (ЭмИн) Д.В. Люсина, предназначенный для измерения эмоционального интеллекта (EQ) в соответствии с авторской моделью [16];
6. Краткая версия теста «Жизнестойкость» [21];
7. Шкала ясности Я-концепции. Русскоязычная версия (В.В. Вдовенко, С.А. Щебетенко), направленная на изучение таких параметров Я-концепции, как дифференцированность, структурированность (целостность) и устойчивость, определенность (ясность) и точность [8];
8. Методика COPE в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.А. Рассказовой, направленная на выявление копинг-стратегий [19].

Для обработки данных использовались методы: описательная статистика, двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA, критерий с χ^2 Пирсона, факторный анализ методом главных компонент (метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера).

Описание выборки

В исследовании приняли участие 164 подростка от 13 до 18 лет (15,03±1,56), среди них 80 мальчиков (14,8±1,7) и 84 девочки (15,3±1,4), которые равномерно распределились по возрастным группам ($\chi^2=1,467$ при $p=0,147$; $t=-1,898$; $p=0,058$):

1. до 15 лет (N=58);
2. выпускники от 15 лет и старше (N=106).

Социобиографические данные представлены в табл. 1 и 2. Все информанты проживали в организациях для детей-сирот и обучались в общеобразовательной школе.

Подростки старше 15 лет готовились к выпуску из детского дома, в связи с чем получили статус выпускника.

Таблица 1

Распределение респондентов по группам

Группа	N	Возраст	Пол			
			М (N)	%	Ж (N)	%
До 15 лет	58	13,4±0,76	32	40,0 %	26	31,0 %
Выпускники от 15 лет и старше	106	15,96±1,01	48	60,0 %	58	69,0 %
Всего	164	15,03±1,56	80	48,8 %	84	51,2 %
			$\chi^2=1,467$ при $p=0,147$			

Подростки разных возрастных групп различались по времени пребывания в детском доме и по количеству перемещений из семьи в детский дом и обратно, но не различались по месту проживания до детского дома (табл. 2).

Таблица 2

Распределение информантов по опыту жизни в организации и до поступления в детский дом

	До 15 лет	Выпускники
Время, проведенное в детском доме		
До года	20 (34,5 %)	36 (34,0 %)
От 1 до 2 лет	14 (24,1 %)	20 (18,9 %)

	До 15 лет	Выпускники
От 3 до 5 лет	10 (17,2 %)	38 (35,8 %)
Более 5 лет	14 (24,1 %)	12 (11,3 %)
$\chi^2=8,825$ при $p=0,032$		
Количество перемещений		
Ни разу	34 (58,6 %)	68 (64,2 %)
Один-два раза	22 (37,9 %)	24 (22,6 %)
Три-пять раз	0	10 (9,4 %)
Более пяти раз	2 (3,4 %)	4 (3,8 %)
$\chi^2=8,791$ при $p=0,032$		
Где проживал до детского дома		
В другом детском доме	6 (10,3 %)	10 (9,4 %)
У родственников	4 (6,9 %)	4 (3,8 %)
В своей семье	36 (62,1 %)	50 (47,2 %)
В приемной семье	4 (6,9 %)	18 (17,0 %)
В реабилитационном центре	8 (13,8 %)	24 (22,6 %)
$\chi^2=6,715$ при $p=0,152$		

Подростки-мальчики не отличались от девочек по времени, проведенном в детском доме ($\chi^2=3,081$ при $p=0,379$); по количеству перемещений ($\chi^2=7,328$ при $p=0,062$). Отличия наблюдались по месту проживания до детского дома ($\chi^2=15,620$ при $p=0,004$). В своей семье проживали 47,5% мальчиков и 57,1% девочек, а в реабилитационных центрах – 25% мальчиков и 14,3% девочек. В другом детском доме или у родственников проживали по 10% мальчиков, 7,5% мальчиков были возвращены из приемной семьи обратно в детский дом. Среди девочек в другом детском доме проживали 9,5%, у родственников не проживал никто, а 19% были возвращены из приемных семей в детский дом (рис. 1).

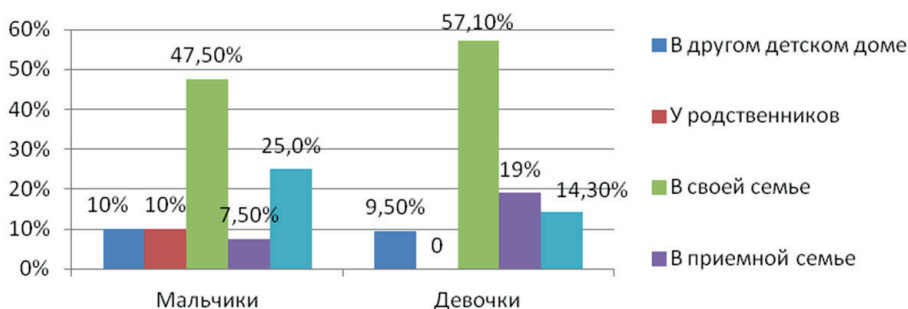

Рис. 1. Мальчики и девочки, проживающие в разных условиях до организации для детей-сирот (%)

Результаты

Возрастные группы различались по частоте упоминания тех или иных травматических событий в их жизни ($\chi^2=10,863$ при $p=0,054$), но не различались в сроках произо-

шедшего события ($\chi^2=1,179$ при $p=0,182$). Большинство подростков (65,5%) и выпускников (73,6%) указали, что травмирующее событие произошло в срок до года. Наиболее травмирующими для выпускников оказались события, связанные с изъятием их из семьи (37,7%), примерно по трети подростков до 15 лет указали на конфликты (34,5%) и трудности в учебе (31%), подробнее см. на рис. 2.

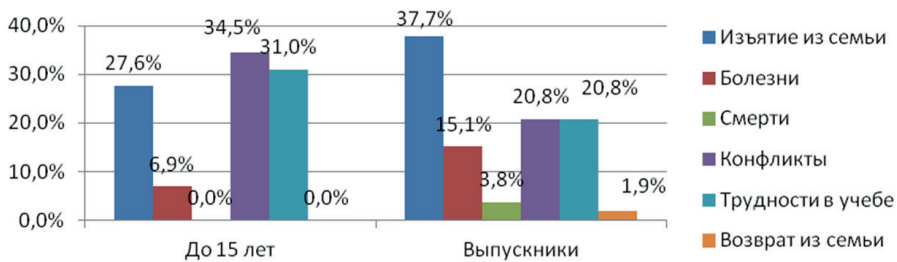

Рис. 2. Травмирующие события подростков и выпускников (%)

Мальчики и девочки всей выборки также различались по частоте упоминания тех или иных травматических событий в их жизни ($\chi^2=12,234$ при $p=0,032$), но не различались в сроках произошедшего события ($\chi^2=0,788$ при $p=0,237$), большинство из которых указали на срок до года (67,5% и 73,8% соответственно), подробнее см. на рис. 3.

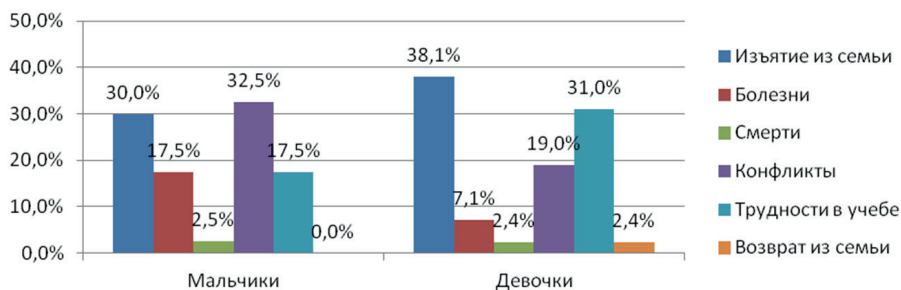

Рис. 3. Травмирующие события мальчиков и девочек (%)

При этом для мальчиков наиболее болезненными событиями стали конфликты (32,5%), изъятие из семьи (30%), для девочек – изъятие из семьи (38,1%) и трудности в учебе (31%).

Для того, чтобы выявить влияние двух независимых переменных (возрастная группа: подростки/выпускники и пол) на каждую из исследуемых характеристик (выраженность психотравматических реакций, эмоциональный интеллект, жизнестойкость, ясность Я-концепции, копинг-стратегии, социальные навыки, эмоциональная дисрегуляция), проводился двухфакторный дисперсионный анализ с использованием апостериорного критерия Дункана. Результаты анализа и описательная статистика представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Результаты двухфакторного дисперсионного анализа
и описательная статистика по группам**

Исследуемые характеристики	Среднее значение \pm стандартное отклонение: для подростков и выпускников в зависимости от пола — М (мужской), Ж (женский)			Статистические эффекты $df=5$		
	Группы подростков			Группа	Пол	Группа* Пол
	Пол	Подростки М (N=32) Ж (N=26)	Выпускники М (N=48) Ж (N=58)			
Общий индекс посттравматических реакций	М	26,3 \pm 9,7	24,3 \pm 11,2	F=3,305 p=0,071	F=5,533 p=0,020	F=0,343 p=0,559
	Ж	31,2 \pm 12,1	27,2 \pm 8,5			
Навязчивые воспоминания	М	4,6 \pm 3,3	5,5 \pm 4,4	F=0,203 p=0,653	F=6,528 p=0,012	F=3,306 p=0,071
	Ж	7,7 \pm 4,7	6,1 \pm 4,7			
Избегание	М	9,5 \pm 4,1	8,4 \pm 4,5	F=1,922 p=0,168	F=7,501 p=0,007	F=0,182 p=0,670
	Ж	11,1 \pm 4,8	10,4 \pm 3,0			
Степень выраженности посттравматических реакций	М	13,1 \pm 9,2	10,3 \pm 8,6	F=0,070 p=0,792	F=11,94 p=0,001	F=1,489 p=0,117
	Ж	15,8 \pm 9,7	17,8 \pm 8,9			
Ясность Я-концепции	М	38,7 \pm 7,3	41,8 \pm 4,9	F=5,813 p=0,017	F=7,831 p=0,006	F=0,288 p=0,592
	Ж	36,4 \pm 7,5	38,3 \pm 6,3			
Аддиктивное поведение	М	11,3 \pm 4,7	12,3 \pm 6,1	F=3,519 p=0,062	F=0,167 p=0,684	F=0,494 p=0,483
	Ж	11,1 \pm 3,5	13,1 \pm 4,3			
Позитивное переформулирование	М	7,1 \pm 3,1	5,9 \pm 3,2	F=13,05 p=0,000	F=0,009 p=0,925	F=1,289 p=0,258
	Ж	7,6 \pm 2,5	5,4 \pm 2,5			
Концентрация на эмоциях	М	5,9 \pm 2,9	5,9 \pm 2,9	F=0,959 p=0,329	F=3,708 p=0,056	F=1,060 p=0,305
	Ж	6,3 \pm 2,0	7,1 \pm 2,1			
Обращение к религии	М	5,3 \pm 4,1	4,4 \pm 3,7	F=0,098 p=0,755	F=5,607 p=0,019	F=3,482 p=0,064
	Ж	5,6 \pm 4,2	6,9 \pm 3,2			
Юмор	М	6,6 \pm 3,0	6,4 \pm 3,2	F=8,00 p=0,005	F=0,777 p=0,379	F=6,005 p=0,015
	Ж	8,5 \pm 3,0	5,5 \pm 3,4			
Поведенческий уход от проблем	М	5,5 \pm 2,2	4,9 \pm 2,6	F=0,590 p=0,443	F=0,530 p=0,468	F=4,929 p=0,028
	Ж	4,2 \pm 2,7	5,5 \pm 2,8			
Сдерживание	М	6,3 \pm 2,8	4,3 \pm 1,9	F=7,510 p=0,007	F=1,255 p=0,264	F=4,285 p=0,040
	Ж	5,0 \pm 2,2	4,7 \pm 2,9			
Принятие	М	6,5 \pm 3,1	6,5 \pm 2,7	F=2,374 p=0,125	F=4,941 p=0,028	F=2,374 p=0,125
	Ж	8,3 \pm 3,1	6,8 \pm 2,9			
Планирование	М	8,9 \pm 1,7	7,7 \pm 2,5	F=7,685 p=0,006	F=0,710 p=0,401	F=0,225 p=0,636
	Ж	9,1 \pm 1,7	8,2 \pm 2,6			

Исследуемые характеристики	Среднее значение ± стандартное отклонение: для подростков и выпускников в зависимости от пола — М (мужской), Ж (женский)			Статистические эффекты df=5		
	Группы подростков			Группа	Пол	Группа* Пол
	Пол	Подростки М (N=32) Ж (N=26)	Выпускники М (N=48) Ж (N=58)			
Контроль	М	14,1±4,6	14,5±4,3	F=0,054 p=0,817	F=10,92 p=0,001	F=0,973 p=0,325
	Ж	12,5±4,3	11,6±3,9			
Принятие риска	М	8,1±3,1	10,5±3,2	F=4,688 p=0,032	F=1,579 p=0,211	F=5,214 p=0,024
	Ж	8,6±2,9	8,6±3,6			
Жизнестойкость	М	41,1±11,5	43,5±11,2	F=0,001 p=0,977	F=3,663 p=0,057	F=1,620 p=0,205
	Ж	39,9±10,8	37,5±11,8			
Начальные навыки	М	9,0±3,7	13,1±4,1	F=0,592 p=0,444	F=2,663 p=0,107	F=17,25 p=0,000
	Ж	13,82±3,7	11,0±1,5			
Навыки поведения в конфликтных ситуациях	М	32,8±7,5	31,4±6,2	F=0,809 p=0,372	F=7,994 p=0,006	F=0,018 p=0,893
	Ж	28,7±5,4	27,7±4,0			
Межличностный ЭИ	М	38,8±8,5	39,6±9,5	F=2,025 p=0,257	F=4,452 p=0,036	F=3,892 p=0,050
	Ж	44,8±8,3	39,8±8,1			
Внутриличностный ЭИ	М	44,2±8,8	42,1±8,5	F=5,955 p=0,016	F=6,147 p=0,014	F=0,597 p=0,441
	Ж	42,1±7,0	38,1±6,0			
Управление эмоциями	М	45,2±8,2	43,5±9,0	F=6,585 p=0,011	F=0,423 p=0,516	F=1,749 p=0,188
	Ж	46,1±7,5	40,9±7,4			
Общий уровень ЭИ	М	83,0±13,3	81,8±16,4	F=5,352 p=0,022	F=0,001 p=0,981	F=3,058 p=0,082
	Ж	86,9±12,3	77,9±11,3			
Руминация	М	15,5±2,9	14,3±3,8	F=0,818 p=0,367	F=49,76 p=0,000	F=0,954 p=0,330
	Ж	19,5±4,9	19,6±4,3			
Избегание	М	11,3±2,5	10,9±2,9	F=0,289 p=0,592	F=15,58 p=0,000	F=0,087 p=0,768
	Ж	13,2±4,0	13,1±3,3			

Обнаружены значимые различия в склонности к аддиктивному поведению (в большей степени свойственно выпускникам). Копинг-стратегии «планирование» и «позитивное переформулирование» также реже используются выпускниками. По способности к управлению эмоциями и общему уровню ЭИ выпускники набирают более низкие баллы, чем подростки (характерно выпускникам обоего пола). В зависимости от пола (но не от группы) обнаружены значимые различия в следующих характеристиках посттравматических реакций: девочкам в большей мере свойственны навязчивые воспоминания, степень выраженности посттравматических реакций, а также избегание и руминация. При преодолении стрессов они чаще концентрируются на эмоциях, обращаются к религии и используют стратегию принятия. Мальчики в большей степени умеют контролировать

жизненные ситуации, более жизнестойки, у них более развиты навыки поведения в конфликтных ситуациях.

Ясность Я-концепции зависит и от пола, и от группы и имеет тенденцию к повышению у выпускников, причем у мальчиков она значительно выше, чем у девочек. Внутрличностный ЭИ зависит и от пола, и от группы и имеет тенденцию к снижению у выпускников, и ниже у девочек обеих групп.

При интерпретации результатов совместного влияния двух факторов — группы и пола — было обнаружено следующее:

- копинг-стратегии «юмор» и «принятие ситуаций неопределенности» чаще используются подростками-девочками и юношами-выпускниками, чем мальчиками-подростками и девушками-выпускницами;
- сформированность начальных навыков также выше у девочек-подростков и у юношей-выпускников;
- стратегия поведенческого ухода от проблем чаще используется подростками-мальчиками и девушками-выпускницами.

Межличностный ЭИ выше у девочек-подростков в отличие от их сверстников, после выпуска он становится несколько выше у всех молодых людей, но у выпускниц он имеет уже тенденцию к значительному снижению.

Для обобщения и структурирования исследуемых характеристик был проведен факторный анализ методом главных компонент (метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера), который позволил выделить 6 факторов, объясняющих 71,1 % общей дисперсии и оказывающих разноплановое влияние на психологическую готовность выпускников к самостоятельной жизни: F1=21,6 % «Социальные навыки и условия их формирования»; F2=15,1 % «Травматизация»; F3=10,6 % «Социально-психологическая дезадаптация»; F4=8,98 % «Совладание со стрессом»; F5=8,17 % «Уход от проблем»; F6=6,7 % «Избегание».

В первый фактор вошли некоторые социальные навыки, характеристики ЭИ, жизнестойкости и одна копинг-стратегия «Планирование». Второй фактор в основном включил характеристики психологической травматизации. Третий — разнообразные типы девиаций, четвертый, пятый и шестой — совокупность разных копинг-стратегий (табл. 4).

Таблица 4

Результаты факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс) — матрица факторных нагрузок

Исследуемые характеристики	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Общий уровень развития социальных навыков	0,942	0,012	0,091	0,034	-0,011	0,058
Навыки планирования предстоящих действий	0,874	-0,027	0,024	-0,037	-0,162	-0,003
Реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает	0,862	0,043	0,298	-0,048	0,002	-0,027
Самовыражения в разговоре	0,840	0,105	-0,142	-0,157	0,082	0,165
Поведение в конфликтной ситуации	0,818	-0,115	0,029	0,044	-0,102	-0,045
Межличностный ЭИ	0,740	-0,214	0,277	0,223	-0,026	0,038
Использование инструментальной поддержки	0,693	-0,202	0,093	0,055	0,187	-0,347

Исследуемые характеристики	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Общий уровень ЭИ	0,677	-0,362	0,377	0,208	-0,220	-0,052
Понимание эмоций	0,624	-0,373	0,228	0,254	-0,143	-0,066
Управление эмоциями	0,624	-0,303	0,440	0,144	-0,249	-0,034
Подавление конкурирующей деятельности	0,610	0,039	0,374	0,286	0,024	0,100
Позитивное переформулирование	0,574	-0,009	0,377	0,556	-0,197	0,049
Использование эмоциональной поддержки	0,560	0,065	-0,106	-0,150	0,503	-0,299
Принятие риска	0,463	-0,448	0,251	0,041	0,018	-0,403
Внутриличностный ЭИ	0,435	-0,430	0,389	0,139	-0,375	-0,136
Планирование	0,394	0,145	-0,131	0,189	-0,012	0,253
Общий индекс ПТ реакции	0,014	0,949	0,096	-0,126	-0,024	0,043
Избегание	-0,016	0,881	-0,093	-0,073	-0,030	-0,049
Руминация	-0,367	0,770	0,035	-0,028	-0,010	0,319
Возросшая возбудимость	0,027	0,751	-0,070	-0,206	-0,023	-0,044
Нарушения функционирования	0,012	0,633	-0,236	-0,160	-0,431	0,110
Шкала ясности Я-концепции	0,185	-0,627	-0,193	-0,196	-0,122	-0,492
Навязчивое воспроизведение	0,023	0,594	0,562	0,007	0,290	0,116
Контроль	0,398	-0,586	0,262	0,158	-0,175	-0,396
Жизнестойкость	0,468	-0,528	0,367	0,156	-0,132	-0,396
Немедленное реагирование	0,006	0,521	-0,194	0,240	0,242	-0,318
Аддиктивное поведение	-0,059	-0,078	-0,859	0,053	0,176	-0,109
Суицидальное поведение	-0,123	0,112	-0,697	-0,138	0,277	0,099
Делинквентное поведение	-0,069	0,221	-0,651	0,297	-0,141	0,373
Агрессивное поведение	-0,254	0,042	-0,640	-0,009	-0,009	0,100
Вовлеченность	0,433	-0,407	0,449	0,187	-0,152	-0,305
Активное совладание	0,479	0,102	0,167	0,809	-0,094	-0,163
Сдерживание	-0,021	-0,231	-0,178	0,724	0,280	-0,048
Степень выраженности симптомов ПТСР	0,189	0,418	0,138	-0,619	0,200	0,164
Начальные навыки	0,303	-0,002	0,179	0,613	0,125	0,188
Обращение к религии	0,134	0,428	0,371	-0,562	0,305	0,147
Принятие	0,303	-0,136	0,137	0,190	0,730	-0,042
Поведенческий уход	-0,503	-0,019	-0,167	-0,316	0,697	0,129
Отрицание	-0,375	0,150	-0,071	0,105	0,658	0,150

Исследуемые характеристики	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Концентрация на эмоциях	-0,083	0,002	-0,391	-0,072	0,624	0,182
Мысленный уход	-0,112	0,209	-0,349	-0,378	0,469	0,096
Юмор	0,403	-0,143	-0,021	-0,115	-0,007	0,662
Использование успокоительных	0,062	0,156	-0,077	-0,570	0,166	0,632
Избегание	-0,123	0,287	-0,205	0,021	0,289	0,582

Обсуждение результатов

Исследование позволило выделить специфику группы выпускников по сравнению с группой подростков, далекой от выпуска, их психологические ресурсы, способствующие личностной готовности к самостоятельной жизни, и дефициты, препятствующие успешной социализации.

Психологические ресурсы в основном объединились в первом факторе F1, названном «Социальные навыки и условия их формирования». Наибольший вес получил параметр «общий уровень сформированности социальных навыков», что включает умения успешно взаимодействовать с окружающими и отражает готовность и способность выпускника жить в социальном взаимодействии [6]. Наиболее востребованным среди них является «навык планирования предстоящих действий», помогающий ставить цели и принимать решения. Следующими по значимости стали навыки, связанные с взаимодействием с другими людьми (реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает), а также умение выразить свои чувства и переживания, передать информацию другому человеку, навыки поведения в конфликтных ситуациях, позволяющие найти альтернативу агрессивному поведению в конфликтной ситуации. Данные навыки связаны с характеристиками эмоционального интеллекта. Наибольшую факторную нагрузку среди всех компонентов ЭИ набрал межличностный эмоциональный интеллект.

Анализ соотношения МЭИ и ВЭИ указал на приоритет МЭИ. Интересно, что эта особенность была выявлена и у воспитателей групп респондентов. Дети и их воспитатели в большей степени ориентированы на управление состоянием другого человека, чем на погружение в собственное эмоциональное состояние. Соотношение МЭИ и ВЭИ по-разному интерпретируется учеными. Часть исследователей считает ВЭИ коррелятом адаптационных способностей у молодых людей и подчеркивает его преимущество перед МЭИ [5]. Другие видят в этом источник психологических проблем и конфликтов [27]. Возможно, это связано с преимущественной потребностью представителей институциональных организаций в манипуляции поведением другого человека.

Сравнение уровня ЭИ у представителей младшей и старшей групп показало, что он не ниже среднего. Исключение составляют девочки старшей группы, у которых уровень ЭИ снижен. Те же тенденции наблюдаются и по значениям ВЭИ, и по показателю «управление эмоциями». Т.е. выпускницы по сравнению с мальчиками менее способны к пониманию эмоций своих и чужих, они хуже их идентифицируют и понимают причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она может привести, особенно это относится к собственным эмоциям, их осознанию, правильному распознаванию и идентификации [15].

Социальные навыки и эмоциональный интеллект связаны с конструктивными копинг-стратегиями. Наиболее значимыми стали: «поиск инструментальной социальной поддержки» в трудной ситуации, «подавление конкурирующей деятельности» (возможность сконцентрироваться на стрессовой ситуации и способах ее преодоления) и «позитивное переформулирование» (предание субъективного позитивного смысла тому, что изначально воспринималось как негативное).

При сравнении с данными для выпускников с ОВЗ видно, что средние значения выживаемости данных копингов у подростков независимо от возраста и пола значительно снижены по сравнению с подростками с ОВЗ [20].

Компонент жизнестойкости (по сравнению со средними значениями данного компонента у информантов он ближе к среднему) также является одним из психологических ресурсов: «принятие риска», то есть убежденность в том, что любая сложная ситуация независимо от гарантии на успех и исход является источником развития [21].

Второй фактор F2, названный «Травматизация», включил в себя личностные дефициты выпускников, наиболее значимой причиной которых является травматизация.

Переменной, имеющей самую высокую факторную нагрузку, стал общий индекс посттравматической реакции, который отразил интенсивность негативных эмоций, связанных с переживаниями травматического события (как в момент самого события, так и за последний месяц безотносительно к какому-то событию), а также их последствия — навязчивое воспроизведение травматической ситуации, избегание (отказ от переживаний, обладающих высоким аффективным зарядом и сопровождающихся острыми негативными эмоциями (эмоциональной болью) и руминация (застывание, болезненное размышление («умственная жвачка») и стереотипное возвращение к определенным, как правило, негативным эмоциональным состояниям). Руминация и избегание характеризуют низкоадаптивные формы эмоциональной регуляции, способствующие поведенческому срыву, цель которого — облегчить эмоциональную боль, а также усугублению эмоциогенных переживаний [23]. Снижают возможности адаптации и такие последствия травматизации, как возросшая возбудимость и нарушения функционирования. С отрицательным знаком входит в данный фактор переменная «ясность Я-концепции» [8], которую можно было бы рассматривать в качестве одного из основных копинг-ресурсов подростка. При повышении травматизации снижается «степень отчетливости, уверенности, внутренней согласованности и хронологической устойчивости Я-концепции, а также ее дифференцированность» [33], структурированность (целостность) и устойчивость [32], определенность (ясность) [32], точность [30; 32; 35]. С отрицательным знаком связаны с травматизацией жизнестойкость и ее компонент контроль, т.е. чем выше травматизация, тем ниже общая жизнестойкость и контроль, свидетельствующие о снижении способности выдерживать стрессовые ситуации, а также наличие установки на жизненную пассивность.

Сравнительный анализ переменных данного фактора, получивших значимые различия по полу, выявил, что девушки, независимо от возрастной группы, чувствуют себя более травмированными по сравнению с юношами: у них выше общий индекс посттравматических реакций; они в большей степени склонны к навязчивому воспроизведению травматических событий; чаще стараются избегать травмирующих переживаний; их Я-концепция менее ясная и дифференцированная. Они значительно в меньшей степени обладают жизнестойкостью по сравнению с мальчиками и более пассивны. Сравнение данного параметра у младшей и старшей групп выявило повышение ясности Я-концепции с возрастом. При этом степень травматизации у выпускников не снижается.

Обращает внимание сбой датировки травматического события у информантов. Независимо от возраста, пола, срока пребывания в институциональных учреждениях значительная часть информантов наиболее болезненным событием назвали изъятие из семьи, а срок произошедшего — менее года. При этом значительная часть выпускников проживала в организации более 3-х и 5-ти лет. Иными словами, подростки-сироты не чувствуют временных границ между событиями, которые произошли достаточно давно, и настоящим временем. Их травма не завершена, и они ее воспринимают как актуальную.

Третий Фактор F3 «Социально-психологическая дезадаптация» включил ведущие типы аномального поведения подростков (аддиктивное, суицидальное, делинквентное, агрессивное). Для информантов характерна ситуационная предрасположенность к делинквентному, зависимому, агрессивному и аутоагрессивному поведению, что свидетельствует о легкой степени социально-психологической дезадаптации [14]. Сравнительный анализ по возрастным группам выявил тенденцию к значимости различий по склонности информантов к зависимому поведению у выпускников. Сюда же с отрицательным значением вошел компонент жизнестойкости «вовлеченность»: с ростом девиаций снижается возможность у молодых людей «найти нечто стоящее и интересное» для себя и наоборот. Вовлеченность можно рассматривать и как мишень психологической помощи при коррекции аномального поведения.

Последующие три фактора отражают потребности совладания со стрессом у информантов.

Из них наибольшую нагрузку получил фактор F4 «Совладание со стрессом». Включенные копинги отразили амбивалентность информантов в попытках справиться со стрессом. С одной стороны, они стараются использовать стратегии активного совладания, что больше характерно для девочек, с другой — пассивный копинг — сдерживание (значимых различий по группам не выявлено). Препятствуют совладанию со стрессом переменные, включенные в фактор с отрицательным знаком: копинг обращения к религии, к которому значительно чаще прибегают девочки. Обращает внимание, что в этот фактор попал параметр «степень выраженности симптомов ПТСР» с отрицательным знаком. Способствуют совладанию «начальные социальные навыки», т.е. минимальные умения, которые позволяют человеку вступать в контакт с другими людьми.

В факторе F5 «Уход от проблем» также отразилась амбивалентность использования разных копинг-стратегий. Стратегия «принятие», т.е. признание реальности стрессовой ситуации, что в большей степени характерно для девочек, особенно для девочек младшей группы, и в то же время отрицание ее реальности (значимых различий между возрастными и гендерными группами не обнаружено), концентрация на эмоциях и их активное выражение (чаще у девочек независимо от возраста), и как следствие — мысленный и поведенческий уход от проблем (различия получены и по полу, и по возрасту), что чаще характерно для подростков-мальчиков и девочек-выпускниц.

В фактор F6 «Избегание» попали копинг-стратегии, направленные на уклонение от проблем: информант отказывается от достижения цели, регулирования усилий, направленных на взаимодействие со стрессором, пытается шутить над ситуацией и использует успокоительные (нет различий между возрастными и гендерными группами).

Заключение и выводы

Изъятие из семьи остается значимым травмирующим фактором как для подростков, так и для выпускников, как для мальчиков, так и для девочек. Этим можно объяснить

более высокую склонность выпускников к аддиктивному поведению, сниженный ЭИ, преимущественное использование избегающих стратегий совладания, которые как раз и становятся их личностными дефицитами.

Психологические ресурсы выпускников организаций для детей-сирот перед их выходом в самостоятельную жизнь зависят от пола: ясность Я-концепции, жизнестойкость, стратегия юмора в большей степени свойственны выпускникам мужского пола. Выпускницы же более уязвимы к травматизации, их личностные дефициты выражены в большей степени. Также обнаружено, что средние значения выраженности здоровых копинг-стратегий ниже у сирот разного пола и возраста в сравнении с группами подростков с инвалидизацией.

Полученные нами данные хорошо согласуются с исследованиями зарубежных коллег [36], продолжая мысль которых, можно заключить, что мишенями психологической помощи подросткам-сиротам и выпускникам становятся «восстановление социальности и навыков эмоционального интеллекта для формирования надежного контакта», «способности к осознанности своего поведения, регулирования эмоционального состояния, способности принимать себя и понимать, распознавать состояния других, влиять, формировать связи, разные по глубине контакта» [36].

Литература

1. Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 4 / Под ред. Ю.Ю. Ивашкиной, О.В. Костейчука. СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. 288 с.
2. *Алтынцева Е.Н.* Педагогические условия формирования жизненного самоопределения старшеклассников детских интернатных учреждений: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Минск, 2012. 28 с.
3. *Арон И.С.* Готовность к профессиональному самоопределению подростков-сирот в контексте их социальной ситуации развития [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 1. С. 8—19. DOI:10.17759/psyedu.2018100102
4. *Байер А.А.* Педагогическая система формирования жизнестойкости детей-сирот средствами физической культуры и спорта: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М., 2013. 46 с.
5. *Бердникова И.А.* Эмоциональный интеллект как предиктор психологического благополучия студентов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2022. 48 с.
6. *Бобылева И.А.* Готовность воспитанников организаций для детей-сирот к самостоятельной жизни: подходы к оценке и организации // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 176—188. DOI:10.17759/pse.2021260614
7. *Васина Е.А.* Социальные умения личности: диагностика и подходы к анализу [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. 2021. № 2(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyeyumeniya-lichnosti-diagnostika-i-podhody-k-analizu> (дата обращения: 14.12.2022).
8. *Вдовенко В.В., Щебетенко С.А., Старовойтенко Е.Б.* Я в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 77. 34 с. DOI:10.54359/ps.v14i77.157
9. *Гольдштейн А.П.* Модель социального поведения // Практическая психология и социальная работа. 2003. № 4. С. 61—68.
10. Диагностический портфель для оценки степени готовности выпускников из замещающих семей к самостоятельной жизни / Под общ. ред. О.В. Иониной. Тула: ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», 2019. 93 с.
11. *Дружинина А.А.* Основные направления социально-педагогической работы по формированию самостоятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Гуманитарные

науки. Проблемы социализации молодежи в современном мире. Вестник ТГУ. 2015. Вып. 8(148). С. 240—249.

12. *Исакова О.Е.* Дети-сироты: формирование коммуникативной компетентности // Социальная педагогика. 2010. № 3. С. 64—71.

13. *Ларин А.Н., Коноплева И.Н.* Социальная адаптация детей, воспитывающихся в условиях детского дома [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. Том 6. № 3. С. 125—135. DOI:10.17759/psyedu.2014060313

14. *Леус Э.В., Соловьев А.Г., Сидоров П.И.* Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГГПУ. 2012. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnih> (дата обращения: 06.12.2022).

15. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. 176 с.

16. *Люсин Д.В., Овсянникова В.В.* Связь эмоционального интеллекта и личностных черт с настроением // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. № 4. С. 154—164. DOI:10.17323/1813-8918-2015-4-154-164

17. *Митрофанова Е.С.* Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Том 6. № 4. С. 53—82. DOI:10.17323/demreview.v6i4.10427

18. *Мошсева Т.А.* Копинг-поведение детей, оставшихся без попечения родителей. Как помочь? [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2019. № 11—2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-povedenie-detey-ostavshih-sya-bez-porecheniya-roditeley-kak-pomoch> (дата обращения: 14.12.2022).

19. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н.* Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики cope [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-v-strukture-deyatelnosti-i-samoregulyatsii-psihometricheskie-harakteristiki-i-vozmozhnosti-primeneniya-metodiki-cope> (дата обращения: 13.11.2022).

20. *Одинцова М.А., Сорокова М.Г.* Копинг-стратегии и копинг-стили подростков при врожденной и приобретенной инвалидности (на примере ДЦП, онкологии, ревматических заболеваний) [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 2. С. 95—123. DOI:10.17759/cpsp.2021100207

21. *Осин Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147—165.

22. *Ослон В.Н., Селенина Е.В.* Технология постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот в процессе получения профессионального образования и при первичном трудоустройстве [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 3. С. 70—83. DOI:10.17759/psyedu.2018100307

23. *Польская Н.А., Разваляева А.Ю.* Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 71—93. DOI:10.17759/cpp.2017250406

24. *Польшина М.А.* Особенности формирования копинг-стратегий у подростков-сирот, склонных к конфликтной ситуации [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63—3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-koping-strategiy-u-podrostkov-sirot-sklonnyh-k-konfliktnoy-situatsii> (дата обращения: 14.12.2022).

25. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с.

26. *Ткаченко Н.С., Климова О.И.* К вопросу об особенностях копинг-стратегий поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Заметки Ученого. 2020. № 10. С. 463—468.

27. *Фисенко М.Д.* Эмоциональный интеллект учителей городских и сельских школ на примере Волгоградской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11(113). DOI:10.23670/IRJ.2021.113.11.133

28. *Чикалов Н.А.* Социально-психологическая диагностика готовности к самостоятельной жизни воспитанников интернатных учреждений: опыт разработки пакета методик // Сопровождение

- сирот: современные вызовы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (5—6 декабря 2013 г., г. Калуга) / Сост. И.А. Бобылева. М., 2014. С. 173—179.
29. *Billari F.C., Liefaroer A.C.* Towards a new pattern of transition to adulthood // *Advances in Life Course Research*. 2010. Vol. 15. P. 59—75. DOI:10.1016/j.alcr.2010.10.003
30. *Boucher H.C.* Self-knowledge defenses to self-threats // *Journal of Research in Personality*. 2011. № 45(2). P. 165—174. DOI:10.1016/j.jrp.2010.12.006
31. *Campbell J.D.* Self-Esteem and Clarity of the Self-Concept // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. № 59(3). P. 538—549. DOI:10.1037/0022-3514.59.3.538
32. *Campbell J.D., Trapnell P.D., Heine S.J., Katz I.M., Lavalley L.F., Lehman D.R.* Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 70(1). P. 141—156. DOI:10.1037/0022-3514.70.1.141
33. *Donahue E.M., Robins R.W., Roberts B.W., John O.P.* The divided self: Concurrent and longitudinal effects of psychological adjustment and social roles on self-concept differentiation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. № 64(5). P. 834—846. DOI:10.1037/0022-3514.64.5.834
34. *Foa E.B., Johnson K.M., Feeny N.C., Treadwell K.R.* The child PTSD Symptom Scale: a preliminary examination of its psychometric properties // *Journal of clinical child psychology*. 2001. Vol. 30. № 3. P. 376—384. DOI:10.1207/S15374424JCCP3003_9
35. *Landau M.J., Greenberg J., Sullivan D., Routledge C., Arndt J.* The protective identity: Evidence that mortality salience heightens the clarity and coherence of the self-concept // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. № 45(4). P. 796—807. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.013
36. *Lavine P.* In *Unspoken Voice: How THE Body Releases Trauma AND Restores Goodness*. North Atlantic Books, 2012. 384 p.
37. *Spinazzola J., van der Kolk B., Ford J.D.* When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder // *Journal of traumatic stress*. 2018. Vol. 31. № 5. P. 631—642. DOI:10.1002/jts.22320
38. *Sulimani-Aidan Y., Benbenishty R., Dinisman T., Zeira A.* Care Leavers in Israel: What Contributes to Better Adjustment to Life After Care? // *Journal of Social Service Research*. 2013. Vol. 39. № 5. P. 704—718. DOI:10.1080/01488376.2013.834283

References

1. Adaptatsiya k usloviyam samostoyatel'nogo prozhivaniya vypusnikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhhsya bez popecheniya roditeli [Adaptation to the conditions of independent living of graduates of organizations for orphans and children left without parental care]. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik* [Social services for families and children: a scientific and methodological collection]. Issue 4, ed. Yu.Yu. Ivashkinoi, O.V. Kosteichuka. St. Petersburg: SPbGBU "Gorodskoi informatsionno-metodicheskii tsentr "Sem'ya" [SPbGBU "City Information and Methodological Center "Family"], 2015. 288 p. (In Russ.).
2. Altyntseva E.N. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya zhiznennogo samoopredeleniya starsheklassnikov detskikh internatnykh uchrezhdenii: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. [Pedagogical conditions for the formation of life self-determination of high school students of children's boarding institutions: Abstract. diss. ... candidate of pedagogical Sciences]. Minsk, 2012. 28 p. (In Russ.).
3. Aron I.S. Gotovnost' k professional'nomu samoopredeleniyu podrostkov-sirot v kontekste ikh sotsial'noi situatsii razvitiya [Readiness for professional self-determination of orphaned adolescents in the context of their social situation of development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2018. Vol. 10, no. 1, pp. 8—19. DOI:10.17759/psyedu.2018100102 (In Russ.).
4. Baier A.A. Pedagogicheskaya sistema formirovaniya zhiznestoikosti detei-sirot sredstvami fizicheskoi kul'tury i sporta: Avtoref. diss. ... dokt. ped. nauk [Pedagogical system of formation of resilience of orphaned children by means of physical culture and sports: Abstract. diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences]. Moscow, 2013. 46 p. (In Russ.).

5. Berdnikova I.A. Emotsional'nyi intellekt kak prediktor psikhologicheskogo blagopoluchiya studentov: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Emotional intelligence as a predictor of psychological well-being of students: Abstract. diss. ... cand. psychological sciences]. Moscow, 2022. 48 p. (In Russ.).
6. Bobyleva I.A. Gotovnost' vospitannikov organizatsii dlya detei-sirot k samostoyatel'noi zhizni: podkhody k otsenke i organizatsii [Qualitative Research and Evidence-Based Practices in Psychology and Education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 117—127. DOI:10.17759/pse.2021260609 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Vasina E.A. Sotsial'nye umeniya lichnosti: diagnostika i podkhody k analizu [Social skills of personality: diagnostics and approaches to analysis] [Elektronnyi resurs]. *Interaktivnaya nauka [Interactive science]*, 2021, no. 2(57). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-umeniya-lichnosti-diagnostika-i-podhody-k-analizu> (Accessed 14.12.2022). (In Russ.).
8. Vdovenko V.V., Shchebetenko S.A., Starovitenko E.B. Ya v samopoznanii: russkoyazychnaya versiya Shkaly yasnosti Ya-kontseptsii [I am in self-knowledge: the Russian version of the Scale of clarity of the Self-concept] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2021. Vol. 14, no. 77, pp. 34. DOI:10.54359/ps.v14i77.157 (In Russ.).
9. Gol'dshteyn A.P. Model' sotsial'nogo povedeniya [Model of social behavior]. *Prakticheskaya psikhologiya i sotsial'naya rabota [Practical psychology and social work]*, 2003, no. 4, pp. 61—68.
10. Diagnosticheskii portfel' dlya otsenki stepeni gotovnosti vypusknikov iz zameshchayushchikh semei k samostoyatel'noi zhizni [Diagnostic portfolio for assessing the degree of readiness of graduates from substitute families for independent living] by ed. O.V. Ioninai. Tula: GU TO «Regional'nyi tsentr «Razvitiye» [GU TO «Regional Center «Development»], 2019. 93 p. (In Russ.).
11. Druzhinina A.A. Osnovnye napravleniya sotsial'no-pedagogicheskoi raboty po formirovaniyu samostoyatel'nosti detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [The main directions of socio-pedagogical work on the formation of the independence of orphans and children left without parental care]. *Gumanitarnye nauki. Problemy sotsializatsii molodezhi v sovremennom mire. Vestnik TGU [Humanities. Problems of socialization of youth in the modern world. Bulletin of TGU]*, 2015. Vol. 8(148), pp. 240—249. (In Russ.).
12. Isakova O.E. Deti-sirotiy: formirovanie kommunikativnoi kompetentnosti [Orphans: formation of communicative competence]. *Sotsial'naya pedagogika [Social pedagogy]*, 2010, no. 3, pp. 64—71. (In Russ.).
13. Larin A.N., Konopleva I.N. Sotsial'naya adaptatsiya detei, vospityvayushchikhsya v usloviyakh detskogo doma [Social adaptation of children brought up in orphanage] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2014. Vol. 6, no. 3, pp. 125—135. DOI:10.17759/psyedu.2014060313 (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Leus E.V., Solov'ev A.G., Sidorov P.I. Diagnostika deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh [Diagnostics of deviant behavior of minors] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik YuUrGGPU [The Bulletin of the YuUrGGPU]*, 2012, no. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnikh> (Accessed 06.12.2022). (In Russ.).
15. Lyusin D.V. Sovremennye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte [Modern ideas about emotional intelligence]. *Sotsial'nyi intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya [Social intelligence: Theory, measurement, research]* eds. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakova. Moscow: Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 2004. 176 p. (In Russ.).
16. Lyusin D.V., Ovsyannikova V.V. Svyaz' emotsional'nogo intellekta i lichnostnykh chert s nastroyeni-em [The connection of emotional intelligence and personality traits with mood]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE [Psychology. HSE Journal]*, 2015, no. 4, pp. 154—164. DOI:10.17323/1813-8918-2015-4-154-164 (In Russ.).
17. Mitrofanova E.S. Modeli vzrosleniya raznykh pokolenii rossiyan [Models of growing up of different generations of Russians]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 53—82. DOI:10.17323/demreview.v6i4.10427 (In Russ.).
18. Moiseeva T.A. Koping-povedenie detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei. Kak pomoch'? [Coping-behavior of children left without parental care. How can I help?] [Elektronnyi resurs]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauka i sotsium" [Materials of the All-Russian*

scientific and practical conference "Science and Society", 2019, no. 11—2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-povedenie-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley-kak-pomoch> (Accessed 14.12.2022). (In Russ.).

19. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture deyatel'nosti i samoregulyatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniya metodiki cope [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and possibilities of using the cope technique] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE [Psychology. HSE Journal]*, 2013, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-v-strukture-deyatelnosti-i-samoregulyatsii-psihometricheskie-kharakteristiki-i-vozmozhnosti-primeneniya-metodiki-cope> (Accessed 13.11.2022).

20. Odintsova M.A., Sorokova M.G. Koping-strategii i koping-stili podrostkov pri vrozhdennoi i priobretennoi invalidnosti (na primere DTsP, onkologii, revmaticheskikh zabolevaniy) [Coping strategies and coping styles of adolescents with congenital and acquired disabilities (cerebral palsy, oncology or rheumatic diseases diagnosis)] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2021. Vol. 10, no. 2, pp. 95—123. DOI:10.17759/cpse.2021100207 (In Russ., abstr. in Engl.).

21. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A brief version of the resilience test: psychometric characteristics and application in an organizational context]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya [Bulletin of the Moscow State University. un-ta. Ser. 14. Psychology]*, 2013, no. 2, pp. 147—165. (In Russ.).

22. Oslon V.N., Selenina E.V. Tekhnologiya postinternatnogo soprovozhdeniya vypusnikov organizatsii dlya detei-sirot v protsesse polucheniya professional'nogo obrazovaniya i pri pervichnom trudoustroistve [Technology of Post-Institutional Support to Exiters of State-Run Institutions for Orphans in the Process of Obtaining Professional Education and Primary Employment]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2018. Vol. 10, no. 3, pp. 70—83. DOI:10.17759/psyedu.2018100307 (In Russ., abstr. in Engl.).

23. Pol'skaya N.A., Razvalyaeva A.Yu. Razrabotka oprosnika emotsional'noi disregulyatsii [Development of the questionnaire of emotional dysregulation]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 4, pp. 71—93. DOI:10.17759/cpp.2017250406 (In Russ.).

24. Pol'shina M.A. Osobennosti formirovaniya koping-strategii u podrostkov-sirot, sklonnykh k konfliktnoi situatsii [Elektronnyi resurs] [Features of the formation of coping strategies in orphaned adolescents prone to conflict situations]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]*, 2019, no. 63—3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-koping-strategiy-u-podrostkov-sirot-sklonnykh-k-konfliktnoy-situatsii> (Accessed 14.12.2022). (In Russ.).

25. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttraumaticheskogo stressa [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. St. Petersburg: Peter, 2001. 272 p. (In Russ.).

26. Tkachenko N.S., Klimova O.I. K voprosu ob osobennostyakh koping-strategii povedeniya detei-sirot i detei, ostavshikh-sya bez popecheniya roditel'ei [On the question of the features of coping strategies of behavior of orphans and children left without parental care]. *Zametki Uchenogo [Notes of the Scientist]*, 2020, no. 10, pp. 463—468. (In Russ.).

27. Fisenko M.D. Emotsional'nyi intellekt uchitelei gorodskikh i sel'skikh shkol na primere Volgogradskoi oblasti [Emotional intelligence of teachers of urban and rural schools on the example of the Volgograd region]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]*, 2021, no. 11(113). DOI:10.23670/IRJ.2021.113.11.133 (In Russ.).

28. Chikalov N.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika gotovnosti k samostoyatel'noi zhizni vospitanikov internatnykh uchrezhdenii: opyt razbotki paketa metodik [Socio-psychological diagnostics of readiness for independent life of boarding school students: experience in developing a package of methods]. *Soprovozhdenie sirot: sovremennye vyzovy. Materialy mezhtselevoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (5—6 dekabrya 2013 g., g. Kaluga). Sost. I.A. Bobyleva [Support of orphans: modern challenges. Materials of the interregional scientific and practical conference (December 5-6, 2013, Kaluga), comp. I.A. Bobyleva]*. Moscow, 2014, pp. 173—179. (In Russ.).

29. Billari F.C., Liefvroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood. *Advances in Life Course Research*, 2010. Vol. 15, pp. 59—75. DOI:10.1016/j.alcr.2010.10.003
30. Boucher H.C. Self-knowledge defenses to self-threats. *Journal of Research in Personality*, 2011, no. 45(2), pp. 165—174. DOI:10.1016/j.jrp.2010.12.006
31. Campbell J.D. Self-Esteem and Clarity of the Self-Concept. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, no. 59(3), pp. 538—549. DOI:10.1037/0022-3514.59.3.538
32. Campbell J.D., Trapnell P.D., Heine S.J., Katz I.M., Lavallee L.F., Lehman D.R. Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, no. 70(1), pp. 141—156. DOI:10.1037/0022-3514.70.1.141
33. Donahue E.M., Robins R.W., Roberts B.W., John O.P. The divided self: Concurrent and longitudinal effects of psychological adjustment and social roles on self-concept differentiation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, no. 64(5), pp. 834—846. DOI:10.1037/0022-3514.64.5.834
34. Foa E.B., Johnson K.M., Feeny N.C., Treadwell K.R. The child PTSD Symptom Scale: a preliminary examination of its psychometric properties. *Journal of clinical child psychology*, 2001. Vol. 30, no. 3, pp. 376—384. DOI:10.1207/S15374424JCCP3003_9
35. Landau M.J., Greenberg J., Sullivan D., Routledge C., Arndt J. The protective identity: Evidence that mortality salience heightens the clarity and coherence of the self-concept. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009, no. 45(4), pp. 796—807. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.013
36. Lavine P. In Unspoken Voice: How THE Body Releases Trauma AND Restores Goodness. *North Atlantic Books*, 2012. 384 p.
37. Spinazzola J., van der Kolk B., Ford J.D. When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder. *Journal of traumatic stress*, 2018. Vol. 31, no. 5, pp. 631—642. DOI:10.1002/jts.22320
38. Sulimani-Aidan Y., Benbenishty R., Dinisman T., Zeira A. Care Leavers in Israel: What Contributes to Better Adjustment to Life After Care? *Journal of Social Service Research*, 2013. Vol. 39, no. 5, pp. 704—718. DOI:10.1080/01488376.2013.834283

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD of Psychological Sciences, Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhovaya, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhovoya, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsema@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

Получена 21.11.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 21.11.2022

Accepted 15.12.2022

БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТСТВА
CHILDHOOD WELL-BEING

Особенности насилия в сиблинговых отношениях: сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций

Жмурин И.Е.

НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций»
(НОЧУ ВО МУППИ), г. Москва, Российская Федерация
ФГБОУ ВО «Московский государственный областной педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Мытищи, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2469-4663>, e-mail: raketa302@mail.ru

Корнейчик И.В.

НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций»
(НОЧУ ВО МУППИ), г. Москва, Российская Федерация
ФГБОУ ВО «Московский государственный областной педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Мытищи, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5988-8591>, e-mail: iv.korneichik@mgou.ru

В статье представлены результаты качественного анализа научных публикаций по проблеме насилия в сиблинговых отношениях на отечественной и иностранных информационных платформах. Показано, что проблема насилия в сиблинговых отношениях исследуется около 100 лет и имеет богатую историю и широкое пространство изучения. К сожалению, среди научных публикаций по рассматриваемой проблеме недостаточное количество отечественных исследований. Полученные данные позволили выделить направления изучения проблемы и провести качественный сравнительный анализ текстового материала, включающего названия статей, их аннотации и текст статей открытого доступа. В исследовании выделены следующие основные направления рассмотрения насилия среди сиблингов: характеристики насилия (личностные характеристики сиблингов и их отношений); формы насилия (физическое, сексуальное, психологическое и др.); последствия насилия для здоровья сиблингов (диапазон от ушибов, укусов до смертельных исходов); методы психологической помощи и диагностика насилия (методы помощи, диагностические средства и их чувствительность к изучению проблемы); факторы насилия среди сиблингов (биологические, психологические, социальные и др.); межпоколенческая передача насилия в семье (механизмы передачи и особенности проявления); влияние насилия среди сиблингов на отношения к другим (социальное пространство сиблингов). В качестве специальных тем исследования насилия среди сиблингов выделены: преступления между сиблингами; насилие среди сиблингов в период пандемии; безобидность восприятия насилия среди сиблингов; насилие среди сиблингов в кино; религиозные аспекты насилия сиблингов. Сравнительный анализ позволил установить доминирующие проблемы и их взаимосвязь, а также место насилия в сиблинговых отношениях в развитии их личности, семейном пространстве, в личной жизни, а также в отношениях с социальным окружением.

Ключевые слова: насилие, сиблинги, сиблинговые отношения, семья, качественный анализ.

Для цитаты: Жмурин И.Е., Корнейчик И.В. Особенности насилия в сиблинговых отношениях: сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 90—106. DOI:10.17759/ssc.2022030206

Features of Violence in Sibling Relations: a Comparative Analysis of Domestic and Foreign Publications

Igor E. Zhmurin

International University of Psychological and Pedagogical Innovations, Moscow, Russia
Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishchi, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2469-4663>, e-mail: raketa302@mail.ru

Irina V. Korneichik

International University of Psychological and Pedagogical Innovations, Moscow, Russia
Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishchi, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5988-8591>, e-mail: iv.korneichik@mgou.ru

The article presents the results of a qualitative analysis of scientific publications on the problem of violence in sibling relations on domestic and foreign information platforms. It is shown that the problem of violence in sibling relationships has been studied for about 100 years and has a rich history and a wide study space. Unfortunately, among the scientific publications on the problem under consideration, there is an insufficient number of domestic studies. The data obtained made it possible to identify areas of study of the problem and conduct a qualitative comparative analysis of the text material, including the names of articles, their annotations and the text of open access articles. The study identifies the following main areas of consideration of violence among siblings: characteristics of violence (personal characteristics of siblings and their relationships); forms of violence (physical, sexual, psychological, etc.); the health effects of violence on siblings (ranging from bruises, bites to death); methods of psychological assistance and diagnosis of violence (methods of assistance, diagnostic tools and their sensitivity to the study of the problem); factors of violence among siblings (biological, psychological, social, etc.); intergenerational transmission of domestic violence (mechanisms of transmission and features of manifestation), the influence of violence among siblings on relations with others (social space of siblings). As special topics for the study of violence among siblings, the following are highlighted: crimes between siblings; sibling violence during the pandemic; the innocuous perception of violence among siblings; violence among siblings in movies; religious aspects of Sibling violence. Comparative analysis made it possible to establish the dominant problems and their interrelation, as well as the place of violence in sibling relationships in the development of their personality, family space, in personal life, as well as in relations with the social environment.

Keywords: violence, siblings, sibling relations, family, qualitative analysis.

For citation: Zhmurin I.E., Korneichik I.V. Features of violence in sibling relations: a comparative analysis of domestic and foreign publications. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 90—106. DOI:10.17759/ssc.2022030206 (In Russ.).

Введение

Постановка проблемы. По данным отечественных специалистов, среди всего объема внутрисемейного насилия жестокое обращение с детьми занимает 22 %, насилие в sibлинговых отношениях — 9 % [1], а зарубежные специалисты отмечают, что 30—80 % детей, подростков и юношей в возрасте 3—17 лет сообщают о физическом насилии со стороны брата/сестры от одного раза в течение жизни [11] до 7—12 случаев насилия в течение 1 часа домашних наблюдений [16].

Однако исследователи отмечают, что истинное количество насилий между братьями и сестрами достаточно сильно искажается в официальных отчетах служб защиты детей и полиции. Так, R. Alaggia, D. Collin-Vézina, R. Lateef заявляют о 30-кратном превышении насилия среди sibлингов в исследованиях, основанных на самоотчетах в 1980-2008 гг., по сравнению с официальными отчетами [5].

Причинами трансформации данных, по мнению специалистов, являются следующие: а) большинство подвергшихся насилию раскрывает эти факты гораздо позже, в зрелом возрасте или вообще не сообщает [5], а эта задержка информации вызывает рост негативных последствий для жертвы, проблемы психического здоровья жертвы и родственников, необнаружение преступников и увеличение их жертв; б) факторами, затрудняющими установление границ проявления насилия, выступают различия в правовых и концептуальных определениях этого термина в разных странах, что предполагает и культуральные, и исторические различия; в) слабая чувствительность разработанных диагностических средств, основанных на прямых отчетах о насилии или ретроспективных отчетах насилия в детстве, а также недостаточное исследование восприятия насилия в семье [16].

История вопроса. Насилие выделено в 1996 году на 49-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в ходе обсуждения Резолюции WHA49.25, объявившей насилие важнейшей, обостряющейся проблемой мирового здоровья и системы здравоохранения. В рамках семьи этому насилию подвержены все члены семьи с более сильным проявлением в отношении женщин, девочек.

В рамках последующего за этим осмысления исследований были определены доминирующие факторы насилия в семье, включающие психические расстройства и посттравматические стрессовые расстройства, употребление алкоголя и наркотиков, а также дополнительные факторы: биологические (возраст родителей, рождение близнецов, беременность, преждевременные роды, рождение детей с аномалией); негативные отношения (интимный партнер, отец, мать, sibлинги); травма в прошлом и стрессоры (потеря работы, проблемы с финансами и жильем). В отдельную группу выделены социальные детерминанты здоровья, включающие культурные (этнос, социальные ценности и установки) и организационные факторы (законодательство и политика) [27], которые учитывают уровень развития страны и особенности культуры, задающие уникальные формы насилия среди членов семьи.

По признанию специалистов, представленные выше закономерности и выводы устарели и не учитывают множество исследований, проведенных за последние годы, а диагностические средства не проявляют чувствительности к новым процессам в семье и особенностям проявления насилия в ее пространстве [5].

Программа исследования

Этапы исследования. Исследование проводилось в период с декабря 2021 года по февраль 2022 года и реализовано в три этапа. Первый этап включил определение цели,

задач исследования и выбор информационных платформ для анализа публикаций. Вторым этапом предполагал отбор научных статей по ключевым словам с использованием системы фильтров выбранных платформ, а также качественный анализ названий и аннотаций отобранных публикаций. На третьем этапе проведен анализ данных, полученных в результате качественного исследования, и сформулированы его выводы.

Системный поиск научных статей по проблеме насилия в сиблинговых отношениях проведен в следующих информационных базах:

- научная электронная библиотека eLIBRARY.ru (основана в 1999 г., более 7800000 публикаций, более 15000 научных журналов);
- онлайн информационная платформа научных исследований SpringerLink (основана в 1842 г., создана как онлайн-платформа в 1996 г., включает более 5000000 статей в 3300 научных журналах);
- информационная платформа книжного издательства Taylor & Francis Group (1852 г., 4721000 статей, 2400 научных журналов);
- информационная платформа независимой издательской компании SAGE Publishing (ранее SAGE Publications, 1965 г., более 1000000 статей, 1116 научных журналов);
- текстовая база данных медицинских и биологических публикаций PubMed (Национальная медицинская библиотека США, 1996 г., более 33000000 статей, 5285 научных журналов).

Это информационное пространство обеспечило доступ к наиболее полной мировой базе научных публикаций по рассматриваемой проблеме.

Методы исследования

В качестве методов исследования были использованы:

- *система поиска публикаций по заданному тексту*, реализованная на каждой из выбранных информационных платформ. Для выделения научных статей по проблеме насилия среди сиблингов были определены иерархии ключевых слов на русском и английском языках, которые выступили критериями отбора и были последовательно использованы в системе фильтров каждой из платформ:
 1. «насилие» («violence») / «жестокое обращение» (abuse);
 2. «семейное насилие» / «насилие в семье» / «домашнее насилие» («family violence» / «domestic violence»);
 3. «сиблинг/сиблинги» / «брат, сестра/братья, сестры» («siblings» / «brothers and sisters»).

Иерархический отбор предполагал рассмотрение в рамках насилия его проявления в семье как самостоятельной социальной группе, а затем проявления насилия в рамках сиблинговых отношений, которые включены в структуру семейных отношений.

- *качественный анализ названий, содержания аннотаций и текста статей* (для статей открытого доступа), основанный на фенологическом анализе и реализованный с использованием *техники последовательной конденсации смыслов* [2]. Техника включает выделение из текста естественных смысловых единиц (слова, словосочетания), которые связаны с темой исследования и позволяют распознать авторский взгляд на проблему и смысл текста. В процессе анализа названия статей и текста их аннотаций авторы статьи выделяли в качестве естественных смысловых единиц следующие базовые слова и словосочетания: брат, сестра, братья, сестры, сиблинг, сиблинги, сиблинговые отношения, отношения между сиблингами, насилие (агрессия) между

сиблингами (братьями и сестрами) и т.п. Техника обеспечила выделение тематических направлений изучения насилия в сиблинговых отношениях, которым посвящены статьи.

Следует отметить, что качественный анализ позволил после 3-х этапов применения фильтров исключить из общего массива публикаций статьи, в которых:

- представлено изменение сиблинговых отношений по причине насилия в отношении одного из них со стороны родителя (родственника);
- упомянуто насилие от семейного окружения, но не детализировано насилие от сиблинга (сиблингов);
- презентованы аннотации книг, отзывы или рецензии на них, статьи редакции журналов;
- содержатся повторные варианты уже выделенных статей по рассматриваемой проблеме и статей без аннотаций.

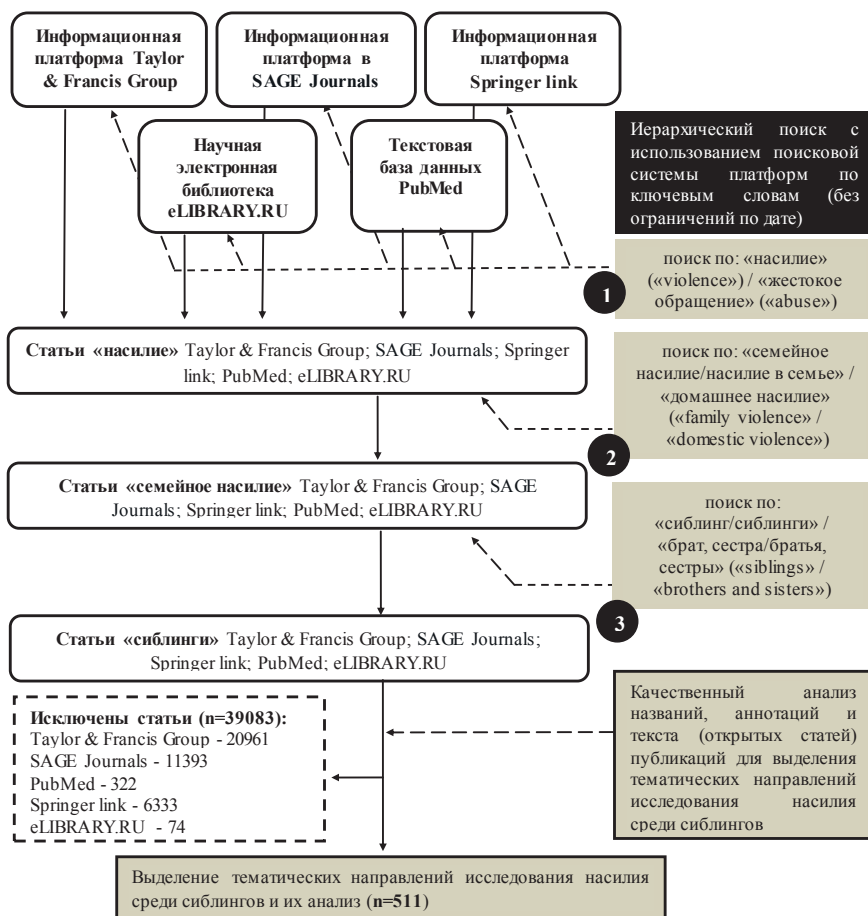

Рис. 1. Схема проведения исследования насилия в сиблинговых отношениях в научных публикациях

Целью исследования выступило определение основных научных проблем и направлений, рассматриваемых в публикациях о проявлении насилия между сиблингами.

Гипотеза исследования (применительно к качественной методологии — исследовательский вопрос) — предположение о том, что содержание и проблемы развития сиблинговых отношений в рамках семьи имеют значимое влияние на развитие личности человека и отражаются на всем протяжении жизни семьи, вплетаясь в различные сферы отношений сиблингов.

Процедура проведения исследования включала три этапа проведения иерархического отбора статей по проблеме насилия среди сиблингов с использованием системы фильтров платформ и качественный анализ текста названий, аннотаций и содержания (для статей открытого доступа) научных публикаций (см. рис. 1).

Результаты исследования

Результаты отбора статей на всех этапах работы с использованием фильтров по ключевым словам на каждой из платформ представлены на рис. 2. Соотношение статей представлено в процентной доле по отношению к предыдущему этапу отбора (генеральной совокупности статей), что позволяет оценить распространение статей о насилии среди сиблингов в пространстве публикаций о семейном насилии, а также насколько насилие в рамках семьи представлено в статьях, посвященных теме насилия.

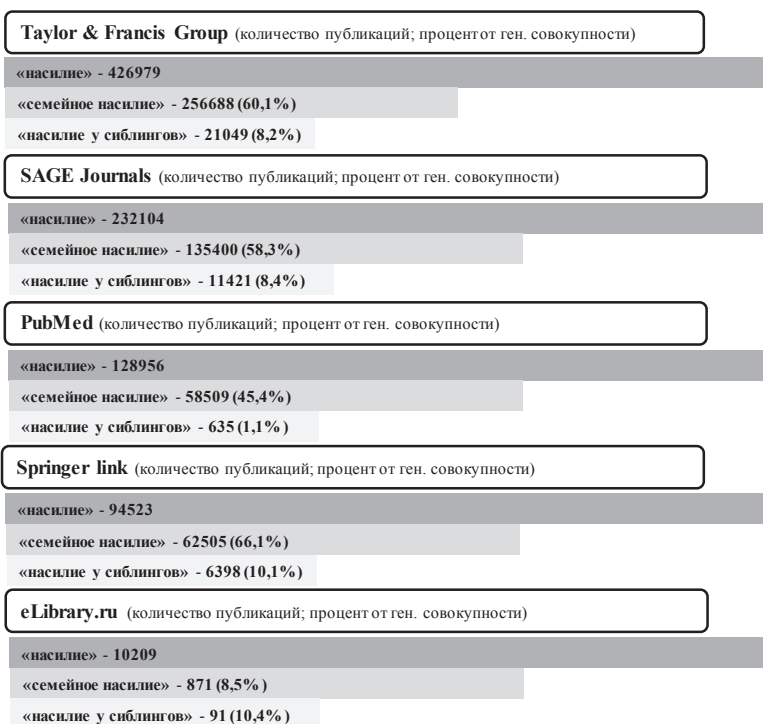

Рис. 2. Результаты отбора статей по ключевым словам с использованием системы фильтров на каждой информационной платформе

Результатом трехэтапного автоматического отбора статей выступила совокупность 39594 научных публикаций. Из них 53,2 % статей размещены на платформе Taylor & Francis Group и 28,8 % — на платформе SAGE Journals.

Среди наиболее цитируемых журналов по насилию среди сиблингов на платформе Taylor & Francis Group выступают: The Psychoanalytic Quarterly; The Psychoanalytic Study of the Child; Journal of School Violence; Terrorism and Political Violence; Journal of Child & Adolescent Trauma; Journal of Elder Abuse & Neglect; Journal of Child Sexual Abuse; Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma.

На платформе SAGE Journals наиболее масштабно проблема насилия среди сиблингов овящена в журналах: Child Maltreatment; Journal of Interpersonal Violence; Trauma, Violence, & Abuse; Violence Against Women; Youth Violence and Juvenile Justice; Sexual Abuse.

Качественный анализ названий, аннотаций и текста (для открытых статей) 39594 публикаций по критериям анализа (изложены в разделе «методы и методики исследования») позволил выделить 511 статей по проблемам насилия в сиблинговых отношениях и классифицировать их по 7 основным и 5 специальным тематическим узлам (см. таблицу). Значительное количество статей (n=39083, 98,7 %), исключенных в результате качественного анализа, подтвердило возможности применения техники последовательной конденсации смысла для более глубокого распознавания смысла в тексте статей и явные преимущества перед автоматическим отбором статей с использованием системы фильтров платформ. Вместе с тем автоматический отбор обеспечивает определение границ поиска и сокращение времени обработки материала.

Таблица

Распределение публикаций по тематическим направлениям по информационным платформам

Тематические узлы (количество, % от общего количества)	Taylor & Francis Group	SAGE Journals	PubMed	Springer link	eLibrary.ru
характеристики насилия (n=176, 34,4 %)	40	10	98	22	6
формы насилия (n=114, 22,3 %)	25	6	60	19	4
последствия насилия для здоровья сиблингов (n=62, 12,1 %)	9	2	47	4	-
методы психологической помощи и диагностика насилия (n=48, 9,4 %)	6	2	35	3	2
факторы насилия среди сиблингов (n=31, 6,1 %)	1	-	23	4	3
межпоколенческая передача насилия в семье (n=26, 5,1 %)	1	-	21	3	1
влияние насилия среди сиблингов на отношения к другим (n=22, 4,3 %)	1	-	16	5	-
<i>специальные темы:</i>					
преступления между сиблингами (n=20, 3,9 %)	3	4	9	3	1
насилие среди сиблингов в период пандемии (n=3, 0,6 %)	-	-	2	1	-
безобидность восприятия насилия среди сиблингов (n=2, 0,4 %)	-	-	2	-	-

Тематические узлы (количество, % от общего количества)	Taylor & Francis Group	SAGE Journals	PubMed	Springer link	eLibrary.ru
насилие среди сиблингов в кино (n=2, 0,4 %)	2	-	-	-	-
религиозные аспекты насилия сиблингов (n=5, 1 %)	-	4	-	1	-
статьи для анализа (n=511):	88 (17,2 %)	28 (5,5 %)	313 (61,3 %)	65 (12,7 %)	17 (3,3 %)

Среди 511 выделенных статей по проблемам насилия среди сиблингов первыми публикациями, рассматривающими или упоминающими освещаемую тематику, выступили (статьи расположены в хронологии):

- на SAGE Publishing — Van Waters M. (1924) Преступное отношение: исследование преступности несовершеннолетних с точки зрения человеческих отношений. *The Family*, 5 (5), pp. 109—113. DOI:10.1177/104438942400500502;
- на Taylor & Francis Group — Ruth E. Smalley (1930) II. Влияние различий в возрасте, поле и интеллекте на отношение братьев и сестер друг к другу, *Smith College Studies in Social Work*, 1: 1, p. 23—40. DOI:10.1080/00377313009512726; Bertha M. Ross. (1931) Некоторые черты, связанные с ревностью к братьям и сестрам у проблемных детей. *Smith College Studies in Social Work*, 1: 4, pp. 364—376;
- на PubMed — Bhattacharyya A.K., Mandal J.N. (1967) Синдром избитого ребенка: обзор с отчетом о двух братьях и сестрах. *Indian pediatrics*, 4(4), pp. 186—194;
- на Springer Link — Campbell M., Hersh S.P. (1971) Наблюдения за превратностями агрессии у двух братьев и сестер. *J Autism Dev Disord*, 1, pp. 398—410. DOI:10.1007/BF01540531.

Обсуждение результатов

Результаты иерархического поиска статей по насилию в сиблинговых отношениях позволяют отметить, что насилию в семье посвящено более половины публикаций на платформах Taylor & Francis Group, SpringerLink, SAGE Publishing и около половины на платформе PubMed. Эти данные отражают доминирующее значение семейного пространства в построении первых отношений в жизни человека. Вместе с тем при рассмотрении структуры семейных отношений, безусловно, реже всего насилие будет рассмотрено в сиблинговых отношениях, которые представлены в меньшем количестве семей по сравнению с родительско-детскими и тем более супружескими отношениями. Эти закономерности предполагают, что сиблинговые отношения выступают не только более отсроченными отношениями по своему построению, но и более наполненными уже существующими проблемами семьи, в пространстве которой они возникают и развиваются.

Сиблинговые отношения, по мнению Д. Винникотта [3], требуют значительного внимания, так как в жизненной перспективе социальные взаимодействия со сверстниками и ровесниками при построении любовных и профессиональных отношений более востребованы и продолжительны. Дж. Митчелл считает, что опыт сиблинговых отношений является фундаментом последующего отношения со сверстниками, а К. Леви-Стросс определяет эти отношения «атомом родства» [3]. Именно эти основания подчеркивают особенности проявления насилия в отношениях сиблингов.

Качественный анализ названий, аннотаций и текста 511 статей позволил установить, что более всего исследованы *характеристики личности сиблингов, проявляющих насилие в своих отношениях* ($n=176$, 34,4 %), а свыше половины таких статей ($n=98$, 55,7 %) размещены на платформе PubMed. Статьи, включенные в этот тематический узел, раскрывают особенности насилия между сиблингами, которые имеют брата или сестру с ЛГБТ-ориентацией, аутизмом, наркотической зависимостью, гиперактивностью, глухотой, онкологией и другими проблемами, а также исследовано насилие среди сиблингов в приемных семьях, между старшими и младшими, усыновленными и родными и др.

В этих статьях на примерах сравнительного анализа выделяются личностные характеристики и особенности статуса сиблингов, определяющие насилие или жестокое обращение среди братьев и сестер. Так, Р. Джейкобсон, Г. Стрейкер анализируют такие характеристики детей, как: пол, возраст и порядок рождения, врожденные дефекты и темперамент детей, их интеллект и особенности развития личности [17]. Такое рассмотрение основано на личностном подходе, который подчеркивает доминирующее значение личности каждого из сиблингов в построении отношений, а также необходимость исследования различных сочетаний личностных характеристик сиблингов и установление новых критериев их анализа для изменения существующих и разработки новых подходов к снижению насилия, агрессии во взаимодействии между братьями и сестрами.

Изучение форм насилия и их особенности занимают достаточный объем ($n=114$, 22,3 %) среди выделенных научных публикаций и показывают границы проявления насилия среди сиблингов, дают информацию об особенностях его проявления в различных формах отношений. Значительный сегмент ($n=49$, 43,0 %) представлен исследованиями о сексуальном насилии среди сиблингов, 11 (22,4 %) из них связывают сексуальное насилие с проявлением агрессии. Второе место среди форм насилия занимает физическое насилие ($n=17$, 14,9 %), которое представлено через драки, нанесение побоев, укусы, выкручивание рук, поджоги волос, уколы острыми предметами и др. Следует отметить, что достаточно часто исследованы такие формы насилия, как: нанесение ожогов; вербальная агрессия; эмоциональное унижение; замечания от сиблинга; конфликтное поведение. Насилие в 55 статьях (48,2 %) представлено в смешанной форме с доминирующим включением сексуального насилия и унижения.

Такой широкий набор форм насилия в пространстве сиблинговых отношений Дж. Митчелл связывает с изменением мира ребенка при рождении другого ребенка в семье и его попытками построить новый мир с братом/сестрой [24]. Модель этого мира всегда будет наполнена его переживаниями о новом младенце в его семье, который может быть его «заменой» для родителей и как бы «крадет его место» или разделяет его навсегда [3; 24]. Естественно, что эти переживания не закономерны, но возможны, и ответственность родителей за построение родительско-детских отношений с первым ребенком может быть наполнена напряжениями в собственных отношениях и распространиться на будущие сиблинговые отношения, вызывая борьбу первого ребенка с сиблингом за себя.

Доминирующее место сексуального насилия связывают с психологическими особенностями развития ребенка и проигрыванием им определенных ролей, но эта игра, по мнению М. Кляйн, может быть наполнена негативными переживаниями, направленными на родителя, и реализована в отношениях с сиблингом. В статьях сексуальное насилие над сиблингом связывают: по мнению J.R. Worling, со значительным количеством разногласий в семье, неприятием ребенка родителями, жесткой системой запретов и негативной атмосферой в семье [33]; H.L. MacMillan, M. Tanaka, E. Duku, T. Vaillancourt

и М.Н. Boyle в сравнительном исследовании мужчин и женщин отмечают обусловленность сексуального насилия среди сиблингов значительным физическим насилием в семье над детьми (33,7 %), при более серьезном сексуальном насилии над девочками (22,1 %), чем над мальчиками (8,3 %), а в выводах авторы заключают, что подверженность детей физическому и сексуальному насилию выступает фактором физического и сексуального насилия с сиблингом и в будущих отношениях [22]; L.I. Ascherman и E.J. Safier считают, что сексуальное насилие между братьями и сестрами достаточно редко исследовано и требует детального рассмотрения сложности индивидуальной и семейной динамики, ведущей к насилию, а также осторожности при обобщении закономерностей в семьях с сексуальным насилием между сиблингами [6]. Среди форм насилия А.-Ch. Münger и А.-М. Markström обращают внимание на достаточно редкий элемент насилия, это наблюдение за ним во время его совершения, обозначаемое авторами как малозаметное и слабо изученное, но приводящее к негативным психологическим, социальным и когнитивным последствиям [25].

Изучение *последствий насилия между сиблингами для их здоровья* (n=62, 12,1 %) включает рассмотрение: полученных травм (n=11, 17,7 %) и психических расстройств (n=7, 11,3 %); убийства сиблинга, совершившего насилие (n=5, 8,1 %), и полученного стрессового расстройства (n=5, 8,1 %), а также проблем при лечении пострадавшего (n=4, 6,5 %) и последующего суицида (n=4, 6,5 %). Влияние на уровень физического и психического здоровья сиблингов насилия над ними со стороны родителей, братьев и сестер, по мнению W.C. Holmes, может быть обусловлено низким уровнем заботы со стороны родителей, которые не определили четких границ в отношениях, что ослабило обратную связь со стороны братьев и сестер [14]. Вместе с тем D. Finkelhor, R.K. Ormrod, H.A. Turner, S.L. Hamby считают, что не только само насилие, но и его частота, т.е. количество событий, выступает мощным фактором, воздействующим на здоровье. Авторы отмечают, что количество насильственных действий оказывает влияние на изменчивость симптомов психических нарушений в большей степени, чем конкретные типы или категории насилия [10]. Крайним влиянием насилия на здоровье сиблинга выступает его смерть, это вызывает пристальное внимание со стороны судебных и правоохранительных органов, и, по мнению О.А. Дмитриевой, Т.М. Федченко, А.С. Аветисян, Т.А. Даниляк [1], N. Romain, K. Michaud, B. Horisberger, C. Brandt-Casadevall, T. Krompecher, P. Mangin [29], эти действия, как правило, развиваются по двум сценариям: в первом — родитель/сиблинг убивает родных и совершает самоубийство; второй включает насилие, заканчивающееся смертельным исходом.

С рассматриваемой проблемой связаны и упоминаются совместно в ряде статей *преступления между сиблингами* (n=20, 3,9 %). Этот тематический узел выделен авторами в специальные проблемы на основании того, что, как правило, статьи размещены в журналах юридической или правовой тематики, а авторы статей представляют данные, полученные правовыми, судебно-медицинскими, правозащитными организациями. Достаточно часто насильственные действия в семье классифицируются как насильственные преступления. По данным исследования Т. Frisell, P. Lichtenstein, N. Långström, проводившим его в Швеции в 1973-2004 гг., среди 12500000 человек определена сильная семейная агрегация насилия среди родственников первой степени родства, насилие между сиблингами превышало насилие среди дальних родственников (двоюродных братьев и сестер) в 2,3 раза. По мнению авторов, риски насильственных преступлений более выражены у женщин с более высоким социально-экономическим положением, а также

у сиблингов с опытом насилия в раннем возрасте. Частично доминирующее влияние качества сиблинговых отношений на риск совершения ими впоследствии насильственного преступления подтверждают L.S. Kurniawan, L. Aryani, G.N. Chandra, T. Mahadewa, C. Ryalino, отмечающие, что сиблинги после родителей наиболее частые виновники насилия, а те, кто пережил его, в 3,5 раза чаще становятся преступниками [20]. В качестве специфических выделены преступления в виде поджога родным братом/сестрой имущества сиблинга [13].

Безусловный интерес представляют статьи, описывающие *методы диагностики и психологической помощи жертвам насилия* (n=48, 9,4 %). Н. Foster, J. Brooks-Gunn выделяют 4 базовых направления исследования насилия: 1) подверженность физическому насилию (жестокое обращение с детьми, супружескому и общественному); 2) многоуровневые связи и причины насилия (характеристики социальной и географической среды неблагополучия; особенности семьи и факторы стресса в ней); 3) последствия насилия (проблемы психического здоровья, реализации социальных ролей, результаты обучения); 4) междисциплинарные посредники и модераторы влияния насилия (факторы школы, социальной среды, индивидуальные ресурсы) [9; 12]. Эти направления, применяя для исследования насилия среди сиблингов, авторы дополняют изучением вклада, модификаций, нелинейности и времени воздействий каждого из факторов, провоцирующих насилие.

Пространство семьи выступает наиболее частым для проявления жестокого обращения с детьми, а сиблинговые отношения — самым закрытым пространством для исследования [9; 18], и важно знать, как психологи, психотерапевты воспринимают и переживают насилие в сиблинговых отношениях. По данным С. Katz, D. Tener, O.Y. Sharabi, специалисты отметили, что при обсуждении насилия сиблингами следует выделить три базовые темы: 1) отношения в детстве и взрослой жизни (упоминание жестокого обращения со стороны сиблинга; 2) динамика сиблинга во время раскрытия (секретность в семье и роль сиблингов в ее поддержании; раскрытие старшими сиблингами информации для спасения младших); 3) особенности вмешательств в отношения сиблингов [18]. Наиболее определенно и детально среди психотерапевтических подходов описано использование психоаналитической парадигмы в решении родительско-детских и сиблинговых проблем [4; 25; 28], а остальные подходы не удалось классифицировать и распознать.

В статьях авторы отмечают необходимость подготовки специалистов психологической помощи по изучению особенностей развития сиблинговых отношений, психодиагностики и анализа информации о проявлении насилия в их отношениях, что реализовано в разработке специальных диагностических средств (опросник насильственных переживаний [19], инструмент краткого скрининга для оценки агрессии между братьями и сестрами для медицинских работников и психотерапевтов [15], шкала негативных семейных взаимодействий: мера родительской и сиблинговой агрессии [30], шкала «Хронология жестокого обращения и надругательств» (MACE) для ретроспективной оценки жестокого обращения и пренебрежения во время развития [32] и др.), используемых в консультативной и психотерапевтической практике, а также рассмотрено соотношение насилия в сиблинговых отношениях с критериями классификации психических расстройств DSM-5 [8].

При рассмотрении проблем психодиагностики насилия в сиблинговых отношениях уже рассмотрены отдельные факторы, обуславливающие проявление насилия, но выделение статей, концентрированно изучающих факторы насилия между сиблингами (n=31, 6,1 %), позволяет определить среди них следующие группы: географические или

территориальные, связанные с развитием, жилищными условиями, плотностью населения [23]; культурные, определяющие процессы представления сиблингов о физических и психических проблемах, отношения между сиблингами, их самооценку [21]; семейные, включающие широкий круг обстоятельств: предшествующее насилие в отношении сиблинга со стороны родителей или членов его семьи; история родителя с переживаниями насилия, в том числе и насилия со стороны интимного партнера; конфликтные или нарушенные отношения родителей; наличие отчима; социальная изоляция сиблингов или хроническое психическое/физическое заболевание [7] и др.

Выделение среди перечисленных факторов межпоколенческой передачи насилия в семье ($n=26, 5,1\%$) в отдельную группу отражает существенные связи между построением отношений супругами, имеющими собственные, часто несовпадающие образы семьи, и последующими отношениями с детьми и между ними. Существующее динамическое взаимодействие между указанными отношениями в рамках одного поколения оказывает значимое влияние на распространение паттернов поведения в последующих поколениях [26], а также интернализацию/экстернализацию проблем поведения и рост риска распространения насилия в других видах отношений (свидания с партнером, групповое насилие) [31]. Последняя тенденция, связанная с распространением насилия в отношениях сиблингов на насилие в других отношениях ($n=22, 4,3\%$), позволяет определить социальное пространство взаимодействия конкретного сиблинга и оценить масштаб возможного проявления насилия или других нарушений его личности. Такое распространение насилия K.J. Perry, J.M. Ostrov, S. Shisler называют каскадным воздействием, вызывающим реактивную агрессию, проявляющуюся импульсивными и ответными агрессивными действиями в следующих формах: реактивная реляционная агрессия, включающая намерения в причинении вреда через отношения или угрозу их разрыва; реактивная физическая агрессия, объединяющая намерения причинить вред физическими действиями или угрозой их реализации [26].

Заключение

Анализ научных публикаций на базовых информационных платформах по проблеме насилия в сиблинговых отношениях позволил установить актуальные результаты накопленного потенциала отечественных и зарубежных исследований данной проблемы, а также определить: направления изучения насилия в семейном пространстве, их разработанность и взаимосвязь; проблемы диагностики насилия и ее чувствительность к его новым проявлениям; сложность и уникальность распознавания насилия в сиблинговых отношениях; историю и актуальное состояние группы факторов, влияющих на развитие насилия среди сиблингов; новые формы насилия среди сиблингов и их вес в общем насилии в семье; следы насилия в сиблинговых отношениях в других социальных пространствах и жизни этих сиблингов.

Качественная методология исследования показала свою эффективность в процессе концептуализации фокуса исследуемой проблемы в процессе применения поисковых систем информационных платформ и детализации темы исследования.

Для теории и практики исследования насилия в сиблинговых отношениях и в семье в целом результаты исследования позволяют расширить представление о содержании насилия и факторах, обуславливающих его проявление в деятельности семьи как социальной группы, а также окажут помощь профессионалам в области психологической помощи в раскрытии информации о насилии и коррекции программ подготовки специа-

листов, а также понимания фокуса проблемы и возможностей конкретных методов оказания помощи обратившимся за ней или оформления ее предложения.

Исследовательский материал создает актуальное пространство научных результатов с возможной на данный момент детализацией изучаемой проблемы и позволяет закрепить отдельные детали этой проблемы, которые могут быть изучены и уточнены в последующих исследованиях.

Литература

1. Дмитриева О.А., Федченко Т.М., Аветисян А.С., Даниляк Т.А. Медико-юридические аспекты внутрисемейного насилия // Тихоокеанский медицинский журнал, 2010, № 1. С. 85—88.
2. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
3. Митчелл Дж. Скрытая жизнь братьев и сестер: Угрозы и травмы / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2020. 343 с.
4. Abramovitch H. The Neglect of Siblings in Depth Psychology // The San Francisco Jung Institute Library Journal. 2005. Vol. 24: 2. P. 17—30. DOI:10.1525/jung.1.2005.24.2.17
5. Alaggia R., Collin-Vézina D., Lateef R. Facilitators and Barriers to Child Sexual Abuse (CSA) Disclosures: A Research Update (2000—2016) // Trauma, Violence, & Abuse. 2019. Vol. 20(2). P. 260—283. DOI:10.1177/1524838017697312
6. Ascherman L.I., Safier E.J. Sibling incest: a consequence of individual and family dysfunction // Bulletin of the Menninger Clinic. 1990. № 54(3). P. 311—322.
7. Bensussan P. Aliénation parentale, abus psychologique de l'enfant et DSM-5 // L'Encephale. 2017. Vol. 43(6). P. 510—515. DOI:10.1016/j.encep.2017.08.003
8. Fakunmoju S.B., Bammeke F.O. Development of Perception of Child Maltreatment Scale: Reliability and Validity Analyses // SAGE Open. 2013. № 2(3). DOI:10.1177/2158244013490703
9. Finkelhor D., Ormrod R.K., Turner H.A., Hamby S.L. Measuring poly-victimization using the Juvenile Victimization Questionnaire // Child abuse & neglect. 2005. Vol. 29(11). P. 1297—1312. DOI:10.1016/j.chiabu.2005.06.005
10. Finkelhor D., Turner H.A., Shattuck A., Hamby S.L. Prevalence of Childhood Exposure to Violence, Crime, and Abuse: Results From the National Survey of Children's Exposure to Violence // JAMA pediatrics. 2015. Vol. 169(8). P. 746—754.
11. Foster H., Brooks-Gunn J. Toward a Stress Process Model of Children's Exposure to Physical Family and Community Violence // Clin Child Fam Psychol. 2009. № 12. P. 71—94. DOI:10.1007/s10567-009-0049-0
12. Frisell T., Lichtenstein P., Långström N. Violent crime runs in families: a total population study of 12.5 million individuals // Psychological medicine. 2011. № 41(1). P. 97—105. DOI:10.1017/S0033291710000462
13. Holmes W.C. Men's self-definitions of abusive childhood sexual experiences, and potentially related risky behavioral and psychiatric outcomes // Child abuse & neglect. 2008. Vol. 32(1). P. 83—97. DOI:10.1016/j.chiabu.2007.09.005
14. Hudson G.R., Bowie B.H. Developing a screening tool to identify harmful sibling aggression in a primary care setting // Journal of the American Association of Nurse Practitioners. 2020. № 33(7). P. 506—513. DOI:10.1097/JXX.0000000000000395
15. Ingram K.M., Espelage D.L., Davis J.P., Merrin G.J. Family Violence, Sibling, and Peer Aggression During Adolescence: Associations With Behavioral Health Outcomes // Frontiers in psychiatry. 2020. № 11. P. 26. DOI:10.3389/fpsy.2020.00026
16. Jacobson R., Straker G. Abused children: A Review of the Literature // South African Journal of Psychology. 1981. № 11(3). P. 93—97. DOI:10.1177/008124638101100301

17. Katz C., Tener D., Sharabi O.Y. «Blood Pact»: Professionals' Perceptions on the Sibling Subsystem in the Context of Child Abuse // *Int. Journal on Child Malt.* 2021. № 4. P. 175—192. DOI:10.1007/s42448-021-00073-x
18. King A.R., Russell T.D. Psychometric properties of the Violent Experiences Questionnaire // *Child abuse & neglect.* 2017. № 67. P. 64—75. DOI:10.1016/j.chiabu.2017.02.008
19. Kurniawan L.S., Aryani L., Chandra G.N., Mahadewa T., Ryalino C. Victims of Physical Violence Have a Higher Risk to Be Perpetrators: A Study in High School Students Population // *Open access Macedonian journal of medical sciences.* 2019. Vol. 7(21). P. 3679—3681. DOI:10.3889/oamjms.2019.797
20. Long K.A., Chevalier L., Chu A. et al. Cultural Influences on Sibling Relationships, Roles, and Self-Concept in the Context of Autism: Perspectives of Latino/a/x and non-Latino/a/x Siblings // *J Autism Dev Disord.* 2021. № 52. P. 4100—4113. DOI:10.1007/s10803-021-05287-z
21. MacMillan H.L., Tanaka M., Duku E., Vaillancourt T., Boyle M.H. Child physical and sexual abuse in a community sample of young adults: results from the Ontario Child Health Study // *Child abuse & neglect.* 2013. № 37(1). P. 14—21. DOI:10.1016/j.chiabu.2012.06.005
22. Makinde O., Björkqvist K., Österman K. Overcrowding as a risk factor for domestic violence and antisocial behaviour among adolescents in Ejigbo, Lagos, Nigeria // *Global mental health (Cambridge, England).* 2016. № 3, e16. DOI:10.1017/gmh.2016.10
23. Mitchell Ju. Why Siblings? Introducing the “Sibling Trauma” and the “Law of the Mother” on the “Horizontal” Axis // *The Psychoanalytic Study of the Child.* 2021. № 75(1). P. 1—19. DOI:10.1080/00797308.2021.1972697
24. Münger A.Ch., Markström A.M. School and Child Protection Services Professionals' Views on the school's Mission and Responsibilities for Children Living with Domestic Violence — Tensions and Gaps // *Journal of Family Violence.* 2019. № 34:5. P. 385—398.
25. Perry K.J., Ostrov J.M., Shisler S. et al. Pathways from Early Family Violence to Adolescent Reactive Aggression and Violence Victimization // *J Fam Viol.* 2021. № 36. P. 75—86. DOI:10.1007/s10896-019-00109-4
26. Pritchard E., Tsindos T., Ayton D. Practitioner perspectives on the nexus between acquired brain injury and family violence // *Health & social care in the community.* 2019. № 27(5). P. 1283—1294. DOI:10.1111/hsc.12770
27. Prophecy Coles. Sibling rivalry at work; from family to groups // *Psychodynamic Practice.* 2015. № 21:3. P. 254—263. DOI:10.1080/14753634.2015.1037600
28. Romain N., Michaud K., Horisberger B., Brandt-Casadevall C., Krompecher T., Mangin P. Childhood homicide: a 1990-2000 retrospective study at the Institute of Legal Medicine in Lausanne, Switzerland // *Medicine, science and the law.* 2003. Vol. 43(3). P. 203—206. DOI:10.1258/rsmmsl.43.3.203
29. Simonelli C.J., Mullis T., Rohde C. Scale of negative family interactions: a measure of parental and sibling aggression // *Journal of interpersonal violence.* 2005. № 20(7). P. 792—803. DOI:10.1177/0886260505277102
30. Smith-Marek M., Cafferky B., Dharnidharka P., Mallory A.B., Dominguez M., High J., Stith S.M., Mendez M. Effects of childhood experiences of family violence on adult partner violence: A meta-analytic review // *Journal of Family Theory & Review.* 2015. № 7. P. 498—519. DOI:10.1111/jftr.12113
31. Teicher M.H., Parigger A. The ‘Maltreatment and Abuse Chronology of Exposure’ (MACE) scale for the retrospective assessment of abuse and neglect during development // *PloS one.* 2015. № 10(2). e0117423. DOI:10.1371/journal.pone.0117423
32. Worling J.R. Adolescent sibling-incest offenders: differences in family and individual functioning when compared to adolescent nonsibling sex offenders // *Child abuse & neglect.* 1995. № 19(5). P. 633—643. DOI:10.1016/0145-2134(95)00021-y

References

1. Dmitrieva O.A., Fedchenko T.M., Avetisjan A.S., Daniljak T.A. Mediko-juridicheskie aspekty vnutrisemejnogo nasilija [Medical and legal aspects of intra-family violence]. *Tihookeanskij medicinskij zhurnal = Pacific Medical Journal*, 2010, no. 1, pp. 85—88. (In Russ.).
2. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'ju [Research interview]. Moscow: Smysl [Sense], 2003. 301 p. (In Russ.).
3. Mitchell Dzh. Skrytaja zhizn' brat'ev i sester: Ugrozy i travmy [The hidden life of brothers and sisters: Threats and traumas] translated from Engl. Moscow: Kogito-Centr, 2020. 343 p. (In Russ.).
4. Abramovitch H. The Neglect of Siblings in Depth Psychology. *The San Francisco Jung Institute Library Journal*, 2005. Vol. 24:2, pp. 17—30. DOI:10.1525/jung.1.2005.24.2.17
5. Alaggia R., Collin-Vézina D., Lateef R. Facilitators and Barriers to Child Sexual Abuse (CSA) Disclosures: A Research Update (2000—2016). *Trauma, Violence, & Abuse*, 2019. Vol. 20(2), pp. 260—283. DOI:10.1177/1524838017697312
6. Ascherman L.I., Safier E.J. Sibling incest: a consequence of individual and family dysfunction. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 1990, no. 54(3), pp. 311—322.
7. Bensussan P. Aliénation parentale, abus psychologique de l'enfant et DSM-5 [Parental alienation, child psychological abuse and DSM-5]. *L'Encephale*, 2017, no. 43(6), pp. 510—515. DOI:10.1616/j.encep.2017.08.003
8. Fakanmoju S.B., Bammeke F.O. Development of Perception of Child Maltreatment Scale: Reliability and Validity Analyses. *SAGE Open*, 2013, no. 2(3). DOI:10.1177/2158244013490703
9. Finkelhor D., Ormrod R.K., Turner H.A., Hamby S.L. Measuring poly-victimization using the Juvenile Victimization Questionnaire. *Child abuse & neglect*, 2005. Vol. 29(11), pp. 1297—1312. DOI:10.1016/j.chiabu.2005.06.005
10. Finkelhor D., Turner H.A., Shattuck A., Hamby S.L. Prevalence of Childhood Exposure to Violence, Crime, and Abuse: Results From the National Survey of Children's Exposure to Violence. *JAMA pediatrics*, 2015, no. 169(8), pp. 746—754.
11. Foster H., Brooks-Gunn J. Toward a Stress Process Model of Children's Exposure to Physical Family and Community Violence. *Clin Child Fam Psychol*, 2009, no. 12, pp. 71—94. DOI:10.1007/s10567-009-0049-0
12. Frisell T., Lichtenstein P., Långström N. Violent crime runs in families: a total population study of 12.5 million individuals. *Psychological medicine*, 2011, no. 41(1), pp. 97—105. DOI:10.1017/S0033291710000462
13. Holmes W.C. Men's self-definitions of abusive childhood sexual experiences, and potentially related risky behavioral and psychiatric outcomes. *Child abuse & neglect*, 2008, no. 32(1), pp. 83—97. DOI:10.1016/j.chiabu.2007.09.005
14. Hudson G.R., Bowie B.H. Developing a screening tool to identify harmful sibling aggression in a primary care setting. *Journal of the American Association of Nurse Practitioners*, 2020, no. 33(7), pp. 506—513. DOI:10.1097/JXX.0000000000000395
15. Ingram K.M., Espelage D.L., Davis J.P., Merrin G.J. Family Violence, Sibling, and Peer Aggression During Adolescence: Associations With Behavioral Health Outcomes. *Frontiers in psychiatry*, 2020, no. 11. 26 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.00026
16. Jacobson R., Straker G. Abused children: A Review of the Literature. *South African Journal of Psychology*, 1981, no. 11(3), pp. 93—97. DOI:10.1177/008124638101100301
17. Katz C., Tener D., Sharabi O.Y. «Blood Pact»: Professionals' Perceptions on the Sibling Subsystem in the Context of Child Abuse. *Int. Journal on Child Malt*, 2021, no. 4, pp. 175—192. DOI:10.1007/s42448-021-00073-x
18. King A.R., Russell T.D. Psychometric properties of the Violent Experiences Questionnaire. *Child abuse & neglect*, 2017, no. 67, pp. 64—75. DOI:10.1016/j.chiabu.2017.02.008

19. Kurniawan L.S., Aryani L., Chandra G.N., Mahadewa T., Ryalino C. Victims of Physical Violence Have a Higher Risk to Be Perpetrators: A Study in High School Students Population. *Open access Macedonian journal of medical sciences*, 2019. Vol. 7(21), pp. 3679—3681. DOI:10.3889/oamjms.2019.797
20. Long K.A., Chevalier L., Chu A. et al. Cultural Influences on Sibling Relationships, Roles, and Self-Concept in the Context of Autism: Perspectives of Latino/a/x and non-Latino/a/x Siblings. *J Autism Dev Disord*, 2021, no. 52, pp. 4100—4113. DOI:10.1007/s10803-021-05287-z
21. MacMillan H.L., Tanaka M., Duku E., Vaillancourt T., Boyle M.H. Child physical and sexual abuse in a community sample of young adults: results from the Ontario Child Health Study. *Child abuse & neglect*, 2013, no. 37(1), pp. 14—21. DOI:10.1016/j.chiabu.2012.06.005
22. Makinde O., Björkqvist K., Österman K. Overcrowding as a risk factor for domestic violence and antisocial behaviour among adolescents in Ejigbo, Lagos, Nigeria. *Global mental health (Cambridge, England)*, 2016, no. 3, e16. DOI:10.1017/gmh.2016.10
23. Mitchell Ju. Why Siblings? Introducing the “Sibling Trauma” and the “Law of the Mother” on the “Horizontal” Axis. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 2021, no. 75(1), pp. 1—19. DOI:10.1080/00797308.2021.1972697
24. Münger A.-Ch., Markström A.-M. School and Child Protection Services Professionals’ Views on the school’s Mission and Responsibilities for Children Living with Domestic Violence — Tensions and Gaps. *Journal of Family Violence*, 2019, no. 34:5, pp. 385—398.
25. Perry K.J., Ostrov J.M., Shisler S. et al. Pathways from Early Family Violence to Adolescent Reactive Aggression and Violence Victimization. *J Fam Viol*, 2021, no. 36, pp. 75—86. DOI:10.1007/s10896-019-00109-4
26. Pritchard E., Tsindos T., Ayton D. Practitioner perspectives on the nexus between acquired brain injury and family violence. *Health & social care in the community*, 2019, no. 27(5), pp. 1283—1294. DOI:10.1111/hsc.12770
27. Prophecy Coles. Sibling rivalry at work; from family to groups. *Psychodynamic Practice*, 2015, no. 21:3, pp. 254—263. DOI:10.1080/14753634.2015.1037600
28. Romain N., Michaud K., Horisberger B., Brandt-Casadevall C., Krompecher T., Mangin P. Childhood homicide: a 1990-2000 retrospective study at the Institute of Legal Medicine in Lausanne, Switzerland. *Medicine, science and the law*, 2003, no. 43(3), pp. 203—206. DOI:10.1258/rsmsl.43.3.203
29. Simonelli C.J., Mullis T., Rohde C. Scale of negative family interactions: a measure of parental and sibling aggression. *Journal of interpersonal violence*, 2005, no. 20(7), pp. 792—803. DOI:10.1177/0886260505277102
30. Smith-Marek M., Cafferky B., Dharnidharka P., Mallory A.B., Dominguez M., High J., Stith S.M., Mendez M. Effects of childhood experiences of family violence on adult partner violence: A meta-analytic review. *Journal of Family Theory & Review*, 2015, no. 7, pp. 498—519. DOI:10.1111/jftr.12113
31. Teicher M.H., Parigger A. The ‘Maltreatment and Abuse Chronology of Exposure’ (MACE) scale for the retrospective assessment of abuse and neglect during development. *PloS one*, 2015, no. 10(2), e0117423. DOI:10.1371/journal.pone.0117423
32. Worling J.R. Adolescent sibling-incest offenders: differences in family and individual functioning when compared to adolescent nonsibling sex offenders. *Child abuse & neglect*, 1995, no. 19(5), pp. 633—643. DOI:10.1016/0145-2134(95)00021-y

Информация об авторах

Жмурин Игорь Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, директор Института практической психологии, НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций» (НОЧУ ВО МУППИ), г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, ФГБОУ ВО «Московский государственный областной педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Мытищи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2469-4663>, e-mail: raketa302@mail.ru

Корнейчик Ирина Викторовна, заместитель директора Института практической психологии, НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций» (НОЧУ ВО МУППИ), г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, ФГБОУ ВО «Московский государственный областной педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Мытищи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5988-8591>, e-mail: iv.korneichik@mgou.ru

Information about the authors

Igor E. Zhmurin, PhD (Psychology), Director of the Institute of Practical Psychology, International University of Psychological and Pedagogical Innovations, Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2469-4663>, e-mail: raketa302@mail.ru

Irina V. Korneichik, Deputy Director of the Institute of Practical Psychology, International University of Psychological and Pedagogical Innovations, Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5988-8591>, e-mail: iv.korneichik@mgou.ru

Получена 24.11.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 24.11.2022

Accepted 15.12.2022

Детское благополучие: социально-демографические аспекты

Скрябина Я.А.

ГКУ Республиканский ресурсный центр «Семья»,
Центр демографических исследований Института стратегических
исследований Республики Башкортостан АН РБ, г. Уфа, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>, e-mail: skryana67@mail.ru

Предмет исследования — социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе, при оценке дружелюбности города по отношению к семье и детям. Целью исследования выступает изучение уровня комфортности, безопасности и развития подрастающего поколения в условиях городской среды Республики Башкортостан в современном социально-демографическом контексте. Теоретическими методами исследования выступили такие методы-операции, как анализ, а эмпирическим — опрос. Результаты проведенного исследования представлены Правительству Республики Башкортостан для разработки мер по повышению уровня дружелюбности городов к семье и детям.

Ключевые слова: индекс детского благополучия, индекс дружелюбности города к детям, рождаемость, численность детей и подростков, здоровье, образование, безопасность, социально-демографический потенциал.

Для цитаты: Скрябина Я.А. Детское благополучие: социально-демографические аспекты [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 107—119. DOI:10.17759/ssc.2022030207

Children's Well-Being: Socio-Demographic Aspects

Yana A. Skryabina

GKU Republican Resource Center “Family”, Center for Demographic
Research of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>, e-mail: skryana67@mail.ru

The subject of the study is the socio-economic relations that develop in society, when assessing the friendliness of the city in relation to the family and children. The aim of the study is to study the level of comfort, safety and development of the younger generation in the urban environment of the Republic of Bashkortostan in the modern socio-demographic context. Theoretical methods of research were methods-operations as analysis and empirical methods — a survey. The results of the study were presented to the Government of the Republic of Bashkortostan for the development of measures to increase the level of city friendliness to families and children.

Keywords: index of children's well-being, child-friendliness index of the city, birth rate, number of children and adolescents, health, education, security, socio-demographic potential.

For citation: Skryabina Ya.A. Children's well-being: socio-demographic aspects. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 107—119. DOI:10.17759/ssc.2022030207 (In Russ.).

Введение

В 1996 г. ЮНИСЕФ выступил инициатором проекта «Города, дружелюбные к детям», основной целью которого выступает решение проблемы реализации прав детей во все более урбанизированном мире [16; 17]. Данная инициатива исходит из предпосылки, что дети — это наше будущее, и это будущее должно быть светлым для каждого ребенка. Отмечается важность инвестирования в благополучие и интересы детей и молодежи. По данным ЮНИСЕФ, проект реализуется почти в 50 странах мира, в т.ч. в городах Германии, Франции, Белоруссии, Казахстана и др., и охватывает пять целевых направлений: обеспечение прав подрастающего поколения на основные услуги (образование, здравоохранение, питание, досуг и др.); право быть услышанным; право на семью; право на безопасность; право на уважение и справедливость.

Понятие «детское благополучие» состоит из двух слов: «детское» — свойственное детям, предназначенное для детей, «благополучие» — счастье, процветание, обеспеченность, спокойствие, комфортность, здоровье, успех.

Рассмотрев дефиницию «благополучие» в контексте различных наук и добавив к нему определяющее слово «детское», на наш взгляд, в широком смысле детское благополучие определяется как состояние, когда дети живут в полной семье в атмосфере любви, взаимопонимания и доброжелательности, когда между детьми и старшим поколением (родителями и прародителями) выстроены дружелюбные, доверительные отношения, построены нормальные взаимоотношения со сверстниками, в семье имеется материальная обеспеченность, гарантированы качественная и доступная детская медицинская помощь и качественное и доступное дошкольное и школьное образование, имеются возможности для ведения здорового и активного образа жизни, полноценные условия для физического, творческого и культурного развития личности, детского отдыха, обязательным условием выступает наличие комплексной безопасности (независимо от того, где бы ни находились дети — безопасность дома, в учебных заведениях, в общественных местах, на транспорте, на отдыхе, на прогулке и т.д.), имеется безбарьерная среда для детей с ограниченными возможностями здоровья, в обществе доминируют и надежно защищены ценности детства, семейные ценности, развивается индустрия детских товаров и питания, дружелюбная и безопасная инфраструктура детства, т.е. все то, что позволяет обеспечить соблюдение прав и защиту интересов детей, вырастить физически и психически здоровое поколение.

В узком смысле под детским благополучием понимается здоровое, счастливое детство с возможностями для полноценного развития личности.

Не факт, конечно, но будущее детей закладывается в родительской семье и формируется в той среде, в которой дети социализируются. Вопросы благополучия детей, проживающих в различных семейных структурах, рассмотрены в работах Т.А. Гурко [6; 7]. Ученый исследует, насколько дифференцированы условия проживания и воспитания детей в полных и неполных семьях, в семьях, не состоящих в официально зарегистрированном браке, в сводных семьях, в семьях, усыновивших или взявших детей под опеку.

По мнению Т.А. Гурко, в современных условиях для благополучия детей важна не столько структура семейной ячейки, сколько число изменений семейной структуры на протяжении взросления. Далее исследователь подчеркивает, что на детское благополучие в постиндустриальном обществе оказывает влияние не столько тип (структура) семьи, сколько социальный статус семьи — образовательный и профессионально-квалификационный уровни, уровень материального достатка.

В зарубежных работах также рассматриваются вопросы взаимосвязи детского благополучия и наличия зарегистрированного или незарегистрированного брака у родителей [16; 18; 19; 20]. Так, в зарубежных исследованиях подчеркивается, что политика, направленная, с одной стороны, на улучшение материальной обеспеченности детей, не способна привести к укреплению брачно-семейных отношений, а с другой — программы, реализуемые в целях пропаганды вступления в зарегистрированные брачные союзы и укрепления брака, не способны оказать значимое влияние на благополучие детей.

Демографические проблемы ученые-исследователи постоянно ставят перед государственными и общественными организациями. Но очень часто результаты исследований не находят должного понимания.

Сегодня главными факторами, от которых всецело зависит демографическая судьба нашей страны, являются рождаемость, семья.

Поэтому вполне естественно, что нас очень и очень беспокоит демографический, репродуктивный потенциал подрастающего поколения — кто завтра будет создавать семьи, кто будет рожать детей?

Материальное стимулирование рождаемости может повысить количественные показатели, но не стоит забывать о качественной стороне — о рождении желанных детей от физически и психически здоровых родителей, об ответственном, осознанном родительстве, о детском благополучии, которое, как было отмечено выше, базируется на здоровье, счастье и всестороннем развитии.

В условиях депопуляции населения, нивелирования семейных ценностей, снижения потребности в детях особое значение имеет формирование доброжелательной городской среды для семей с детьми.

Концепция «Город, дружественный семье и детям»

В 2021 г. в Республике Башкортостан утверждена Концепция «Город, дружественный семье и детям». Основная цель Концепции — создание благоприятных условий для комплексного развития и жизнедеятельности детей в современном городе [13].

Основной постулат Концепции: семья, материнство, отцовство и детство в Республике Башкортостан находятся под защитой государства. Республика Башкортостан гарантирует создание благоприятных условий для укрепления семьи, поощрения материнства, оказания помощи семье в воспитании и социализации детей.

В современных условиях демографическая проблема вызвана в первую очередь существенными изменениями в семейно-брачных отношениях, во многом определившими изменения в репродуктивном поведении и, соответственно, рождаемости. Социальная защита семьи, материнства, отцовства и детства является предметом особого внимания со стороны государства, поскольку через заботу о благополучии семьи, о здоровье и благосостоянии женщин и детей гарантируется прирост здорового населения страны. Для нашего общества особенно значимо, с одной стороны, как в условиях современного города семья, будучи по существу единственным источником воспроизводства самого

человека, важнейшей сферой его восстановления, располагающей большим интеллектуальным и экономическим потенциалом, выполняет свои основные функции, в том числе репродуктивную, воспитательную, коммуникативную. С другой стороны, важно, как городская среда способствует достижению наиболее высокого качества жизни семей с детьми в городах, насколько она безопасна, благоприятна, комфортна и благоустроена [2; 3; 5].

Методы и методики

В рамках реализации Концепции «Город, дружественный семье и детям» в сентябре-октябре 2021 г. проведен социологический опрос среди детей в возрасте 13—17 лет (опрошено 17643 респондента), родителей детей в возрастах 0-6 лет (39958 респондентов) и 7—12 лет (33376 респондентов), проживающих в 20 городах Республики Башкортостан. Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования. Выборка для опроса формировалась из расчета не менее 5,0 % от среднегодовой численности городского детского населения в возрасте 0—17 лет. Внесение ответов в Google-форму не ограничивало число респондентов. В целом в опросе приняли участие 16,4 % респондентов от фактической численности детей в возрасте до 18 лет, проживающих в 20 городах республики.

Обработка данных осуществлялась при помощи описательной статистики с применением программного обеспечения PASW Statistics (IBM SPSS Statistics 23).

При разработке инструментария оценки дружественности городской среды к семье и детям мы исходили из определения, что город, дружественный семье и детям, — это современный город, в котором сформировано правовое, социальное и образовательное пространство, обеспечивающее комфортное проживание в нем и всестороннее развитие семьям с детьми, в котором дети и подростки имеют все условия для полноценного, здорового, творческого развития. Основной целью исследования выступает изучение степени благоустройства городов Республики Башкортостан и уровня комфортности и безопасности для проживания в них детей и подростков. Поставленная цель определила решение таких задач, как исследование вопросов охраны здоровья детей и подростков и ведения ими здорового образа жизни, безопасности детей и подростков в городах Республики Башкортостан, возможностей получения помощи и защиты в случае возникновения сложной жизненной ситуации, вопросов образования и дополнительного развития, изучения комфортности условий для проживания детей и подростков в городской среде, возможностей культурного развития и проведения детьми и подростками досуга, разработка рекомендаций, направленных на повышение комфортности проживания в городской среде семей с детьми.

Индекс дружественности городской среды к семье и детям рассчитывается по 6 блокам, которые идентичны 6 доменам Индекса детского благополучия (см. табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы детского благополучия и дружественности городской среды к семье и детям

Домены Индекса детского благополучия	Блоки Индекса дружественности городской среды к семье и детям
– образование	– образование
– здоровье	– здоровье
– материальное благополучие	– защита детства

Домены Индекса детского благополучия	Блоки Индекса дружелюбности городской среды к семье и детям
– безопасность	– детская безопасность
– социальные отношения	– городская среда
– самореализация	– досуг и культура

Расчет проводится по двум типам индикаторов — объективным (это данные официальной статистики) и субъективным (по результатам социологических опросов) [11].

В блоке «Здоровье» рассматриваются 7 объективных индикаторов, характеризующих уровень младенческой и детской смертности, уровень заболеваемости детей и подростков, уровень детской инвалидизации. С помощью субъективных индикаторов оценивается соблюдение прав семьи и ребенка в сфере охраны здоровья.

В блоке «Детская безопасность» оценка выполняется по 6 объективным индикаторам в сфере реализации прав ребенка на безопасность: преступность среди детей и подростков, преступность в отношении несовершеннолетних, смертность детей от внешних причин, в т.ч. смертность от суицидов и в результате ДТП. Два субъективных индикатора позволяют оценить удовлетворенность системой безопасности в городе.

В блоке «Защита детства» рассматриваются 4 субъективных показателя: сиротство, численность родителей, лишенных родительских прав или ограниченных в них, количество детей, получающих меры социальной поддержки. Два субъективных индикатора оценивают вероятность получить помощь в случае возникновения трудной жизненной ситуации, возможность обратиться к психологу или позвонить на телефон доверия.

В блоке «Образование» 6 объективных индикаторов характеризуют ситуацию в сфере реализации права ребенка на образование: результаты ОГЭ и ЕГЭ, степень охвата детей дошкольным и дополнительным образованием. Три субъективных индикатора отражают территориальную доступность образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования, удовлетворенность качеством образования в целом.

В блоке «Городская среда» 2 объективных индикатора характеризуют жилищные условия, 5 субъективных индикаторов оценивают «безбарьерность» городской среды, наличие детских игровых и спортивных площадок, мест для отдыха и проведения досуга всей семьей, степень удовлетворенности жилой средой.

В блоке «Досуг и культура» 3 объективных индикатора показывают уровень охвата детей летним отдыхом, участие в различных мероприятиях, удовлетворенность качеством услуг в сферах культуры. Три субъективных индикатора оценивают потенциал детского летнего отдыха, частоту совместных посещений культурно-досуговых мероприятий, степень удовлетворенности системой организации досуга детей и подростков в городе.

В итоге Индекс рассчитывается по 47 индикаторам.

Для каждого индикатора рассчитывается нормированное значение от 0 до 10, где 10 означает максимально благоприятное условие, а 0 — крайне неблагоприятное условие.

Используя рекомендации ЮНИСЕФ и материалы зарубежных стран, практикующих реализацию инициативы «Города, дружелюбные к детям» [9; 12; 15; 18], при расчетах Индекса применяется два принципа нормирования:

1. значение индикатора по каждому городу нормируется по среднереспубликанскому значению. В случае, если значение индикатора по городу совпадает со среднереспубликанским, нормированное значение по индикатору равняется 5. Чем больше значе-

ние по городу в отношении среднереспубликанского значения, тем больше нормированное значение индикатора стремится к 10;

2. субъективные индикаторы нормируются по доле ответов респондентов, оценивающих благоустройство города как удовлетворяющее их потребности. Если все 100 % респондентов ответили на поставленный вопрос положительно, то значение индикатора достигает 10.

Индекс каждого из 6 параметров (N_n) представляет собой среднее арифметическое нормированных значений индикаторов (K_n) и рассчитывается по соответствующей формуле:

$$N_n = (K_{1,1} + K_{1,2} + \dots + K_n) / n$$

Индекс «Город, дружелюбный семье и детям» ($I_{\text{друж}}$) — это среднее арифметическое индексов 6 параметров, расчет производится по соответствующей формуле:

$$I_{\text{друж}} = (N_1 + N_2 + \dots + N_n) / n.$$

Результаты и обсуждение

Городская местность Республики Башкортостан с середины 1990-х гг. живет в режиме суженного воспроизводства населения — поколение детей не замещает поколение родителей. В 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР), показывающий, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода, составил 1,264 ребенка. По сравнению с 1990 г., когда СКР был ниже уровня простого воспроизводства населения на 0,219 детей, или на 10,2 %, в 2021 г., соответственно, на 0,886, или на 41,2 %. То есть в городской местности поколение детей в 2021 г. заместило поколение родителей только на 58,8 процентов. Таким образом, в городах Башкортостана сложилась устойчивая модель «малодетной» семьи, что подтверждается данными текущей статистики и итогами Всероссийской переписи населения, проведенной в октябре 2021 г. (ВПН-2020). Так, среднее число рожденных детей женщинами, проживающими в частных домохозяйствах республики в целом по Башкортостану, составило 1,550 детей на одну женщину (по ВПН-2010 — 1,680), в городской местности — 1,307 (1,372), в сельской — 1,956 (2,183) [4].

При таком низком уровне рождаемости и неблагоприятной возрастной структуре городского населения, когда низкий удельный вес детей в возрасте 0-14 лет (19,4 %) и высокий удельный вес населения в возрасте 50 лет и старше (48,0 %), численность населения будет сокращаться. Таким образом, независимо от нашего желания и реализуемых мер демографической политики семья с одним ребенком через каждые 25 лет существенно сокращает исходную численность населения [1].

Численность детей и подростков сокращается в республике с 1990-х годов. На начало 2021 г. численность подрастающего поколения в городах по сравнению с 1997 г. сократилась на 135 тыс. человек. И далее по среднему варианту прогноза Росстата сокращение продолжится (рис. 1) [14].

Согласно среднему варианту прогноза Росстата от 2020 г. численность всего населения Республики Башкортостан в возрасте моложе трудоспособного (0-15 лет) сократится с 820,3 тыс. человек до 775,6 тыс. к 2025 г. (или на 5,4 %) и до 666,4 тыс. к 2030 году (на 18,8 %). Соответственно, сократятся численность и удельный вес детей, проживающих в городской местности [14].

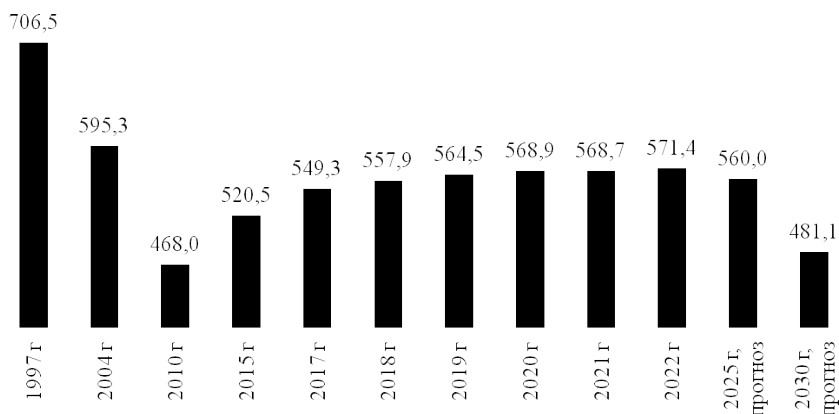

Рис. 1. Численность детей и подростков в возрасте 0-17 лет, городское население Республики Башкортостан, 2010-2030 гг., тыс. человек

Исходя из неблагоприятных демографических тенденций, наблюдаемых как в целом в Республике Башкортостан, так и в ее городской местности, высокую значимость имеет оценка не только количественных параметров, но и качественных характеристик подрастающего поколения и условий городской среды, в которой проживают дети и подростки [14]. Тем самым актуализируется практическая значимость оценки дружелюбности городской среды к семье и детям, а социологические опросы позволяют не только выявить степень дружелюбности, но и определить меры, направленные на повышение благополучия детей и подростков — на возможность вести здоровый образ жизни, быть счастливыми и реализовать свой многосторонний потенциал.

По всем параметрам в целом большинство детей и родителей положительно оценивают дружелюбность городской среды. Рассчитав индексы по каждому блоку, мы видим, что ни один из них не дотягивает до 10 — до максимально благоприятного условия (рис. 2).

Рис. 2. Индекс дружелюбности городов к семье и детям по блокам, опрос 2021 г., родители детей 0-12 лет, дети 13-17 лет, балл

Лучшая ситуация — по блоку «Детская безопасность», худшая — «Досуг и культура». Так, средний индекс для городов по параметру «Здоровье» составил 5,6. Отклонение на 4,4 пункта от максимально благоприятного условия объясняется высоким уровнем перинатальной, младенческой и детской смертности в отдельных городах; высоким уровнем заболеваемости детей и подростков, ростом инвалидизации подрастающего поколения, нехваткой педиатров и педиатрических коек.

Большинство родителей считают, что в их городе соблюдаются права в сфере охраны здоровья детей, но половина респондентов отметили, что они не могут своевременно записаться на прием к врачу. Также более половины родителей указали, что им некомфортно посещать детскую поликлинику.

Для детей вопросы в блоке «Здоровье» в большей степени касались вредных привычек. Ответы на три вопроса о вредных привычках (пробовали ли Вы курить?/какие-либо алкогольные напитки/когда-либо наркотики?) показали (при условии искренности и открытости респондентов), что дети и подростки не злоупотребляют вредными привычками.

Эксперты отмечают, что одними из основных факторов распространения наркомагии выступают отсутствие организованного досуга для детей и подростков, излишняя свобода [8; 10].

В целом, оценивая комфортность условий, большинство детей и подростков (77,4 %) и более половины родителей считают, что города дружелюбны по отношению к детям. Но у респондентов много предложений для улучшения городской среды.

Вопрос анкеты «Что еще должно быть сделано в городе, чтобы Вы чувствовали себя в нем более комфортно и имели все возможности для полноценного развития?» был открытым. На данный вопрос мы получили более 17 тысяч различных вариантов ответов от детей и подростков, которые были сгруппированы в 48 комбинаций. Далее полученные ответы объединены в 12 условных групп (табл. 2) [14].

Таблица 2

Группировка ответов детей (13-17 лет) на вопрос «Что еще должно быть сделано в городе, чтобы Вы чувствовали себя в нем более комфортно и имели все возможности для полноценного развития?» (N=17643)

Группы	Ответы	Частоты	Процент
Приверженцы ЗОЖ	спортивные секции, площадки, комплексы, стадионы; тренажеры, бассейны, парки отдыха и спорта и т.д.	3277	18,6
Потребители	места для развлечений и досуга, торгово-развлекательные центры, кафе, компьютерные клубы, кинотеатры и т.д.	2862	16,2
Оптимисты	все или почти все устраивает	2696	15,3
Архитекторы	благоустройство города, улиц, парков, дворов, школьных территорий, реставрация старых зданий, памятников архитектуры, зеленые насаждения, пешеходные, беговые и велосипедные дорожки, экология и т.д.	2380	13,5
Равнодушные	затруднились ответить	2248	12,7
Финансово уязвимые	бесплатный проезд школьникам и студентам, бесплатное качественное образование, бесплатное обучение в ссуз и вуз, бесплатная подготовка к ОГЭ и ЕГЭ; бесплатные дополнительные занятия в школе, бесплатные или бюджетные спортивные секции, развивающие кружки, оздоровительные центры и т.д.	1218	6,9

Группы	Ответы	Частоты	Процент
Законопослушные	центры социально-психологической помощи подросткам, безопасность во всех общественных местах; видеокамеры на улицах; дежурство патруля на улицах, соблюдение ПДД; безопасные пешеходные переходы и т.д.	840	4,8
Мечтатели	доступность, качество здравоохранения и образования, больше детских садов, школ, ссузов и вузов и т.д.	739	4,2
Интеллектуалы	библиотеки, музеи, театры, выставки, экскурсии, туризм; культурные и образовательные центры, кружки по IT-технологиям; языковые курсы; книжные магазины	658	3,7
Пессимисты	бесполезно, ничего не сделают; этому городу ничего не поможет; хочу уехать из этого города, много всего надо и т.д.	476	2,7
Гуманисты	безбарьерная среда для инвалидов и детей с ОВЗ, волонтерство, больше хороших, добрых людей; взаимное уважение и т.д.	227	1,3
Антиваксеры	противники вакцинации и ограничительных мер из-за коронавируса	22	0,1
Всего		17643	100,0

Наиболее многочисленной оказалась группа «приверженцы ЗОЖ» (18,6 %), которым для большей комфортности требуются спортивные сооружения, спортивные и детские площадки, бассейны, парки, скверы; на втором месте — «потребители» (16,2 %), которым для комфортности необходимы торгово-развлекательные центры, кинотеатры, кафе, компьютерные клубы и т.д.

На наш взгляд, среди детей и подростков в возрасте 13—17 лет достаточно высоко развито потребительское поведение.

Возникает вопрос — насколько подрастающее поколение ориентировано в будущем на семейные ценности, какое место в их жизни будут занимать семья и дети. Если составить портрет современного подростка с позиции социально-демографического потенциала, то, на наш взгляд, образ будущего вырисовывается в виде неподготовленности к семейной жизни, неготовности к рождению и воспитанию детей, ярким штрихом просматривается нацеленность на самореализацию, на потребительское поведение — больше получать, чем отдавать.

Заключение и выводы

Проанализировав результаты исследования — объективные и субъективные индикаторы, отметим, что степень дружелюбности городской среды к семье и детям различается в зависимости от размера города, а внутри городов — от района или микрорайона проживания.

По итогам исследования для всех городов подготовлены подробные рекомендации по всем 6 блокам. В блоках рекомендации ранжированы по значимости для каждого конкретного города. Выделим общие проблемы для городов республики, которые оказались наиболее актуальными.

В плане детской безопасности родители и дети выделяют необходимость профессиональной охраны в образовательных учреждениях, в общественных местах; установку камер видеонаблюдения, патрулирование улиц, соблюдение ПДД, безопасные пешеходные переходы, вопросы безопасности дороги от дома до школы.

В рамках защиты детства рекомендуется разработка и реализация мероприятий, направленных на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей и подростков; повышение информированности детей и подростков о работе телефонов доверия, горячих линий.

Для повышения дружелюбности городской среды необходимы благоустроенные, безопасные детские игровые и спортивные площадки, парки и зоны семейного отдыха; благоустроенные, безопасные улицы, дворы и школьные территории; пешеходные, беговые, велосипедные дорожки.

По блокам, охватывающим сферу образования и здоровья, большинство родителей предлагают сформировать бюджетную систему учреждений дополнительного образования и спортивных секций, подчеркивая, что образование и здравоохранение должны быть доступными и качественными; необходимо больше строить учреждений дошкольного и школьного образования, особенно в новых городских микрорайонах.

В целом, оценивая уровень детского благополучия, независимо от метода — будь то расчет индекса детского благополучия или индекса дружелюбности городской среды к детям, мы должны понимать, какие цели преследуют наши исследования, какие меры необходимы для создания условий, чтобы наши дети не только жили в благоприятных условиях для их всестороннего развития, но и сами активно участвовали в общественной жизни, в мероприятиях и принятии решений в вопросах, затрагивающих их интересы.

Городская среда должна быть дружелюбна, комфортна, удобна для семей с детьми, для подрастающего поколения, чтобы формировалась потребность иметь в семье 2—3—4 детей, чтобы важность и значимость семейных ценностей, ценностей детей занимали высокие позиции в системе человеческих ценностей и в иерархии потребностей.

Литература

1. Антонов А.И. 94 процента россиян живут в одно-двухдетных семьях // Вестник — спецвыпуск «Святость материнства». 2011. № 1. С. 35—37.
2. Бессчетнова О.В. Благополучие детей как социальная проблема современности [Электронный ресурс] // Logos et Praxis. 2019. № 4. С. 41—52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchie-detey-kak-sotsialnaya-problema-sovremennosti> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Варламов И. Как должен выглядеть удобный для детей город? [Электронный ресурс] // Teletype. 2018. URL: <https://varlamov.ru/2843122.html?ysclid=ld3mo3yega313516702> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 22.11.2022).
5. Город для детей: способ улучшения городской среды или оздоровления общества? [Электронный ресурс] // Журнал «Проект Россия». 2020. URL: <https://prorus.ru/interviews/gorod-dlya-detey-sposob-uluchsheniya-gorodskoj-sredy-ili-priem-ozdorovleniya-obshchestva/?ysclid=ld3mm5gi9m928739069> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Гурко Т.А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 1(61). С. 45—53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

blagopoluchie-detey-v-razlichnyh-semeynyh-strukturah-obzor-rezultatov-zarubezhnyh-issledovaniy (дата обращения: 20.11.2022).

7. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99—110. DOI:10.7868/S0132162517110113
8. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2020 году / Антинаркотическая комиссия Республики Башкортостан, Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан. Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2021. 158 с.
9. Доклады о положении детей в городе [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ. 2022. URL: <https://detivgorode.by/monitoring/city-reports/> (дата обращения: 20.11.2022).
10. Максимов К.В., Федоров А.Г. Состояние наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 г. [Электронный ресурс] // Вестник УЮИ. 2019. № 4(86). С. 42—52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-narkosituatsii-v-respublike-bashkortostan-v-2018-godu> (дата обращения: 18.12.2022).
11. Методология расчета индекса дружелюбности города детям и подросткам. [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ. 2022. URL: <https://detivgorode.by/monitoring/methodology/> (дата обращения: 18.12.2022).
12. Павликова А. Дети в городе [Электронный ресурс] // Archi.ru. 2015. URL: <https://archi.ru/russia/61996/deti-v-gorode> (дата обращения: 20.11.2022).
13. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 05.08.2021 № 382 «Об утверждении Концепции “Город, дружелюбный семье и детям”» [Электронный ресурс] // Гарант. 2021. URL: <https://base.garant.ru/402635386/> (дата обращения: 18.12.2022).
14. Скрыбина Я.А., Сабирова З.Э. Подрастающее поколение в современном социально-демографическом контексте // Глобальные вызовы демографическому развитию / ред. О.А. Козлова, А.П. Багирова, Г.Е. Корнилов, И.А. Кулькова, Б.Ю. Берзин, Н.П. Неклюдова. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. 407 с.
15. Что такое инициатива «Город, дружелюбный детям» [Электронный ресурс] // Национальный центр художественного творчества детей и молодежи. 2022. URL: https://nchtdm.by/gorod_druzhestvennyj_detyam/chto_takoe_iniciativa_gdd (дата обращения: 18.12.2022).
16. For every child, a child-friendly city [Электронный ресурс] // Unisef for every child. 2018. URL: <https://childfriendlycities.org/wp-content/uploads/2019/10/CFCI-Brochure-FINAL-September-2018.pdf> (дата обращения: 18.12.2022).
17. Make your city child-friendly [Электронный ресурс] // Unisef for every child. 2021. URL: <https://childfriendlycities.org/> (дата обращения: 18.12.2022).
18. Manning W.D. Cohabitation and Child Wellbeing // The Future of Children. 2015. Vol. 25. № 2. P. 51—66. DOI:10.1353/foc.2015.0012
19. McLanahan S., Sawhill I. Marriage and Child Wellbeing Revisited: Introducing the Issue // The Future of Children. 2016. № 25. P. 3—9. DOI:10.1353/foc.2015.0009
20. Ribar D.C. Welfare and Children's Well-Being // Australian Economic Review. 2017. Vol. 50. № 3. P. 348—355. DOI:10.1111/1467-8462.12231

References

1. Antonov A.I. 94 protsenta rossiyan zhivut v odno-dvukhdetnykh sem'yakh [94 percent of Russians live in one-two-child families]. *Vestnik — spetsvyпуск “Svyatost’ materinstva” [Bulletin — special issue “The sanctity of motherhood”]*, 2011, no. 1, pp. 35—37. (In Russ.).
2. Besschetnova O.V. Blagopoluchie detei kak sotsial’naya problema sovremennosti [The welfare of children as a social problem of modernity] [Elektronnyi resurs]. *Logos et Praxis*, 2019, no. 4, pp. 41—52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchie-detey-kak-sotsialnaya-problema-sovremennosti> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).

3. Varlamov I. Kak dolzhen vyglyadet' udobnyi dlya detei gorod? [What should a child-friendly city look like?] [Elektronnyi resurs]. *Teletype*, 2018. Available at: <https://varlamov.ru/2843122.html?ysclid=ld3mo3yega313516702> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).
4. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2020 goda [All-Russian Population Census 2020] [Elektronnyi resurs]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]*, 2022. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Accessed 22.11.2022). (In Russ.).
5. Gorod dlya detei: sposob uluchsheniya gorodskoi sredy ili ozdorovleniya obshchestva? [City for children: a way to improve the urban environment or improve society?] [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal "Proekt Rossiya" [Journal "Project Russia"]*, 2020. Available at: <https://prorus.ru/interviews/gorod-dlya-detej-sposob-uluchsheniya-gorodskoj-sredy-ili-priem-ozdorovleniya-obshchestva/?ysclid=ld3mm5gi9m928739069> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).
6. Gurko T.A. Blagopoluchie detei v razlichnykh semeinykh strukturakh: obzor rezul'tatov zarubezhnykh issledovaniy [The well-being of children in various family structures: a review of the results of foreign research] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]*, 2021, no. 1(61), pp. 45—53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchie-detej-v-razlichnyh-semeynyh-strukturah-obzor-rezultatov-zarubezhnykh-issledovaniy> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).
7. Gurko T.A. Novye semeinye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: distribution trends and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2017, no. 11, pp. 99—110. DOI:10.7868/S0132162517110113 (In Russ.).
8. Doklad o narkosituatsii v Respublike Bashkortostan v 2020 godu [Report on the drug situation in the Republic of Bashkortostan in 2020]. Antinarkoticheskaya komissiya Respubliki Bashkortostan, Ministerstvo vnutrennikh del po Respublike Bashkortostan [Report on the drug situation in the Republic of Bashkortostan in 2020]. Ufa: Publ. «Zdravookhranenie Bashkortostana» [Healthcare of Bashkortostan], 2021. 158 p. (In Russ.).
9. Doklady o polozhenii detei v gorode [Reports on the situation of children in the city] [Elektronnyi resurs]. *UNICEF*, 2022. Available at: <https://detivgorode.by/monitoring/city-reports/> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).
10. Maksimov K.V., Fedorov A.G. Sostoyanie narkosituatsii v Respublike Bashkortostan v 2018 godu [The state of drug situation in the Republic of Bashkortostan in 2018] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik UYU [Bulletin of the UUI]*, 2019, no. 4(86), pp. 42—52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-narkosituatsii-v-respublike-bashkortostan-v-2018-godu> (Accessed 18.12.2022). (In Russ.).
11. Metodologiya rascheta indeksa druzhestvennosti goroda detyam i podrostkam [Methodology for calculating the index of friendliness of the city to children and adolescents] [Elektronnyi resurs]. *UNICEF*, 2022. Available at: <https://detivgorode.by/monitoring/methodology/> (Accessed 18.12.2022). (In Russ.).
12. Pavlikova A. Deti v gorode [Children in the city] [Elektronnyi resurs]. *Archi.ru*, 2015. Available at: <https://archi.ru/russia/61996/deti-v-gorode> (Accessed 20.11.2022). (In Russ.).
13. Postanovlenie Pravitel'stva RB ot 05.08.2021 no. 382 "Ob utverzhdenii Kontseptsii "Gorod, druzhestvennyi sem'e i detyam" [Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan dated 05.08.2021 No. 382 "On approval of the Concept of "A city friendly to family and children"] [Elektronnyi resurs]. *Garant*, 2021. Available at: <https://base.garant.ru/402635386/> (Accessed 18.12.2022). (In Russ.).
14. Skryabina Ya.A., Sabirova Z.E. Podrastayushchee pokolenie v sovremennom sotsial'no-demograficheskom kontekste [The younger generation in the modern socio-demographic context]. *Global'nye vyzovy demograficheskomu razvitiyu [Global challenges to demographic development]* eds. by O.A. Kozlova, A.P. Bagirova, G.E. Kornilov, I.A. Kul'kova, B.Yu. Berzin, N.P. Neklyudova. Vol. II. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2022. 407 p. (In Russ.).
15. Chto takoe initsiativa "Gorod, druzhestvennyi detyam" [What is the initiative "A city friendly to children"] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi tsentr khudozhestvennogo tvorchestva detei i molodezhi*

[National Center for Artistic Creativity of Children and Youth], 2022. Available at: https://nchtdm.by/gorod_druzhestvennyj_detyam/chto_takoe_iniciativa_gdd (Accessed 18.12.2022).

16. For every child, a child-friendly city [Electronic resource]. *Unisef for every child*, 2018. Available at: <https://childfriendlycities.org/wp-content/uploads/2019/10/CFCI-Brochure-FINAL-September-2018.pdf> (Accessed 18.12.2022). (In Russ.).

17. Make your city child-friendly [Electronic resource]. *Unisef for every child*, 2021. Available at: <https://childfriendlycities.org/> (Accessed 18.12.2022).

18. Manning W.D. Cohabitation and Child Wellbeing. *The Future of Children*, 2015. Vol. 25, no. 2, pp. 51—66. DOI:10.1353/foc.2015.0012

19. McLanahan S., Sawhill I. Marriage and Child Wellbeing Revisited: Introducing the Issue. *The Future of Children*, 2016, no. 25, pp. 3—9. DOI:10.1353/foc.2015.0009

20. Ribar D.C. Welfare and Children's Well-Being. *Australian Economic Review*, 2017. Vol. 50, no. 3, pp. 348—355. DOI:10.1111/1467-8462.12231

Информация об авторах

Скрябина Яна Альбертовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»; начальник отдела анализа демографических процессов и семейно-брачных отношений, ГКУ Республиканский ресурсный центр «Семья», ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований Института стратегических исследований Республики Башкортостан АН РБ, г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>, e-mail: skryana67@mail.ru

Information about the authors

Yana A. Skryabina, PhD in Economics, associate Professor of economic theory and socio-economic policy, Bashkir academy of public administration and under the Head of Republic Bashkortostan; Head of the Department for the Analysis of Demographic Processes and Family and Marriage Relations of GKU Republican Resource Center "Family"; Leading Researcher of the Center for Demographic Research of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>, e-mail: skryana67@mail.ru

Получена 04.12.2022

Принята в печать 19.12.2022

Received 04.12.2022

Accepted 19.12.2022

Оценка детского благополучия: международный и российский опыт в рамках теории новой социологии детства

Телицына А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»)

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

В статье рассмотрены подходы к определению и операционализации понятия «субъективное благополучие детей» в российской и зарубежной практике. Проведены анализ развития теории новой социологии детства и уточнение теоретических конструктов. Проанализированы достоинства и недостатки метода исследования детского благополучия путем измерения его индекса, что перспективно с точки зрения временной парадигмы. Сделаны выводы о динамике единого сводного показателя, который получают исследователи, т.к. его можно проследить во времени.

Ключевые слова: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, показатели субъективного благополучия детей, инструменты измерения субъективного благополучия детей, индекс благополучия детей, социальные практики в сфере защиты детства.

Благодарности. Статья подготовлена по результатам проведения исследований в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитаты: Телицына А.Ю. Оценка детского благополучия: международный и российский опыт в рамках теории новой социологии детства [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 120—131. DOI:10.17759/ssc.2022030208

Evaluation of Children's Well-being: International and Russian Experience in the Framework of the Theory of the New Sociology of Childhood

Alexandra Yu. Telitsyna

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

The article considers approaches to the definition and operationalization of the concept of “subjective well-being of children” in Russian and foreign practice. The analysis of the development of the theory of the new sociology of childhood and the clarification of theoretical constructs is carried out. The advantages and disadvantages of the method of studying

children's well-being by measuring its index are analyzed. The study of children's well-being by measuring its index is promising from the point of view of the time paradigm, that is, the dynamics of a single summary indicator that researchers receive can be traced over time.

Keywords: children's subjective well-being indicators, children's subjective well-being measurement tools, children's well-being index, social practices in childhood protection.

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research conducted within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University HSE.

For citation: Telitsyna A. Yu. Evaluation of Children's Well-being: International and Russian Experience in the Framework of the Theory of the New Sociology of Childhood. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 120—131. DOI:10.17759/ssc.2022030208 (In Russ.).

Введение

Современные государства для повышения своей роли и значимости на мировой арене заимствуют стратегии государственного управления из стратегического менеджмента, теоретики которого развивали их с 1950—60-х гг.

Активное участие в развитии данного направления приняли такие ученые, как И. Ансофф, П. Друкер, Г. Минцберг, М. Портер и др. [1; 5]. Одной из разновидностей стратегий развития государства является социально-эффективная стратегия, которая концентрируется на защите населения от роста цен, падения доходов, сдерживает рост уровня безработицы и в целом нивелирует негативные социально-экономические факторы [6].

Одним из инструментов оценки успешности данной стратегии являются индексы оценки того или иного параметра. Так, например, международные организации (ООН и др.) оценивают степень развития стран и регионов по универсальным интегральным показателям. В 1990-м году в рамках Программы развития ООН был разработан индекс развития человека (Human Development Index) [8; 30]. Он ежегодно рассчитывается экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов, использующими в своей работе, наряду с аналитическими разработками, статистические данные национальных институтов и международных организаций.

Социология, которую мы можем рассматривать как инструмент измерения социально-экономических процессов путем их изучения и отображения в статистических данных, на сегодняшний день уделяет внимание изучению различных возрастных групп членов социума для лучшего понимания динамики и перспективы развития общественно значимых процессов.

Наука на пути своего развития часто имеет дело с сомнениями, которые могут быть либо опровергнуты в ходе познания, либо встретиться с неразрешимыми противоречиями, вызванными многообразием взглядов исследователей на тот или иной объект, который, по мнению одной группы ученых, обладает измеримыми и качественными характеристиками, в то время как их коллеги по научной среде утверждают, что объект автономен в своей непознанности в силу непредсказуемости воздействия факторов, влияющих на его развитие.

Ярким примером такого научного разногласия является порождение двух концепций социологии идентичности и социальной деятельности, которые описал в своей статье «The sociology of childhood as scientific communication: Observations from a social systems perspective» М. Кинг. Исследователь размышляет о тесной связи между образом детей, созданным несколькими социологами, работающими в рамках новой социологии детства, и требованиями и амбициями сторонников прав детей на автономию. В рамках изучения данного социологического противоречия М. Кинг приходит к выводу, что социология как наука, использующая статистический метод для отображения результатов исследований, равно как и средства массовой информации, теперь может производить только информацию, а не факты о детях [26].

«Новая социология детства» — междисциплинарный подход, объединяющий не только социологов, но и психологов, антропологов, педагогов, историков и географов, основан на представлении о детстве как о социальном конструкте [21; 28].

Индексы детского благополучия

В международной практике используются индексы детского благополучия, отражающие уровень субъективного и объективного благополучия в разных сферах жизни. Сбор данных по показателям таких индексов в динамике позволяет проводить системный анализ качества жизни детей и принимать управленческие решения при внедрении политик, программ и услуг для поддержки детей и их семей [5].

Индексы стали удобным инструментом оценки социальных и экономических явлений, в 2004 году в США Фонд детского развития разработал и опубликовал Индекс детского благополучия (Child Well-being Index), который включал семь основных показателей, среди которых:

1. экономическое/финансовое благополучие семьи;
2. состояние взаимоотношений ребенка с семьей и сверстниками;
3. состояние здоровья ребенка;
4. поведение ребенка, в т.ч. ведущее к снижению уровня безопасности его жизни (употребление наркотиков, алкоголя и т.п.);
5. образовательные достижения ребенка;
6. включенность ребенка в жизнь группы, сообщества (участие в образовательных, экономических и политических институтах);
7. эмоциональное благополучие ребенка [22].

По мнению специалистов (Детский фонд ООН — ЮНИСЕФ), критерием состояния дел в любом государстве является то, насколько хорошо в этой стране заботятся о детях, их состоянии здоровья и защищенности, материальном благополучии, образовании и социализации. Особым маркером являются любовь и уважение к детям в семье и обществе в целом [13]. ЮНИСЕФ отождествляет благополучие детей с реализацией их прав и обеспечением оптимальных условий для наиболее полного их развития, учитывая при этом и субъективный аспект — «восприятие, оценки и ожидания детей в отношении их собственной жизни» [3].

Мониторинг детского благополучия проводится ЮНИСЕФ по пяти параметрам: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, поведение и риски, условия жизни и среда [16]. В общей сложности этот анализ проводится по 26 сравнимым индикаторам. В 2013 году опубликован очередной отчет ЮНИСЕФ, посвященный сравнительному анализу ситуации в 29 развитых странах [22]. Согласно данным, лидером

по индексу детского благополучия являются Нидерланды, на втором месте находятся Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция.

Россия не попала в отчет ЮНИСЕФ, однако в 2019 году международная организация «Save the Children» («Спасем детей») опубликовала ежегодный отчет «End of Childhood Index 2019» по 176 странам, в котором Россия заняла 38 место. Первое место занял Сингапур, второе — Швеция, а третье место поделили три страны: Финляндия, Норвегия и Словения [24].

В рамках достижения целей Национальной стратегии развития в России Президент России объявил 2018—2027 гг. Десятилетием детства [19]. Правительство Российской Федерации 23 января 2021 года утвердило план мероприятий, проводимых в рамках данной программы [17]. Для оценки усилий органов власти федерального уровня и регионов, для согласованной работы и ее оценки на промежуточных этапах необходим измеримый количественный показатель, который из близких цифр статистики «высветит» необходимые данные для изучения явления детского благополучия в России. Это позволит оценить цели и задачи программы с точки зрения их выполнения, а также увидеть сильные и слабые стороны проведенной работы с перспективы дальнейшей деятельности в данном направлении.

Методы и методики исследования Индекса детского благополучия

Концепт благополучия как предмет интереса психологии и социологии располагает внушительным инструментарием для его измерения, среди которых основным методом является опрос (интервью), поскольку такая оценка носит субъективный характер.

В разных культурных контекстах успешно прошли апробацию и применяются следующие методы оценки: «Многофакторная шкала удовлетворенности жизнью у школьников» («Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale», MSLSS, E.C. Хьюбнер) [25], «Краткая многофакторная шкала удовлетворенности жизнью у школьников» («Brief Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale», BMSLSS), разработанная на базе MSLSS как «экономный» ее вариант, «Индекс личного благополучия» («Personal Well-Being Index», PWI), опросник «KINDL-R», опросник «TedQL» и др. [2; 4; 7].

Вышеперечисленные методы измерения используются исследователями как по отдельности, так и во взаимодействии (в совокупности) друг с другом.

Индекс детского благополучия в России

Отчеты международных организаций носят глобальный характер и хороши для оценки всемирного уровня благополучия детей, но малоинформативны для отдельно взятой страны, поэтому в России стартовали собственные исследования индекса детского благополучия. Так, в апреле-июне 2021 года Центр полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации провел пилотные онлайн-опросы детей в возрасте 10—17 лет включительно и родителей детей аналогичного возраста сначала в Тамбовской области, а потом еще в четырех регионах России — Республика Башкортостан, Ленинградская область, Ульяновская область и Ханты-Мансийский автономный округ [10]. Для построения индекса детского благополучия взяты шесть сфер (доменов): образование, безопасность, здоровье, материальное благополучие, социальные отношения и самореализация [10]. Результаты исследований были ранжированы по четырем группам: «Образование», «Здоровье», «Безопасность», «Насилие в семье». Согласно полученным данным, родители и дети сходятся

в оценках образовательной системы, здоровья детей и их безопасности. Исследователи пришли к выводу, что при ответах на вопросы группы «Насилие в семье» детям мог быть не вполне ясен смысл формулировок «физическое насилие», «применение силы», «семейные ссоры или скандалы». С точки зрения оценки благополучия малолетние и несовершеннолетние респонденты предложили свои варианты вопросов, которые оценили как более понятные и близкие. Исследователи отметили это как положительный момент исследования, поскольку такое участие детей указывает на их вовлеченность и заинтересованность темой исследования, а самое главное — желание высказываться на предложенную тему. Такой искренний отклик респондентов указывает на актуальность и своевременность исследования индекса детского благополучия.

Индекс детского благополучия находится в поле внимания исследователей различных областей знания, не только социально-гуманитарных наук, но и наук экономических. Так, например, в октябре 2021 года в рамках практического исследования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с учетом имеющегося международного и российского опыта были разработаны многомерный индекс детского благополучия и индекс субъективного детского благополучия для оценки положения детей и подростков в России в целом и в субъектах Российской Федерации в частности [10]. При построении индекса детского благополучия (ИДБ) сначала были выбраны типы результатов — конечные результаты, непосредственные результаты, индикаторы среды жизнедеятельности, затратные (бюджетные) результаты. Затем были учтены основные направления плана реализации до 2027 г. программы Десятилетия детства: здоровье и сбережение жизни, материальное благополучие, развитие, безопасность жизнедеятельности. Также исследователи учли, что в конечных результатах можно измерить только основные показатели человеческого капитала ребенка — здоровье и развитие. В связи с тем, что активная работа в направлении создания и измерения индекса детского благополучия началась не так давно, у исследователей возникли затруднения, связанные с недостатком некоторых показателей, которые были решены использованием альтернативных показателей.

Индекс субъективного детского благополучия был построен на аналогичных принципах, что и многомерный индекс. Необходимость в создании двух отдельных индексов исследователи объясняют возможностью сопоставлять отдельный взгляд взрослых и детей на положение вещей. В ходе исследования индекс субъективного детского благополучия не был апробирован ввиду отсутствия необходимых данных, однако при применении индекса детского благополучия путем использования двух методов расчета исследователи выяснили, что первое место заняли Санкт-Петербург и Ленинградская область. Важной характеристикой разработанного индекса детского благополучия является возможность сравнения регионов не только по значению сводного индекса, но также в разрезе его параметров, компонентов и показателей, что позволяет не только получить «общую картину» положения детей в регионах России, но и определить слабые места и возможности роста для каждого региона [11].

Особого внимания заслуживает изучение благополучия детей, проживающих вне своей биологической семьи, а в специализированных учреждениях для детей-сирот. Наиболее заметным исследованием в этом направлении является социологическое исследование В.А. Одиноковой, М.М. Русаковой, Н.М. Усачевой «Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот». География исследования: детские дома Санкт-Петербурга, Екатеринбург и Республики Башкортостан. Для оценки благополучия детей был выбран метод опроса (индивидуального интервью) с использованием

структурированного вопросника. Изучаемые домены благополучия: настроение и эмоциональное состояние, самочувствие, физическая активность, образование, отношения с другими детьми и взрослыми, безопасность, условия жизни в детском доме, участие в принятии решений и знание прав.

Исследователи справедливо отмечают, что субъективный и объективный взгляды на благополучие могут не совпадать, поэтому важно учитывать точку зрения детей и включать их в оценку и мониторинг их благополучия. При обсуждении результатов исследования ученые пришли к заключению, что шкала благополучия действительно может рассматриваться как валидная мера благополучия детей, проживающих в учреждениях для детей-сирот [13].

В ходе исследования В.Н. Ослон, Г.В. Семья с соавторами (2021) субъективного благополучия детей-сирот было установлено, что уровень субъективного благополучия зависит от возможности сохранения стереотипов организации жизни и взаимоотношений, сформировавшихся в детском доме: чем ниже уровень требований к самостоятельности и реальная автономия жилья, тем выше доля выпускников с высоким уровнем субъективного благополучия [14].

Детство, по мнению исследователей, представляется скорее ландшафтом с неограниченным количеством возможностей и потенциальных сценариев становления и развития, а не четко выраженной траекторией с определенным результатом, поэтому данное явление нуждается в социокультурном анализе [18; 30].

Обсуждение и результаты

Как мы можем резюмировать, в фокусе внимания современного цивилизованного общества находится ребенок — как будущий взрослый, как надежда поколения, как здоровая и всесторонне развитая личность. Внимание к благополучному развитию каждого ребенка — хороший показатель высокого уровня развития гражданского общества и государства. При этом дети — не пассивные объекты социализации, а социальные акторы и деятельные участники событий (в рамках новой социологии детства).

Исследование жизненных условий ребенка путем числовых показателей индекса детского благополучия, не взирая на критическое восприятие населением отдельных стран [12], далеко ушло от «сухой» и строгой, но пугающе емкой статистики, которая за цифрами мешает увидеть проблему, срок решения которой давно прошел. Россия уверенно следует пути антикризисного и предупредительного планирования, когда риски просчитаны и «обезврежены» еще до их реального возникновения. Индекс благополучия ребенка необходим всем: и государству в лице профильных министерств и государственных органов власти, и образовательным учреждениям, и учреждениям для детей-сирот, и семьям. Здоровое и счастливое детство каждого маленького гражданина — это тот ресурс, от которого выиграет все российское общество, и недооценивать гармоничное развитие и становление личности представителя молодого поколения недальновидно и преступно опасно. Государство много сил вкладывает в улучшение социально-экономических условий: образование, медицина, повышение уровня жизни, укрепление национальных связей и взаимоотношений, борьба с преступностью. Эти сферы общественного существования — многое, но не все, что влияет на формирование личности ребенка. Для лучшего контроля за деятельностью в области детского развития и за тем, что еще можно усовершенствовать, индекс детского благополучия является

подходящим с точки зрения валидности, наглядности полученных данных и универсальности методом исследования.

Безусловно, в свете исследования социологии детства как научной коммуникации перед учеными разных специальностей встает этический вопрос изучения ребенка с позиции объекта научного интереса, поскольку выявленное противоречие между автономностью личности ребенка и необходимостью исследования ее становления с целью обеспечения ее качественного развития накладывает на цивилизованное общество обязанность уважать и соблюдать личные границы индивидуума. Социологические статистические данные в рамках данной теории больше не рассматриваются как факты, а только как данные, которые не нуждаются в оценке со стороны других, а лишь в наблюдении и фиксации.

Однако данные, которые являются целью применения индекса детского благополучия, ошибочно и вредно расценивать как излишнее вмешательство в автономное развитие ребенка, тоталитарный контроль со стороны государства, некомпетентность исследователей, чьи труды, по мнению М. Кинга, стоит воспринимать лишь как «данные», а не факты, по аналогии с продуктом творческой деятельности СМИ [26]. Методы опроса и интервьюирования, которые составляют научный инструментарий индекса детского благополучия, могут быть использованы в самой «мягкой», например, игровой форме с соблюдением всех прав и законных интересов личности, гарантированных каждому гражданину Российской Федерации на законодательном уровне. В целом основной недостаток данного метода исследования лежит как раз в правовой области, о чем речь пойдет ниже.

Заключение

Исследование детского благополучия путем измерения его индекса перспективно с точки зрения временной парадигмы, то есть динамику единого сводного показателя, который получают исследователи, можно проследить во времени. Главным недостатком данного метода исследования нам представляется ограничение респондентов по возрастному критерию в силу субъективности метода исследования (как правило, использование опросов и интервьюирование). Это означает, что принять участие в исследовании могут дети, которые понимают суть и смысл задаваемых вопросов и обладают достаточно развитым мышлением и речью, чтобы выразить свое отношение и дать ответ на вопросы, следовательно, из количества респондентов автоматически выбывают малолетние в возрасте до 7—10 лет.

С правовой точки зрения получение таких результатов и их обработка подпадают под действие Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [20]. Закон не запрещает несовершеннолетнему, достигшему 14-летнего возраста, давать согласие на обработку своих персональных данных самостоятельно, без посредничества законного представителя, однако в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц, не достигших 14 лет, объем их частичной дееспособности данным законом не оговаривается, соответственно, исходя из положений Гражданского кодекса Российской Федерации, согласие на обработку персональных данных лиц, не достигших 14 лет, могут давать только их родители, усыновители, опекуны [9]. Такое вмешательство пусть и родных и близких лиц ребенка уже может стать помехой для получения релевантных и pertinentных данных. Представляется важным то, что для совершенствования данного метода необходима синергия усилий психологов, социологов, экономистов и правоведов,

поскольку домены, которые исследуются путем оценки индекса детского благополучия, находятся в поле деятельности этих четырех областей знания.

Литература

1. *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер, 1999. 416 с.
2. *Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А.* Субъективное благополучие подростков и молодежи: концептуализация и измерение [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-blagopoluchie-podrostkov-i-molodezhi-kontseptualizatsiya-i-izmerenie> (дата обращения: 13.08.2022).
3. *Арчакова Т.О., Гарифулина Э.Ш.* Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии [Электронный ресурс] // Мониторинг. 2020. № 1(155). DOI:10.14515/monitoring.2020.1.11
4. *Арчакова Т.О., Веракса А.Н., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б.* Субъективное благополучие у детей: инструменты измерения и возрастная динамика // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 6. С. 68—76. DOI:10.17759/pse.2017220606
5. *Васильев Ю.П.* Внутрифирменное управление в США. М.: Мысль, 1970. 403 с.
6. *Ведута Е.Н.* Стратегия и экономическая политика государства. М.: Академический проспект, 2004. 456 с.
7. *Гарифулина Э.Ш., Инатова А.А.* Опрос детей как обязательный элемент формирования индекса детского благополучия // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 139—148. DOI:10.17759/pse.2021260611
8. *Горбунова О.Н.* Индекс человеческого развития: изменение методики. Индекс России в мире и среди стран постсоветского пространства [Электронный ресурс] // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-chelovecheskogo-razvitiya-izmenenie-metodiki-indeks-rossii-v-mire-i-sredi-stran-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения: 13.08.2022).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 1994. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.08.2022).
10. Индекс детского благополучия: увидеть за цифрами ребенка. Результаты пилотного исследования Фонда Тимченко и РАНХиГС при поддержке АСИ в пяти регионах [Электронный ресурс] // Фонд Тимченко и РАНХиГС. 2021. URL: <http://rcnyagan.ru/images/14.02.2022/index.pdf> (дата обращения: 13.08.2022).
11. *Калабихина И.Е., Казбекова З.Г.* Методология построения индексов детского благополучия для мониторинга положения детей в рамках реализации десятилетия детства в России [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-postroeniya-indeksov-detskogo-blagopoluchiya-dlya-monitoringa-polozheniya-detej-v-ramkah-realizatsii-desyatiletiya> (дата обращения: 13.08.2022).
12. «Наши дети не подопытные»: в новом законе некоторые углядели угрозу [Электронный ресурс] // Экспресс К. 2021. URL: <https://exk.kz/news/116516/nashi-dieti-nie-podopytnyie-v-novom-zakone-niekotorye-uglyadieli-ughrozu> (дата обращения: 13.08.2022).
13. *Одинокота В.А., Русакова М.М., Усачева Н.М.* Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Мониторинг. 2017. № 2(138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-otsenki-blagopoluchiya-detej-v-uchrezhdeniyah-dlya-detej-sirot> (дата обращения: 13.08.2022).
14. *Ослон В.Н., Семья Г.В., Колесникова У.В., Яровикова О.А.* Субъективное благополучие выпускников организаций для детей-сирот в различных условиях проживания // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 211—224. DOI:10.17759/pse.2021260617

15. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5—10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201
16. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах [Электронный ресурс] / Доклад Исследовательского центра «Инноченти». Флоренция: Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти», 2007. № 7. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/rc7_rus.pdf (дата обращения: 13.11.2022).
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р (ред. от 25.05.2022) «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 13.08.2022).
18. Рейтинг стран по Индексу человеческого развития [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. 2022. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 13.11.2022).
19. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 13.08.2022).
20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 2006. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 13.08.2022).
21. *Alanen L.* Rethinking Childhood // *Acta Sociologica*. 1988. Vol. 31. № 1. P. 53—67. DOI: 10.1177/000169938803100105
22. Child Well-being in Rich Countries: A comparative overview / Innocenti Report. Florence: UNICEF Office of Research, 2013, card 11.
23. *Ghemawat P.* Competition and Business Strategy in Historical Perspective. Harvard: Harvard Business Publishing Education, 1997. 32 p.
24. Global childhood report 2019 [Электронный ресурс] // Save the children. 2022. URL: <https://www.savechildren.or.jp/scjcms/dat/img/blog/2952/1558500313393.pdf> (дата обращения: 13.08.2022).
25. *Huebner E.S.* Preliminary development and validation of a Multidimensional Life Satisfaction Scale for Children // *Psychological Assessment*. 1994. Vol. 6(2). P. 149—158. DOI:10.1037/1040-3590.6.2.149
26. *King M.* The Sociology of Childhood as Scientific Communication: Observations from a social systems perspective // *Childhood*. 2007. № 14(2). P. 193—213. DOI:10.1177/0907568207078327
27. *O'Hare W., Mather M., Dupuis G.* Analyzing State Differences in Child Well-Being // *Foundation for Child Development*. 2012. P. 14. DOI:10.1007/s12187-012-9173-3
28. *Prout A., James A.* (eds). *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London; Washington, D.C.: Falmer Press, 1997. 246 p.
29. *Rees G., Savahl S., Lee B.J., Casas F.* (eds.). *Children's views on their lives and well-being in 35 countries: A report on the Children's Worlds project* [Электронный ресурс] // *Children's Worlds Project*. Jerusalem, Israel (ISCWeB). 2020. URL: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Childrens-Worlds-Comparative-Report2020.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).
30. Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World [Электронный ресурс] // *Human Development Reports*. 2022. URL: <https://hdr.undp.org/> (дата обращения: 13.08.2022).

References

1. Ansoff I. *Novaya korporativnaya strategiya* [New corporate strategy] by I. Ansoff. St. Petersburg: Peter, 1999. 416 p. (In Russ.).
2. Antonova N.A., Eritsyun K.Yu., Tsvetkova L.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie podrostkov i molodezhi: kontseptualizatsiya i izmerenie [Elektronnyi resurs] [Subjective well-being of adolescents and youth: conceptualization and measurement]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena zvestiya RSPU named after*

- A.I. Herzen], 2018, no. 187. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-blagopoluchie-podrostkov-i-molodezhi-kontseptualizatsiya-i-izmerenie> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
3. Archakova T.O., Garifulina E.Sh. Izmerenie sub"ektivnogo blagopoluchiya detei v Rossii: ot lokal'nykh sotsial'nykh praktik do federal'noi strategii [Elektronnyi resurs] [Measuring the subjective well-being of children in Russia: from local social practices to the federal strategy]. *Monitoring*, 2020, no. 1(155). DOI:10.14515/monitoring.2020.1.11 (In Russ.).
 4. Archakova T.O., Veraksa A.N., Zotova O.Y., Perelygina E.B. Subjective Well-being in Children: Measurement Tools and Age Dynamics. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 6, pp. 68—76. DOI:10.17759/pse.2017220606 (In Russ., abstr. in Engl.).
 5. Vasil'ev Yu.P. Vnutrifirmnoe upravlenie v SShA [Intra-company management in the USA] by Yu.P. Vasil'ev. Moscow: Mysl' [Thought], 1970. 403 p.
 6. Veduta E.N. Strategiya i ekonomicheskaya politika gosudarstva [Strategy and economic policy of the state]. Moscow: Akademicheskii prospect [Akademicheskii prospect], 2004. 456 p.
 7. Garifulina E.Sh., Ipatova A.A. Opros detei kak obyazatel'nyi element formirovaniya indeksa detskogo blagopoluchiya [Child Survey as an Essential Part of Child Well-Being Index Design]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 139—148. DOI:10.17759/pse.2021260611 (In Russ., abstr. in Engl.).
 8. Gorbunova O.N. Indeks chelovecheskogo razvitiya: izmenenie metodiki. Indeks Rossii v mire i sredi stran postsovetskogo prostranstva [Human development index: changing methodology. Index of Russia in the world and among the countries of the post-Soviet space] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-economic phenomena and processes]*, 2012, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-chelovecheskogo-razvitiya-izmenenie-metodiki-indeks-rossii-v-mire-i-sredi-stran-postsovetskogo-prostranstva> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 9. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya. Federal'nyi zakon ot 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation. Part One of the Federal Law of November 30, 1994 for N 51-FZ] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]*, 1994. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 10. Indeks detskogo blagopoluchiya: uvidet' za tsiframi rebenka. Rezul'taty pilotnogo issledovaniya Fonda Timchenko i RANKhiGS pri podderzhke ASI v pyati regionakh [Index of child well-being: see the child's numbers. The results of the pilot study of the Timchenko and RANEPa Foundation with the support of ASI in five regions] [Elektronnyi resurs]. *Fond Timchenko i RANKhiGS [Timchenko and RANEPa Foundation]*, 2021. Available at: <http://rcnyagan.ru/images/14.02.2022/index.pdf> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 11. Kalabikhina I.E., Kazbekova Z.G. Metodologiya postroeniya indeksov detskogo blagopoluchiya dlya monitoringa polozheniya detei v ramkakh realizatsii desyatiletiya detstva v Rossii [Methodology of constructing indices of child well-being for monitoring the situation of children within the framework of the implementation of the Decade of Childhood in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik [State Administration. Electronic bulletin]*, 2021, no. 88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-postroeniya-indeksov-detskogo-blagopoluchiya-dlya-monitoringa-polozheniya-detey-v-ramkakh-realizatsii-desyatiletiya> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 12. "Nashi deti ne podopytnye": v novom zakone nekotorye uglyadeli ugrozu ["Our children are not test subjects": some saw a threat in the new law] [Elektronnyi resurs]. *Ekspress K [Express K]*, 2021. Available at: <https://exk.kz/news/116516/nashi-diety-nie-podopytnye-v-novom-zakonie-niekotorye-uglyadieli-ughrozu> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 13. Odinokova V.A., Rusakova M.M., Usacheva N.M. Opyt otsenki blagopoluchiya detei v uchrezhdeniyakh dlya detei-sirot [Experience in assessing the well-being of children in institutions for orphans] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring*, 2017, no. 2(138). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-otsenki-blagopoluchiya-detey-v-uchrezhdeniyakh-dlya-detey-sirot> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).
 14. Oslon V.N., Sem'ya G.V., Kolesnikova U.V., Yarovikova O.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie vy-pusknikov organizatsii dlya detei-sirot v razlichnykh usloviyakh prozhivaniya [Subjective Well-Being

of Graduates of Orphan Organizations Living in Various Settings]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 211—224. DOI:10.17759/pse.2021260617 (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Polivanova K.N. Detstvo v menyayushchemsya mire [Childhood in a changing world] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 5—10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.).

16. Problema detskoj bednosti v perspektive. Obzor blagopoluchiya detei v bogatykh stranakh [The problem of child poverty in the future. Review of the well-being of children in rich countries] [Elektronnyi resurs]. Doklad Issledovatel'skogo tsentra «Innochenti» [Report of the Innocenti Research Center]. Florentsiya: *Issledovatel'skii tsentr YuNISEF «Innochenti» [UNICEF Innocenti Research Center]*, 2007, no. 7. Available at: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/rc7_rus.pdf (Accessed 13.11.2022). (In Russ.).

17. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23.01.2021 N 122-r (red. ot 25.05.2022) “Ob utverzhenii plana osnovnykh meropriyatiy, provodimykh v ramkakh Desyatiletiya detstva, na period do 2027 goda” [Decree of the Government of the Russian Federation of 23.01.2021 N 122-r (ed. of 25.05.2022) “On approval of the plan of the main activities carried out within the framework of the Decade of Childhood for the period up to 2027”] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus [Consultant-Plus]*, 2021. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249/f62ee45faef-d8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).

18. Reiting stran po Indeksu chelovecheskogo razvitiya [Ranking of countries on the Human Development Index] [Elektronnyi resurs]. *Gumanitarnyi portal [Humanitarian Portal]*, 2022. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (Accessed 13.11.2022). (In Russ.).

19. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29.05.2017 N 240 “Ob ob'yavlenii v Rossiiskoi Federatsii Desyatiletiya detstva” [Decree of the President of the Russian Federation dated 29.05.2017 N 240 “On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation”] [Elektronnyi resurs]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Official website of the President of the Russian Federation]*, 2017. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (Accessed 13.08.2022). (In Russ.).

20. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 N 152-FZ “O personal'nykh dannykh” [Federal Law “On Personal Data” of 27.07.2006 N 152-FZ] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]*, 2006. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (Accessed 13.08.2022).

21. Alanen L. Rethinking Childhood. *Acta Sociologica*, 1988. Vol. 31, no. 1, pp. 53—67. DOI: 10.1177/000169938803100105

22. Child Well-being in Rich Countries: A comparative overview. Innocenti Report. Florence: *UNICEF Office of Research*, 2013, card 11.

23. Ghemawat P. Competition and Business Strategy in Historical Perspective. Harvard: *Harvard Business Publishing Education*, 1997, 32 p.

24. Global childhood report 2019 [Electronic resource]. *Save the children*, 2022. Available at: <https://www.savechildren.or.jp/scjcms/dat/img/blog/2952/1558500313393.pdf> (Accessed 13.08.2022).

25. Huebner E.S. Preliminary development and validation of a Multidimensional Life Satisfaction Scale for Children. *Psychological Assessment*, 1994. Vol. 6(2), pp. 149—158. DOI:10.1037/1040-3590.6.2.149

26. King M. The Sociology of Childhood as Scientific Communication: Observations from a social systems perspective. *Childhood*, 2007, no. 14(2), pp. 193—213. DOI:10.1177/0907568207078327

27. O'Hare W., Mather M., Dupuis G. Analyzing State Differences in Child Well-Being. *Foundation for Child Development*, 2012, pp. 14. DOI:10.1007/s12187-012-9173-3

28. Prout A., James A. (eds). Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood. London, Washington, D.C.: *Falmer Press*, 1997. 246 p.

29. Rees G., Savahl S., Lee B.J., Casas F. (eds.). Children's views on their lives and well-being in 35 countries: A report on the Children's Worlds project [Electronic resource]. *Children's Worlds Project*. Jerusalem, Israel (ISCWeB), 2020. Available at: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Childrens-Worlds-Comparative-Report2020.pdf> (Accessed 20.11.2022).

30. Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World [Electronic resource]. *Human Development Reports*, 2022. Available at: <https://hdr.undp.org/> (Accessed 13.08.2022).

Информация об авторах

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the authors

Aleksandra Yu. Telitsyna, PhD (Biology), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 24.11.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 24.11.2022

Accepted 15.12.2022

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ
INTERNATIONAL CONFERENCES

**«Результаты и проблемы внедрения
доказательного подхода в сферу детства в России»:
тезисы научно-практической конференции**

Засимова А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk

В статье отражены основные тезисы научно-практической конференции «Результаты и проблемы внедрения доказательного подхода в сферу детства в России», состоявшейся 22—23 ноября 2022 года в МГППУ. Собранные данные призваны осветить вопросы и темы, возникающие у участников процесса, включенных в доказательный подход, а также зафиксировать произрастающие запросы от академического сообщества, специалистов сферы детства, государственного сектора на данный момент.

Ключевые слова: доказательный подход, научно-практическая конференция, сфера детства, стандарт доказательности, Десятилетие Детства.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение единого подхода внедрения социальных (в т.ч. образовательных) практик с доказанной эффективностью в части реализации мероприятий Десятилетия Детства».

Для цитаты: Засимова А.В. «Результаты и проблемы внедрения доказательного подхода в сферу детства в России»: тезисы научно-практической конференции [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 132—138. DOI:10.17759/ssc.2022030209

**“Results and Problems of Implementing
the Evidence-Based Practice to Childhood in Russia”:
Abstracts of the Scientific and Practical Conference**

Anastasiya V. Zasimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

The article reflects the main theses of the scientific-practical conference “Results and problems of introducing an evidence-based practice to the field of childhood in Russia”,

held on November 22—23, 2022 at the Moscow State University of Psychology and Education. The data collected is intended to highlight the questions and themes that arise among the participants in the process included in the evidence-based approach, as well as to record the growing requests from the academic community, childhood specialists, and the public sector at the moment.

Keywords: evidence-based practice, scientific and practical conference, sphere of childhood, standard of evidence, Decade of Childhood.

Funding. The reported study was funded by the Ministry of Education of Russia, project No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 "Scientific and methodological support of a unified approach to the implementation of evidence-based practices in social work and education in the context of implementing the activities of the Decade of Childhood".

For citation: Zasimova A.V. "Results and Problems of Implementing the Evidence-Based Practice to Childhood in Russia": Abstracts of the Scientific and Practical Conference. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 132—138. DOI:10.17759/ssc.2022030209 (In Russ.).

Введение

22—23 ноября 2022 года в МГППУ состоялась научно-практическая конференция, призванная отразить имеющиеся на сегодня результаты внедрения доказательного подхода в сферу детства в рамках реализации мероприятий Десятилетия Детства. Конференция получилась масштабной ввиду ее межведомственной направленности: наряду с научным сообществом и специалистами-практиками в сфере детства в мероприятии приняли участие представители Министерства просвещения Российской Федерации, Аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Счетной палаты Российской Федерации, Федерального центра развития программ социализации подростков, Департамента акселерационных и образовательных программ Фонда поддержки социальных проектов. Темы и запросы, которые они поднимают, открывают взгляд на процесс развития доказательной культуры непосредственно изнутри госсектора: как происходит внедрение подхода, с какими сложностями и вызовами они сталкиваются внутри каждого учреждения, каким образом они взаимодействуют друг с другом и т.д.

Программа конференции, основные направления дискуссий

Программа конференции была рассчитана на два дня, первый из которых включал пленарную и стратегические сессии в основном с представителями госструктур. В этот же день прошли несколько круглых столов и секций, посвященных вопросам методологии, оценки, отбора и тиражирования практик. В обсуждениях включались представители подразделений МГППУ, реализующие доказательный подход в своей области (Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра, Федеральный центр научно-методического сопровождения педагогических работников, Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, Федеральный

координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA), а также приглашенные эксперты по оценке программ.

Второй день конференции включал выступления специалистов-практиков (НКО и государственных учреждений), которые рассказывали о своем опыте описания их деятельности с помощью Стандарта доказательности социальных практик в сфере детства и представляли получившиеся результаты. Благодаря такой форме выступлений можно было увидеть, каким образом стандарт, разработанный как метод доказательности, применяется непосредственно на имеющемся материале. Не менее интересно было услышать субъективный опыт каждого из участников (с чем они столкнулись при работе со стандартом, как проходил процесс описания, какой настрой у них присутствовал в начале, а какой после процедуры обоснования и т.д.).

Если останавливаться на основных вопросах и темах, звучащих от ведомств и министерств, то, прежде всего, они выделяют запросы, связанные с оперативным принятием решений на государственном уровне, откуда рождается запрос на «быструю доказательность» — обращение к различного рода сформированным данным — реестрам или базам по детству, отобранным практикам, спискам экспертов, научным исследованиям, к которым можно обратиться при решении проблем. Отмечается, что скорость принятия решения может варьироваться от трех часов до нескольких недель, что и формирует такого рода запрос. Отчасти отсюда же у общественных деятелей появляется потребность в разграничении научного и управленческого запросов в научных исследованиях. То, что интересно академическому сообществу, зачастую совершенно не совпадает с интересом управленцев: для каких решений проводится исследование? Насколько оно способствует поиску решения? Ставится тезис о том, что исследовательские вопросы для управленцев находятся в другом поле. И это нужно иметь в виду при составлении отдельных реестров и баз данных для министерств.

Второй крупной темой является запрос на формирование упрощенного дискурса доказательности, который помог бы межведомственным структурам «говорить на одном языке». На данный момент многие спикеры из госструктур отмечают присутствие коммуникационного барьера, произрастающего из разного уровня включенности и понимания специфики работы доказательного подхода ввиду его определенной сложности. Как заявляет один из спикеров конференции, «необходим доказательный подход на пальцах». Доказательный подход объединяет представителей очень разных сфер (например, специалистов-практиков и работников секторов исполнительной власти), далеких от научного дискурса и соответствующего тезауруса. Их решения часто принимаются в короткие сроки и ориентируются на задачи иного рода, что не увязывается с тем описательным языком, который есть сейчас. Отсюда произрастает запрос на профессиональную подготовку экспертов и управленческих команд, которые более основательно смогут включаться в работу с доказательным подходом.

Со стороны академического сообщества поднимаются вопросы иного рода — направленные на упорядочивание работы по отбору, сопровождению, экспертизе и тиражированию практик. К настоящему времени, когда единый критерий оценки социальных практик в виде Стандарта доказательности разработан и активно апробируется в течение четырех лет, необходимо двигаться дальше: обучать специалистов, которые будут помогать отбирать практики, доводить их до доказательности, а также тиражировать.

Важно учитывать, что все перечисленные функции относятся к самостоятельным областям работы. И работу каждой из них предстоит выстроить в ближайшее время.

Важно заметить, как по-разному происходят заявленные выше процессы у подразделений, внедряющих доказательный подход. Так, у специалистов Центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации и Учебно-методического центра по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья МГППУ отбор и привлечение программ проходят с помощью профессиональных конкурсов, куда авторы присылают свои разработки, а победители получают возможность опубликовать свой материал в рекомендованных реестрах (Федеральный реестр психологов образования Российской Федерации, Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде МГППУ).

Тем не менее, как отмечают в подразделениях, после попадания в реестры запал и мотивация педагогов по доработке программ и их тиражированию в какой-то степени снижаются, соответственно, с этим предстоит работать и пытаться описать имеющиеся установки у авторов.

Сотрудники Института проблем инклюзивного образования МГППУ, отобрав ряд практик, на данный момент больше сосредоточены на этапе написания понятий, ценностей и идей инклюзивной практики на основе Стандарта доказательности: перед ними открывается дискуссионный вопрос, что именно понимать под термином «инклюзия». Вопрос о разработке своего реестра программ также рассматривается.

Ситуация иного рода у сотрудников научной лаборатории Федерального ресурсно-го центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра МГППУ. У них в основном уже имеются практики с доказанной эффективностью, например, признанные мировым сообществом (АВА-терапия: метод прикладного анализа поведения, ESDM: Денверская модель раннего вмешательства и др.) и которые могут быть размещены в реестре (его разработка пока в процессе), соответственно, их широкий запрос на сегодня формируется, скорее, в ряде тем: нахождении возможности повышения квалификации в области работы с людьми с РАС для специалистов сферы детства, налаживании материально-технического и методического обеспечения центров, работающих с РАС, систематизации информации о методах работы с людьми с РАС и поиске адаптированных лечебных материалов.

Также упор делается на повышение количества университетских клинических баз, сотрудничающих с вузами для проведения научных исследований, помогающих при верификации практик.

Специалисты-практики отмечают, что процесс включения в описательную работу деятельности через Стандарт доказательности дается крайне сложно, так как им приходится входить в совершенно иное поле, нагруженное научной терминологией. Однако по завершению чаще всего они отмечают формирование исследовательской позиции, которая запускает интерес к пониманию того, как работает их поле деятельности. К тому же это во многом облегчает процесс поиска финансирования и благополучателей.

Одним из центральных запросов, звучащих от представителей всех сторон, включенных в доказательный подход, является доступ к научным исследованиям (поиск, проведение новых исследований). Так, по оценке специалистов госсектора, на данный момент значительное число проводимых исследований приходится на медицинскую (76 %), образовательную (14 %) и спортивную сферы (6 %). Социальные исследования детства оказываются в этой связи не просто востребованными, а остро необходимыми

для развития доказательного подхода. Представители научных подразделений МГППУ, представленных выше, излагают свой научный запрос следующим образом: в основном речь идет об интересе исследования узких тем (например, работа с людьми с РАС), проведении метаанализов, систематизации научных исследований по разным тематикам. Специалисты-практики также отмечают интерес к научным данным, и нужно сказать, что он растет. Многие из них проводили исследования и обращались к науке еще до включения в подход доказательности, осуществляя свободный и не всегда удачный поиск нужных исследований (например, отсутствие исследований по определенной тематике или же отсутствие новых данных по теме). По мере включения в различные реестры практик (Смартека, Реестр Фонда Тимченко), проходя путь описания, многие из них все чаще запрашивают «научное сопровождение»: где и каким образом производить поиск исследований по нужной теме, какой метод обработки данных применить для анализа, как сформулировать произрастающий изнутри организации запрос: практики часто говорят, что хотят что-то измерить или понять, но не понимают, что именно и каким образом и др.

Установки развития доказательного подхода

Помимо тем и вопросов, выдвинутых на конференции, поднимается и ряд установок, сложившихся на данный момент среди участников, вовлеченных в программу развития доказательного подхода.

Одна из установок, по словам специалистов по оценке и представителей Департамента акселерационных и образовательных программ Фонда поддержки социальных проектов, относится к специалистам-практикам и характеризует низкую рефлексивную позицию относительно понимания их деятельности. Находясь в сфере оказания помощи, «спасая жизни», они в каком-то смысле оказываются замкнутыми на самих себя и по привычке опираются на большой стаж в работе, интуитивное понимание процессов, слепое использование того, «что работает уже давно». Во многом это мешает выработке системного подхода, развитию навыков критического осмысления деятельности, а также установке связи о качественном описании своей деятельности как возможности получения поддержки практики со стороны финансирующих организаций.

Следующая установка адресована научному сообществу. По словам президента Ассоциации специалистов по оценке проектов и программ, она заключается в опоре на устаревшую модель научного обоснования, согласно которой разработанный метод (в данном случае, например, Стандарт доказательности) единоразово закрывает собой поставленные цели и задачи, касающиеся создания и запуска инструмента, позволяющего отбирать и тиражировать практики в сфере детства на федеральном уровне. Но, кажется, есть необходимость формировать культуру постоянного критического осмысления. В целом, что касается Стандарта доказательности, так и происходит. Разработанный в 2018 году он постоянно переосмысливается — в 2021 году вышла его обновленная версия, в которой добавлены три раздела, ориентированные на отдельную целевую группу: общие положения стандарта (ориентация на широкий круг читателей); формат описания (ориентация на разработчиков социальных практик), методология оценки (элементы для экспертов, которые помогают оценивать практику). Также сформулированы базовые понятия (доказательный подход, социальная практика, процесс, продукт и др.), описаны различные стратегии доказательного обоснования в зависимости от возраста практики (инновационные, пилотные, устоявшиеся), подробно изложены направления верификации (обоснованность, достижение результатов, сбор данных, регламентированность)

и т.д. Стоит подчеркнуть, что данная установка направлена не столько на саму разработку Стандарта, сколько на формирование у научного сообщества особой критической культуры, которую важно и нужно транслировать: в рамках обучения магистерских программ, курсов повышения квалификации, а также во взаимодействии со специалистами сферы детства, которые встают на путь доказательного подхода. Для формирования такой культуры необходимо включиться в «парадигмальный сдвиг», который открывает особую оптику и обеспечивает формирование рефлексивной позиции.

Еще одна установка, подмеченная экспертами по оценке, заключается в тактике выбора организациями-донорами практик, которых они выбирают для финансирования. Как показывает опыт, этот выбор чаще всего опирается на единственный привычный критерий — личную симпатию. Это приводит к тому, что другие, не менее хорошие практики, остаются незамеченными, и, более того, участники процесса действуют больше наощупь, не понимая, на какие социальные эффекты направлена деятельность практики, какова ее цель, как давно она ее реализует и какими данными оперирует для понимания результативности. Развитие культуры доказательности затрагивает всех участников процесса, любопытно будет узнать, как изменятся установки организаций-спонсоров в будущем.

Заключение

Благодаря прошедшей конференции удалось поднять и зафиксировать темы, запросы, установки всех сторон, включенных в развитие доказательного подхода в сфере детства на 2022 год (госсектор, специалисты-практики, академическое сообщество). План работы по доказательному подходу на следующий год с опорой на прозвучавшие на данной конференции тезисы призван оживить зафиксированные предложения и запросы в действиях.

Литература

1. Анонс научно-практической конференции «Результаты и проблемы внедрения доказательного подхода в сферу детства в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/project/261/events/1490> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Пост-релиз научно-практической конференции «Результаты и проблемы внедрения доказательного подхода в сферу детства в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/news/11594> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Видеозапись первого дня конференции (22 ноября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальная страница ФГБОУ ВО МГППУ в социальной сети «ВКонтакте». 2022. URL: https://vk.com/mgppu_official?z=video-38093474_456239357%2Fvideos-38093474 (дата обращения: 20.12.2022).
4. Видеозапись второго дня конференции (23 ноября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальная страница ФГБОУ ВО МГППУ в социальной сети «ВКонтакте». 2022. URL: https://vk.com/mgppu_official?z=video-38093474_456239358%2Fvideos-38093474%2Fpl_-38093474_-2 (дата обращения: 20.12.2022).

References

1. Anons nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rezultaty i problemy vnedreniya dokazatel'nogo podkhoda v sferu detstva v Rossii» [Elektronnyi resurs] [Announcement of the scientific-practical confer-

ence «Results and problems of implementation of evidence-based approach in the sphere of childhood in Russia»). *Ofitsial'nyi sait FGBOU VO MGPPU [Official website of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education]*, 2022. Available at: <https://mgppu.ru/project/261/events/1490> (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

2. Post-reliz nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rezul'taty i problemy vnedreniya dokazatel'nogo podkhoda v sferu detstva v Rossii» [Elektronnyi resurs] [Post-release of the scientific-practical conference “Results and problems of implementation of evidence-based approach in the sphere of childhood in Russia”]. *Ofitsial'nyi sait FGBOU VO MGPPU [Official website of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education]*, 2022. Available at: <https://mgppu.ru/news/11594> (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

3. Videozapis' pervogo dnya konferentsii (22 noyabrya 2022 g.) [Elektronnyi resurs] [Video recording of the first day of the conference (November 22, 2022)]. *Ofitsial'naya stranitsa FGBOU VO MGPPU v sotsial'noi seti “VKontakte” [Official page of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education in the VKontakte social network]*, 2022. Available at: https://vk.com/mgppu_official?z=video-38093474_456239357%2Fvideos-38093474. (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

4. Videozapis' vtorogo dnya konferentsii (23 noyabrya 2022 g.) [Elektronnyi resurs] [Video recording of the second day of the conference (November 23, 2022)]. *Ofitsial'naya stranitsa FGBOU VO MGPPU v sotsial'noi seti “VKontakte” [Official page of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education in the VKontakte social network]*, 2022. Available at: https://vk.com/mgppu_official?z=video-38093474_456239358%2Fvideos-38093474%2Fpl_-38093474_-2. (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Засимова Анастасия Валерьевна, психолог, ведущий аналитик Центра доказательного социального проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Information about the authors

Anastasiya V. Zasimova, psychologist, lead analyst Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Получена 14.12.2022

Принята в печать 21.12.2022

Received 14.12.2022

Accepted 21.12.2022

Индекс детского благополучия в России: актуальные вопросы, разработки и перспективы развития (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России»)

Меркуль И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

В настоящее время главной оценкой отношения государства к детям является степень обеспечения их благополучия. Утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 года № 122-р План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года (далее — План) определяет основные цели и задачи по обеспечению благополучия детей в Российской Федерации. План предусматривает организацию проведения научных исследований по оценке качества жизни детей, в том числе субъективного благополучия детей и подростков; разработку руководства по проведению оценки детского благополучия, инструментария оценки; сравнительного анализа уровня детского благополучия в России; оценку (рейтинга) детского благополучия субъектов Российской Федерации. В обзорной статье представлены основные тезисы международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России», состоявшейся 12 декабря 2022 года. Статья раскрывает имеющиеся вопросы, разработки и перспективы развития в сфере детского благополучия, включая российский опыт разработки индекса детского благополучия, проведение исследований в области субъективного благополучия несовершеннолетних.

Ключевые слова: благополучие детей, индекс детского благополучия, субъективное благополучие, Десятилетие детства.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение проведения и анализа оценки благополучия ребенка в Российской Федерации».

Для цитаты: Меркуль И.А. Индекс детского благополучия в России: актуальные вопросы, разработки и перспективы развития (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России») [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 139—147. DOI:10.17759/ssc.2022030210

Index of Child Well-being in Russia: Current Issues of Development and Development Prospects (Review of the Results of the International Scientific and Practical Conference “Prospects for the Introduction of the Index of Child Well-being in Russia”)

Irina A. Merkul

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

Currently, the main assessment of the state’s attitude to children is the degree of ensuring their well-being. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 122-r of January 23, 2021, the plan of the main activities carried out within the framework of the Decade of Childhood for the period up to 2027 (hereinafter referred to as the plan) defines the main goals and objectives for ensuring the well-being of children in the Russian Federation. The plan provides for the organization of scientific research to assess the quality of life of children, including the subjective well-being of children and adolescents; development of guidelines for the assessment of child well-being, assessment tools; comparative analysis of the level of child well-being in Russia; assessment (rating) of child well-being of the subjects of the Russian Federation. The review article presents the main theses of the international scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” held on December 12, 2022. The article reveals the existing issues, developments and prospects for development in the field of child well-being, including the Russian experience of developing a child well-being index, conducting research in the field of subjective well-being of minors.

Keywords: graduates of organizations for orphans, graduates of foster families, readiness for independent life, criteria, assessment of readiness, psychodiagnostic approach, behavioral approach, competence approach.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 “Scientific and methodological support for conducting and analyzing the assessment of child welfare in the Russian Federation”.

For citation: Merkul I.A. Index of child well-being in Russia: current issues of development and development prospects (review of the results of the international scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia”). *Social’ny’e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 139—147. DOI:10.17759/ssc.2022030210 (In Russ.).

Введение

Международная научно-практическая конференция «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России» прошла 12 декабря 2022 года в Москве. Ее организаторами выступили Минпросвещения России и ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» при поддержке некоммерческих благотворительных фондов, вузов, рабочей группы «Защита детей, оставшихся без попечения

родителей» при Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства.

Председателем и сопредседателем программного комитета конференции выступили соответственно Рубцов Виталий Владимирович, президент МГППУ, академик РАО, член Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства и Семья Галина Владимировна, профессор МГППУ, член Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства.

Конференция прошла в очно-заочном формате, ее участниками стали преподаватели российских вузов, представители государственных и негосударственных организаций системы образования и социальной защиты, специалисты сферы защиты прав и интересов детей. Всего более 1800 человек приняли участие в онлайн-мероприятии, спикерами которого были представители научного сообщества России, Республики Беларусь, Узбекистана, Алжира и Чили.

Основные идеи выступлений и дискуссий участников

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М.А. Львова—Белова, которая отметила, что задачи в сфере детства должны основываться на актуальной статистике, в которой особое место занимает голос самого ребенка. Индекс детского благополучия должен отражать реальное положение детей и фиксировать проблемы, которые еще не стали комплексными. Системный анализ качества жизни детей на основе индекса детского благополучия позволит повысить эффективность реализации плана мероприятий Десятилетия детства в Российской Федерации.

Советник отдела стратегических программ в сфере защиты детей Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Минпросвещения России А.Ж. Бесланеев в своем обращении подчеркнул, что тема детства касается разных сфер нашей жизни и является одной из основных задач государственной политики. Органы исполнительной власти должны вырабатывать общие и согласованные научно обоснованные подходы для комплексной оценки качества жизни каждого ребенка во взаимосвязи с благополучием его родителей, семьи в целом и среды. Разработка системы оценки благополучия детства на основе объективных и субъективных данных, учитывающих мнение самих детей, напрямую связана с планом Десятилетия детства и позволит проводить независимую оценку мероприятий в сфере детства.

Руководитель Рабочей группы «Защита детей, оставшихся без попечения родителей», заместитель председателя Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Ю.К. Зимова, приветствуя участников конференции, коснулась вопросов исследования мер поддержки семей с детьми, которое в 2021 году проводила Общественная палата Российской Федерации, результаты которого отражают мнение детей о том, какие темы важны для них самих, а именно: качество и разнообразие школьного питания, возможность пользоваться банковскими картами, взаимоотношения с родителями, учителями, ровесниками и вопросы безопасности. Сегодня повестка оценки благополучия детей расширяется, и это связано с положением детей, проживающих в новых регионах Российской Федерации.

Доктор психологических наук, академик РАО, вице-президент Российской академии образования Л.А. Цветкова обратила внимание участников конференции на то, что

сегодня наука становится механизмом реализации плана Десятилетия детства в России, что подтверждается современными исследованиями Российской академии образования. Лариса Александровна подчеркнула, что сегодня все еще недостаточно исследований, посвященных проблемам благополучия семей с детьми, развития инфраструктуры детства, а также отметила, что в перспективе исследования в сфере детства должны носить межведомственный и междисциплинарный характер поиска комплексной оценки объективных и субъективных индикаторов оценки качества жизни детей, а также учитывающих контекст условий их жизни.

Г.В. Семья выступила с докладом на тему «Индекс детского благополучия как инструмент оценки качества жизни детей», в котором представила Концепцию оценки благополучия детей в Российской Федерации, ее цель и задачи, раскрывающие логику построения индекса детского благополучия. В своем выступлении Галина Владимировна коснулась истории международной практики оценки качества жизни детей, затем представила российский опыт разработки модели индекса детского благополучия с 2011 года, отметив важность этапа подключения в 2018 году к проводимым самостоятельным исследованиям научных команд МГППУ и Тюменского государственного университета, а также с 2021 года команды специалистов МГУ им. Ломоносова и РАНХиГС. «Каждое из исследований имеет свою архитектуру формирования индекса детского благополучия, но результаты по многим показателям пересекаются. Модель индекса детского благополучия, разрабатываемая научной командой МГППУ, состоит из 4 объективных (формальных) доменов «Здоровьесбережение», «Благополучие семей с детьми», «Развитие, образование, воспитание», «Безопасность жизнедеятельности», включающих 55 показателей, и домена «Субъективное благополучие». Индекс детского благополучия рассчитывается с использованием метода z-оценок». Участникам конференции были представлены результаты апробации индекса детского благополучия, проведенной в 15 субъектах Российской Федерации.

Об итогах исследования «Результаты оценки субъективного благополучия детей особо уязвимых категорий обучающихся: предикторы и мишени» рассказала В.Н. Ослон (ФГБОУ ВО МГППУ) и представила операциональную модель, инструментарий оценки субъективного благополучия несовершеннолетних и результаты проведенной работы. Оценка проводилась в соответствии с авторской концепцией по 12 выделенным субдоменам. Исследование проходило в 2021—2022 гг., выборка составила 14809 подростков 13—17 лет, в том числе относящихся к особо уязвимым категориям обучающихся (дети с ОВЗ и инвалидностью, дети-сироты, мигранты, дети, проживающие в труднодоступных местностях, и др.) из 16 регионов России. Полученные результаты детально проанализированы для двух основных сфер жизни подростка: школа и семья подростка.

Э.Ш. Гарифулина, программный директор Благотворительного фонда «Абсолют — Помощь» представила «Обзор международного опыта оценки благополучия детей», выделив подходы ЮНИСЕФ и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) к пониманию «благополучия» ребенка. Спикер отметила, что все национальные модели индекса детского благополучия основаны на концепции прав детей и зависят от национальных особенностей отношения к детству. В завершение выступления Эльвира Шамильевна сделала акцент на том, что проведение оценки благополучия ребенка невозможно без учета мнения самого ребенка и всего системного контекста, в который несовершеннолетний включен.

Группой исследователей Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка под руководством директора Н.В. Дроздовой представлены результаты проекта «Формирование дружественной и поддерживающей образовательной среды в учреждениях общего образования — профилактика буллинга в школе». Спикерами выступили В.Е. Морозов и А.В. Музыченко. Они отметили, что проект реализуют с 2020 г. по 2025 г., и на сегодняшний день в нем участвуют 30 школ, свыше 13000 учащихся. Взаимоотношения ребенка в школьной среде со сверстниками и учителями относятся к неотъемлемой части оценки детского благополучия, в связи с чем в рамках проекта исследуется показатель благополучия групповых отношений школьников, определяются факторы, способствующие доверию, открытому диалогу в школе и снижению вероятности травли.

На конференции был представлен российский опыт создания системы индексов детского благополучия в партнерстве с Благотворительным фондом Елены и Геннадия Тимченко, Росстатом, МГУ им. Ломоносова и РАНХиГС.

И.Е. Калабихина (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила с докладом на тему «Создание статистического Индекса Детского благополучия и опыт гармонизации результатов субъективного и статистического индексов», в котором автор перечислила принципы построения индексов детского благополучия. Элементами системы индексов детского благополучия в представленной модели являются «Статистический индекс детского благополучия», разработанный МГУ им. М.В. Ломоносова и включающий 27 официальных статистических показателей, «Субъективный индекс детского благополучия», разработанный РАНХиГС и состоящий из 18 показателей, учитывающих мнение детей, и «Общий индекс детского благополучия», объединяющий индексы МГУ и РАНХиГС по единой методологии z-оценок. Система субиндексов детского благополучия состоит из четырех доменов — «Здоровье», «Развитие», «Материальное благополучие», «Безопасность» и позволяет анализировать получаемые результаты четырех типов: конечные результаты, промежуточные результаты, семейное окружение и другие условия среды проживания ребенка, бюджет всех уровней для детей. По мнению авторов, предлагаемая система индексов и субиндексов позволяет измерить детское благополучие в разных ракурсах, видеть разные грани благополучия ребенка:

- статистическую и субъективную оценку благополучия в перспективе и общий индекс;
- благополучие в области здоровья, материального благополучия, безопасности, развития;
- успехи взрослых в конечных или промежуточных индикаторах благополучия детей, в улучшении среды обитания детей или в уровне финансирования и бюджетирования политики для детей;
- благополучие детей в регионе, в муниципалитете, в школе; благополучие в сравнении со среднероссийскими данными или благополучие в отрыве от такого сравнения.

Участникам конференции были озвучены результаты апробации статистического индекса детского благополучия, проведенной в г. Москве (2020 г.) и Ленинградской области (2018—2020 гг.).

Д.М. Рогозин (РАНХиГС) и А.А. Ипатова (ИНСАП РАНХиГС) в своем выступлении продолжили представление модели системы индексов детского благополучия. Исследователи описали структуру субъективного индекса детского благополучия, состоящего из 6 доменов: «Образование», «Здоровье», «Материальное положение», «Безопасность»,

«Социальные отношения» и «Самореализация», включающих 18 показателей, и представили формулу для расчета индекса, с помощью которой можно выделить территории: неблагополучные, с низким уровнем благополучия, со средним уровнем, благополучные и сверхблагополучные. Оценка субъективного благополучия детей в данном исследовании проводилась с использованием метода онлайн-опроса детей и родителей. В анкетировании приняли участие около 133 тыс. детей и более 100 тыс. взрослых в 8 регионах России.

Завершающим по этой тематике было выступление Э.О. Илларионовой (Благотворительный Фонд Елены и Геннадия Тимченко), которая рассказала участникам конференции о перспективах развития проекта «Индекс детского благополучия» как управленческого инструмента: принятие решений в сфере детства на основе доказательного подхода. Благотворительный Фонд Тимченко с 2018 года развивает и поддерживает формирование методологии индекса детского благополучия в России и проведение исследований научными командами МГУ им. М.В. Ломоносова и РАНХиГС. В своем сообщении спикер указала направления развития проекта, в числе которых сотрудничество с региональными аналитическими центрами, формирование практических рекомендаций профильным ведомствам (министерствам), разработка программ в области детского благополучия на основе доказательного подхода, встраивание индекса детского благополучия в отчетные, нормативно-правовые документы и необходимость представления результатов исследования детской аудиторией. Фонд в будущем планирует поддерживать лучшие практики, сформированные по результатам анализа данных, полученных в ходе исследования индекса детского благополучия; поддерживать мероприятия по обмену опытом среди регионов-участников с привлечением экспертов; создавать стажировочные площадки для работы в рамках доказательного подхода, а также оказывать поддержку дополнительных исследований, которые сформированы на базе индекса детского благополучия.

Группой исследователей ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень) представлена тема «Баланс в структуре как фактор субъективного благополучия у старших школьников». Спикером выступила Ж.Ю. Брук. Данное исследование проводилось на 3282 учащихся 7—11-х классов Тюменской области в марте-мае 2022 года, целью было изучить структуру субъективного благополучия через сопоставление актуального и реального уровней его оценки подростками. Используемый авторами опросник включает факторы «семья», «школа», «агентность», «статусность», «социальная лояльность», «защищенность», «здоровье», «романтика» и состоит из 47 индикаторов субъективного благополучия. Результаты и проведенный анализ оценки актуального и реального уровней субъективного благополучия старшеклассниками позволили выделить три кластера — «бунтари», «конформисты» и «романтики» и проанализировать структуру их субъективного благополучия. Анализ весовых коэффициентов актуального и реального уровней субъективного благополучия в трех кластерах показал, что более удовлетворенными и благополучными являются те подростки, у кого структура всех факторов гармонично соотносена.

Русакова Майя Михайловна (СПбГУ), научный руководитель социологической клиники прикладных исследований выступила с темой «Презентация результатов Всероссийского социологического исследования “Подростки 360”» и представила результаты исследования, проведенного с подростками — 136438 чел., родителями подростков — 123870 чел., педагогами — 41299 чел., специалистами — 14052 чел. в рамках проекта Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации в 2022 г.

Дизайн исследования включает вопросы различных сфер жизни типичного подростка: «образование», «подростки в интернете», «образ будущего», «субъективная оценка благополучия», «направления развития системы работы с подростками». Исследователи пытались ответить на вопросы: «в чем состоят трудности 14—17-летних подростков?», «в чем их потребности?», «каким подростки видят образ своего будущего, и что препятствует оказанию помощи подросткам со стороны взрослых?». Полученные результаты дают возможность специалистам рассматривать современного подростка как представителя особой возрастной группы, которая нуждается в программах и мероприятиях в сфере образования и досуга, рассчитанной на данную категорию, а также увидеть основные барьеры в реализации программ по работе с подростками. Одним из барьеров, по мнению исследователей, между специалистами по работе с подростками и ребятами является возрастной и цифровой разрыв, который влияет на реализацию программ для подростков. К факторам, благоприятно влияющим на эффективность мероприятий для детей, особенно этого возраста, относится учет детского мнения и привлечение самих ребят к разработке программ.

Блок международных исследований открыл Международный проект по изучению субъективного благополучия детей «Детский Мир» (Children's Worlds: The International Survey of Children's Well-Being (Wave 3)), который был представлен командой специалистов из России, Алжира и Чили.

Ж.Ю. Брук в своем выступлении презентовала исследование, цель которого — сбор достоверных и репрезентативных данных о повседневной жизни детей, их времяпрепровождении, а также об их собственном восприятии и оценке благосостояния для улучшения благополучия детей, путем повышения осведомленности самих детей, их родителей, специалистов и широкого круга заинтересованных лиц. Структура опросника включает разделы: «школа», «друзья», «дом и семья», «о себе», «материальное благополучие», «субъективное благополучие», «район проживания», «свободное время» и «права детей». Спикер озвучила итоги исследования детей, для которых наиболее значимым фактором субъективного благополучия стало благополучие в семье, а факторами с наиболее низкими показателями удовлетворенности стали учет мнения детей родителями при принятии решений и удовлетворенность школой.

Следующий участник данного международного проекта, координатор российской команды исследователей Хабиб Тилиун (prof. Dr. Habib Tiliouine, University of Oran, Algeria) представил участникам конференции результаты международного исследования в сравнении ответов алжирских детей с ответами ребят — представителей других стран. Так, алжирские дети достаточно высоко оценивают уровень удовлетворенности школьной/студенческой жизнью и взаимоотношениями в семье, у них невысокий уровень удовлетворенности условиями безопасности, взаимоотношениями со сверстниками и материальным благополучием.

В завершение выступления по международному проекту «Детский Мир» исследователи из Чили Фернандо Рейес (Fernando Reyes, Universidad del Desarrollo) и Хорхе Дж. Варела (Jorge J. Varela, Universidad del Desarrollo) представили результаты исследования мнения детей об их благополучии в период пандемии COVID-19.

Так, пандемия COVID-19 разнообразным образом повлияла на жизнь и благополучие детей. Во всех странах дети сообщали о значительно более низком уровне общего благополучия и счастья, чем до нее. Факторы позитивного воздействия (счастье, спокойствие и высокий уровень энергии) показали более низкие баллы, а факторы негативного

воздействия (грусть, стресс и скука) показали более высокие баллы во время пандемии. Изучение последствий влияния пандемии на благополучие детей следует продолжать, так как долгосрочные последствия пандемии для различных аспектов жизни детей все еще неизвестны.

Также на международной конференции были представлены доклады на темы:

«Индекс дружелюбности города к семье и детям» (Я.А. Скрыбина, Республика Башкортостан, Россия);

«Деинституционализация в системе опеки детей, оставшихся без попечения родителей, в Узбекистане: достигнутые результаты, извлеченные уроки и перспективы» (Д. Хусанова, Республика Узбекистан).

Наряду с выступлениями докладчиков интерес участников вызвал анализ видеосюжетов «О благополучии подростков и молодых взрослых» с обсуждением подростками типичных жизненных ситуаций и вариантов конструктивного их разрешения, представленный Т.О. Арчаковой (Благотворительный детский фонд «Виктория»).

В завершающей части конференции И.А. Меркуль был описан портрет современного подростка на основе презентованных на конференции результатов исследований.

Заключение

Результаты исследований, представленные на конференции, можно рекомендовать к использованию представителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и всем заинтересованным лицам для изучения благополучия детей (качество жизни) с целью оценки эффективности региональной политики в сфере защиты детства с учетом объективного индекса детского благополучия и программ, реализуемых организациями, учитывая субъективное благополучие детей. Индекс детского благополучия можно применять как инструмент мониторинга достижения целей и результатов, обозначенных в Плане основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года, в масштабах всей страны.

Участники международной научно-практической конференции подвели итоги и наметили перспективы дальнейших исследований по вопросам разработки и внедрения индекса детского благополучия в России.

Литература

1. Анонс научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/events/1507> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Пост-релиз научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/news/11710> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Видеозапись конференции (12 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: https://drive.google.com/file/d/1MbIL5PFkQl0WGwXC75aAVFukFsna6snD/view?usp=share_link (дата обращения: 20.12.2022).

References

1. Announcement of the scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” [Electronic resource]. Official website of the Moscow State University

of Psychology & Education, 2022. Available at: <https://mgppu.ru/events/1507>. (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

2. Post-release of the scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” [Electronic resource]. Official website of the Moscow State University of Psychology & Education, 2022. Available at: <https://mgppu.ru/news/11710> (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

3. Video recording of the conference (December 12, 2022) [Electronic resource]. Official website of the Moscow State University of Psychology & Education, 2022. Available at: https://drive.google.com/file/d/1MbIL5PFkQI0WGwXC75aAVFukFsna6snD/view?usp=share_link(Accessed 20.12.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Меркуль Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

Information about the authors

Irina A. Merkul, PhD in Psychology, Senior lecturer, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

Получена 20.12.2022

Принята в печать 25.12.2022

Received 20.12.2022

Accepted 25.12.2022

Актуальные вопросы, результаты и перспективы развития исследований международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры» (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России»)

Брук Ж.Ю.

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»),
г. Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Телицына А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

В статье представлены результаты исследований, проведенных в Алжире и Чили в рамках международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры», основные тезисы которых были отражены на международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России», состоявшейся 12 декабря 2022 года в г. Москве.

Ключевые слова: благополучие детей, индекс детского благополучия, субъективное благополучие, пандемия COVID-19.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение проведения и анализа оценки благополучия ребенка в Российской Федерации».

Для цитаты: Брук Ж.Ю., Телицына А.Ю. Актуальные вопросы, результаты и перспективы развития исследований международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры» (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России») [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 148—158. DOI:10.17759/ssc.2022030211

Current issues, results and prospects for research development of the “Children’s Worlds”: The International Survey of Children’s Well-Being (Review following the Results of the International Research and Practical Conference “Prospects for the Introduction of the Index of Child Well-being Index in Russia”)

Zhanna Yu. Bruk

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Alexandra Yu. Telitsyna

National Research University HSE, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

The article presents the results of research conducted in Algeria and Chile within the framework of the international project on the study of children’s subjective well-being “Children’s Worlds”, the main theses of which were presented at the international scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” held on December 12, 2022 in Moscow.

Keywords: child well-being, child well-being index, subjective well-being, COVID-19 pandemic.

Funding. The study was carried out within the framework for the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 “Scientific and methodological support for conducting and analyzing the assessment of child welfare in the Russian Federation”.

For citation: Bruk Zh.Yu., Telitsyna A.Yu. Current issues, results and prospects for research development of the “Children’s Worlds”: The international Survey of Children’s Well-Being (Review following the Results of the International Research and Practical Conference “Prospects for the Introduction of the Index of Child Well-being Index in Russia”). *Social’ny’e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 148—158. DOI:10.17759/ssc.2022030211 (In Russ.).

Введение

На международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России», которая прошла 12 декабря 2022 года в Москве, иностранными исследователями из Алжира и Чили были презентованы результаты исследований благополучия детей, реализованных в своих странах в рамках международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры» (Children’s Worlds: The International Survey of Children’s Well-Being) [1; 3; 4].

Международный проект по изучению субъективного благополучия стартовал в 2009 г., его уникальность состояла в попытке «услышать голоса детей», поскольку дети являются хорошими источниками информации о своей жизни и благополучии. Центральное

место в исследовательском проекте занимает концепция «благополучия», заключающаяся в когнитивном и аффективном восприятии и оценке детьми своей жизни в целом и конкретных ее аспектов. Умение слушать (услышать) голоса детей помогает детям реализовывать свое основное право — иметь собственное мнение и высказывать его.

Сегодня любая страна может присоединиться к проекту и использовать уже накопленный опыт в оценке субъективного благополучия детей. Согласно условиям проекта, целевая группа информантов — дети 8, 10 и 12 лет, не менее 1000 респондентов в каждой возрастной группе выборки. Всего с начала существования проекта было реализовано 3 волны исследований, после которых руководителями проекта на его сайте публиковались отчеты каждой из стран-участниц проекта, а также сводный сравнительный международный отчет. В ходе реализации исследования постоянно анализировался опросник: дополнялся новыми вопросами; вопросы, которые не несли смысловой нагрузки или представляли непрезентативные данные, исключались. Дополнительно к трем волнам исследования, реализованным с 2009 по 2019 годы, в 2021 году проведено исследование благополучия детей в период пандемии коронавирусной инфекции.

Чем алжирские дети отличаются от других детей по всему миру? Исследование благополучия детей

Участник проекта и координатор команды исследователей из Алжира Хабиб Тилиуин (prof. Dr. Habib Tiliouine, University of Oran, Algeria) представил участникам конференции результаты ответов алжирских детей в сравнении с ответами ребят-представителей других стран [3].

В рамках исследования обозначены следующие практические задачи:

1. Использовать данные исследований благополучия, чтобы определить сферы жизни, в которых алжирские дети испытывают наибольшее удовлетворение.
2. Определить области, в которых алжирским детям следует оказывать дополнительную помощь.
3. Информировать общественность, исследователей и политиков о полученных данных, тем самым способствуя улучшению качества жизни детей.

Выборка исследования: дети в возрасте 8, 10 и 12 лет, не менее 1000 информантов от каждой возрастной группы.

Методика: опросник для выявления базовой информации (социально-демографические данные), опросники по разделам: дом и семья, друзья и отношения со сверстниками, школа, район проживания, деньги и материальное благополучие, времяпрепровождение (отдых и увлечения), самооценка, общее благополучие и права детей.

Исследователи определились с выборкой и кластерами, перевели опросники с английского языка на родной язык ребенка, провели оценку на предмет ясности понимания вопросов ребенком и безопасности/экологичности этих вопросов. Получены официальное разрешение Управления образования на проведение исследования, согласие на участие со стороны руководителей школ, учителей, родителей и самих детей. Подготовленные анкеты в соответствии с возрастом детей были распечатаны и распределены на занятиях в школе. Также были подготовлены информационно-консультативные материалы для учителей и родителей для использования по мере необходимости.

Результаты исследования материального благополучия:

1. Детская бедность, независимо от того, определяется ли она в относительном или абсолютном выражении, снижает качество жизни ребенка. Выявлено около

- 15000 «теневого зон», в которых 8,5 миллионов человек живут за чертой бедности, то есть около 20 % населения (данные 2019 года).
- Около 2/3 детей сообщили, что у них нет собственной комнаты, они делят ее с другими членами семьи [7; 9; 10]. Для сравнения, в Тюменской области 43 % детей не имеют своей комнаты.
 - 6,3 % детей делят спальное место с другими членами семьи, 16,7 % не имеют кровати [9], в основном на юге в провинции Эль-Баядх, где 38,2 % детей спят на полу.
 - 19 % детей не имеют в доме/квартире тихого места, где они могли бы выполнять домашние задания. По данным исследования российских коллег, в Тюменской области детей такой категории насчитывается 16 % [2].
 - Выявлены различия между мальчиками и девочками: мальчики чаще, чем девочки, имеют мобильный телефон, отдельную спальню и незначительно больший доступ к интернету. По данным Ж.Ю. Брук, в Тюменской области дети более удовлетворены своим материальным благополучием (94,1 % детей сообщили, что у них есть мобильный телефон) [2].
 - С возрастом удовлетворенность детей имеющимися у них вещами значительно снижается [12].

Результаты исследования жизни ребенка в семье.

Семейный климат, в котором растут дети, оказывает глубокое влияние на их психическое здоровье и личное благополучие (Robila & Taylor, 2018; Flaquer, 2014; Gilman & Huebner, 2003). Семьи в Алжире большие по размеру: в среднем 4,9 человека на домохозяйство, согласно результатам опроса MICS 6 (MSPRH, UNICEF & UNFPA, 2020). ISCWeB обнаружил, что только 2-3 % детей заявили о том, что:

- не живут со своими семьями (0,6 %);
- жили в замещающих семьях (1,9 %).

У 26 % алжирских детей есть бабушки и дедушки, живущие с ними, что, например, намного больше, чем в Великобритании (5 %), но меньше, чем в Непале (61 %), Южной Африке и Румынии (35 %). Кроме того, 86 % детей в Алжире сообщили, что у них есть братья и сестры, живущие с ними, что соответствует тому же показателю, что в Эфиопии и Турции [5].

Последующее исследование [12] показало, что в возрасте от 12 до 14 лет удовлетворенность жизнью в семье оставалась достаточно стабильной у мальчиков, но у девочек значительно снижалась наряду с удовлетворенностью использования свободного времени и материальным благополучием.

Результаты исследования жизни ребенка по категории «друзья и сверстники».

В Алжире дети менее удовлетворены дружескими отношениями, но имеют более высокий уровень удовлетворенности своими отношениями в целом. Это несоответствие не было обнаружено в других странах-участниках, за исключением Колумбии. Дети в Норвегии, Испании, Турции и России неизменно получают высокие баллы по категории «дружеские отношения», но Южная Корея, Южная Африка, Эфиопия, Непал и Алжир стабильно занимают низкие позиции.

Доля детей, которые совсем не были удовлетворены своими дружескими отношениями (менее пяти по 10-балльной шкале), варьировала от 0,8 % в Тюмени, 1 % в Албании и Хорватии до примерно 20 % как в Шри-Ланке, так и во Вьетнаме (в Алжире она составила 7 %).

В будущих исследованиях следует учитывать, что именно говорят родители своим сыновьям и дочерям, когда они идут в школу; какой тип взаимодействия поощряется в школах; как школа выстраивает свою позицию в отношении буллинга и издевательств внутри детских коллективов; насколько распространены в школах буллинг и травля в детской среде.

Похоже, что с возрастом ожидания детей от своих друзей и отношений с ними меняются, что приводит к снижению удовлетворенности этими отношениями. Помощь детям в приобретении социальных навыков и понимании урегулирования межличностных конфликтов в раннем возрасте поможет им развить здоровые отношения в будущем.

Результаты исследования школьного благополучия ребенка.

Результаты показывают, что по сравнению с другими странами алжирские дети занимают самую высокую позицию по показателям удовлетворенности школьным опытом. Это, как правило, совпадает с данными, полученными в большинстве изученных развивающихся стран. Нельзя не исключать возможность того, что многие дети рассматривают школы как место для встреч и веселья, общения и игр друг с другом из-за отсутствия доступных игровых площадок, мест для отдыха и возможностей встречаться в других местах. Выполнение домашней работы, забота о членах семьи и помощь по дому — наиболее распространенные занятия для алжирских детей в свободное время. Между тем организованные мероприятия и занятия спортом относительно редки [7; 9; 10]. Качество школьных программ и достижение целей обучения должны регулярно подвергаться проверке и тщательному контролю компетентных учреждений.

Результаты исследования удовлетворенности районом проживания.

В Алжире безопасность на местном уровне не была высоко оценена детьми. Например, только 59 % детей отметили высокую степень удовлетворенности своим районом проживания в группах 10 и 12 лет в третьей волне исследований (2016—2019 гг.) [9], а во второй волне процент составлял 57,8 % [7; 10]. По сравнению с другими странами в третьей волне алжирские дети заняли 32-е место (из 35 стран) [6], а во второй — 11-е место (из 15 стран) [5]. Эти результаты нуждаются в дальнейшем изучении и анализе.

Только 1 ребенок из 4 не полностью согласен с тем, что он/она чувствует себя в безопасности, когда гуляет в своем районе. Возможно, это связано с недавними широко распространенными исчезновениями и похищениями детей.

Таблица 1

Что больше всего приносит удовлетворение, а что — нет?

Страна	Что больше всего приносит удовлетворение	Что менее всего приносит удовлетворение
Албания	Одноклассники	Район проживания
Алжир	Школьная жизнь	Район проживания
Бангладеш	Школьная жизнь	Здоровье
Бельгия	Имущество	Школьная жизнь
Бразилия	Обучение	Безопасность
Чили	Будущее	Район проживания
Хорватия	Свобода	Район проживания
Эстония	Район проживания	Обучение

Страна	Что больше всего приносит удовлетворение	Что менее всего приносит удовлетворение
Финляндия	Учет мнения ребенка	Школьная жизнь
Франция	Район проживания	Учет мнения ребенка
Германия	Свобода	Район проживания
Греция	Внешность	Имущество
САР Гонконг	Безопасность	Свободное время, хобби
Венгрия	Будущее	Школьная жизнь
Индия	Школьная жизнь	Свобода
Индонезия	Школьная жизнь	Дом
Израиль	Свобода	Обучение
Италия	Здоровье	Будущее
Малайзия	Район проживания	Одноклассники
Мальта	Внешность	Свобода
Намибия	Школьная жизнь	Одноклассники
Непал	Школьная жизнь	Внешность
Норвегия	Свобода	Свободное время, хобби
Польша	Будущее	Школьная жизнь
Румыния	Свобода	Одноклассники
Россия	Район проживания	Школьная жизнь
Южная Африка	Школьная жизнь	Одноклассники
Южная Корея	Одноклассники	Внешность
Испания	Одноклассники	Школьная жизнь
Шри-Ланка	Школьная жизнь	Район проживания
Швейцария	Район проживания	Обучение
Тайвань	Безопасность	Свободное время, хобби
Великобритания (Англия)	Имущество	Внешность
Великобритания (Уэльс)	Свобода	Внешность
Вьетнам	Учет мнения ребенка	Друзья

Результаты исследования общего благополучия ребенка

Исходя из среднего показателя, алжирские дети занимают довольно высокую позицию среди других детей мира по уровню удовлетворенности жизнью. Однако некоторые специфические особенности связаны с неожиданно большим процентом менее удовлетворенных детей в этой стране [5], быстрым и значительным снижением показателей удовлетворенности с возрастом [8; 11] и более высокими показателями неудовлетворенности девочек по сравнению с мальчиками. Эти аспекты заслуживают дальнейшего детального изучения в будущем.

Субъективное благополучие детей в Чили в международном контексте до и во время пандемии COVID-19

Исследователи из Чили Фернандо Рейес (Fernando Reyes, Universidad del Desarrollo) и Хорхе Дж. Варела (Jorge J. Varela, Universidad del Desarrollo) представили результаты исследования мнения детей об их благополучии до пандемии и того, как изменилась ситуация в период пандемии COVID-19 [3].

Исследование «Детские Мирь» является крупнейшим и всеобъемлющим глобальным исследованием детства (включая мнения самих детей), в Чили его начали проводить в 2009 году с небольшого пилотного проекта без финансирования. Далее было реализовано три волны исследования при поддержке Фонда Джейкобса.

Центральное место в исследовании занимало понятие «счастье», насколько дети считают себя счастливыми и благополучными.

За 2 года до пандемии были получены следующие результаты:

- в Чили процент детей в возрасте 10-ти лет с низким уровнем благополучия составил 5,4 %, а в возрасте 12 лет — 9,2 %;
- в России (Тюменская область) процент детей с низким уровнем благополучия составил: в возрасте 10-ти лет — 6,8 %, в возрасте 12-ти лет — 9,8 %.

И если на выборке детей 12-ти лет разница между показателями Чили и России минимальна, то в возрасте 10-ти лет наблюдается существенный разрыв.

Дополнительное исследование мнения детей о своей жизни и благополучии в период COVID-19 выявило тревогу и страх за свою жизнь и жизнь своих близких.

В выборку вошли дети 10-14-ти лет, из них 805 девочек, 832 мальчика и 51 ребенок, не указавший свой пол (табл. 2).

Таблица 2

Выборка информантов

Возраст	Девочка	Мальчик	Я не думаю о себе как о мальчике/девочке	Итого (%)
10 лет	153	136	8	297 (17,6)
11 лет	265	292	17	574 (34)
12 лет	259	240	16	515 (30,5)
13 лет	105	132	9	246 (14,6)
14 лет	23	32	1	56 (3,3)
	805 (47,7)	832 (49,3)	51 (3)	1688 (100)

Сбор данных проводился при помощи онлайн-опроса (Survey Monkey) — 94,7 %, очного заполнения — 5,3 %. В опросе принимали участие только дети из трех крупных городов, включая столицу [3].

Детей просили описать, что они испытывали в связи с введением ограничительных мер по нераспространению коронавирусной инфекции, и как изменилась их жизнь по трем критериям: «в моем городе каждый человек был подвержен локдауну, и люди в течение долгого времени не могли выходить на улицу»; «я должен был находиться дома и не выходить на улицу в течение длительного времени»; «я не мог ходить в школу в течение очень длительного времени».

Полученные данные свидетельствуют о том, что в Чили процент детей, на которых оказали влияние ограничительные меры, по всем трем критериям выше, чем в России (рис. 1).

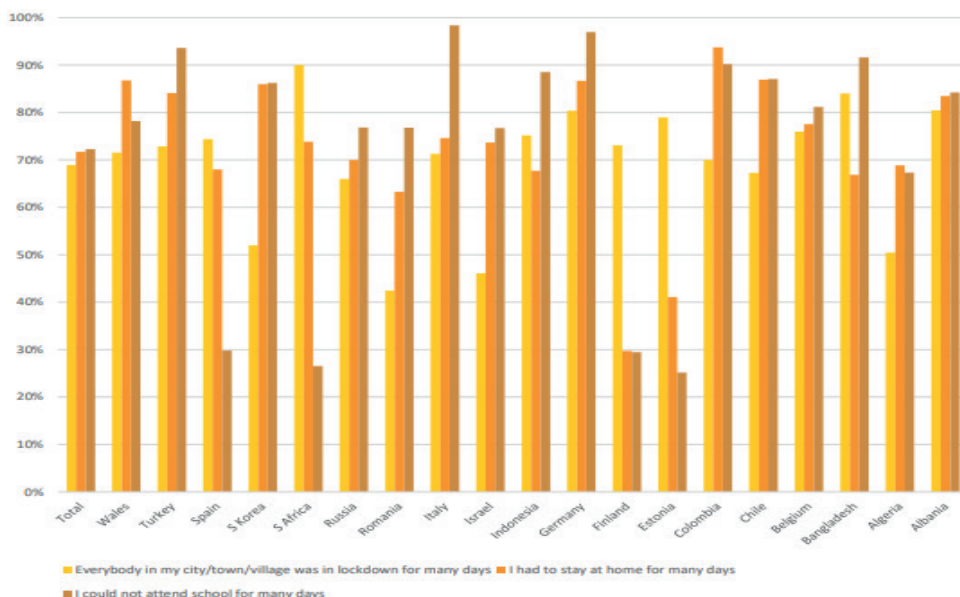

Рис. 1. Описание ситуации в период пандемии коронавирусной инфекции

При изучении угрозы жизни и здоровью ребенка, которую привнесла пандемия, детям были заданы вопросы, касающиеся ощущения безопасности и защищенности. Для наглядности распределения полученных результатов была использована шкала Лайкерта. Результаты по Чили и России получены примерно одинаковые. Так, в Чили процент детей, которые полностью согласны с тем, что находятся в безопасности, составил 33 %, а в России — 36 %, процент абсолютно несогласных: в Чили — 13 %, в России — 12 % [3].

Вопрос о свободном времяпрепровождении, отдыхе и хобби являлся одним из ключевых. Детей попросили описать, насколько ограничительные меры повлияли на их досуг. Были получены сходные данные по Чили и России, где не было обнаружено такого резкого снижения уровня благополучия, как, например, в Германии или Турции (рис. 2).

Результаты исследования жизни ребенка по категории «друзья и сверстники» показали, что своими взаимоотношениями не удовлетворены: Чили (до пандемии — 13,24 %; во время — 24,44 %), Россия (до пандемии — 15,53 %; во время — 25,68 %).

Основные выводы

Пандемия COVID-19 повлияла на жизнь и благополучие детей. Во всех странах дети сообщали о значительно более низком уровне общего благополучия и счастья во время пандемии по сравнению с жизнью до пандемии. Исследователи подчеркивают, что на показатели не влияют такие факторы, как континент нахождения страны, исторические и культурологические особенности. Факторы позитивного воздействия (счастье, спокойствие и высокий уровень энергии) показали более низкие баллы, а факторы негативного воздействия (грусть, стресс и скука) — более высокие баллы во время пандемии, чем до пандемии. Долгосрочные последствия пандемии для различных аспектов жизни детей все еще неизвестны.

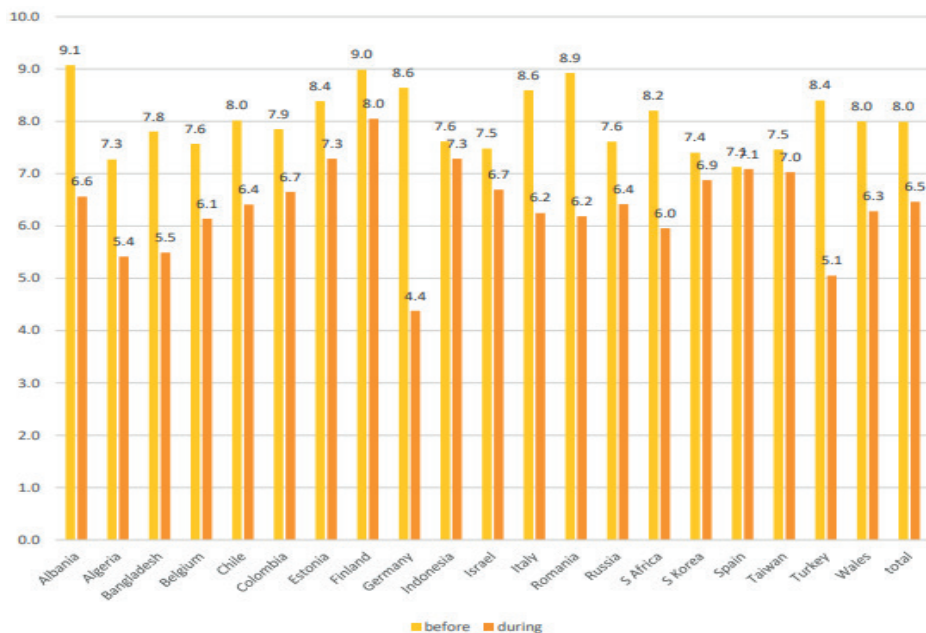

Рис. 2. Как пандемия повлияла на свободное времяпрепровождение ребенка

Заключение

Изучение субъективного благополучия детей в России в контексте Десятилетия детства началось несколько лет назад. Представленные иностранными участниками доклады вызвали большой интерес и спровоцировали дискуссию; у исследователей возникло много вопросов по поводу доменов, критериев, показателей, инструментария. Всех иностранных участников объединяет участие в международном проекте «Мир Детства», а это предполагает единые опросники и процедуры — основания для сравнения и выводов. Поэтому изучение иностранного опыта стран, хоть и отличающихся от России системой образования, уровнем социальной защиты, культурными традициями, всегда представляет интерес — ведь изучается внутренний мир ребенка, а психология ребенка одинакова везде.

Результаты исследования последствий пандемии COVID-19 в каждой стране показывают ее разнообразное влияние на жизнь и благополучие детей. Но тенденции в оценках и ответах детей практически одинаковые. Действительно, международное исследование в почти 40 странах показало, что на показатели не влияют такие факторы, как континент нахождения страны, исторические и культурологические особенности. Тем интереснее будет продолжение исследования долгосрочных последствий пандемии в разных областях жизни детей, в том числе через оценку субъективного благополучия.

Литература

1. Анонс научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/events/1507> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Брук Ж.Ю., Игнатжева С.В., Фроленкова А.Л. Детский мир. Субъективное благополучие детей Тюменской области: Монография. М.: Знание-М, 2021. 194 с.
3. Видеозапись конференции (12 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: https://drive.google.com/file/d/1MbIL5PFkQl0WGwXC75aAVFukFsn6snD/view?usp=share_link (дата обращения: 20.12.2022).
4. Пост-релиз научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО МГППУ. 2022. URL: <https://mgppu.ru/news/11710> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Rees G., Main G. Children's views on their lives and well-being in 15 countries: A report on the Children's Worlds survey, 2013–14. York: Children's Worlds Project (ISCWeB), 2015. 152 p.
6. Rees G., Savahl S., Lee B.J., Casas F. (eds.). Children's views on their lives and well-being in 35 countries: A report on the Children's Worlds project 2016–19 [Электронный ресурс] // Jerusalem, Israel: Children's Worlds Project (ISCWeB). 2020. 98 p. URL: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Childrens-Worlds-Comparative-Report2020.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Tiliouine H. School Bullying Victimization and Subjective Well-Being in Algeria // Child Indicators Research. 2015. № 8(1). P. 133—150. DOI:10.1007/s12187-014-9286-y
8. Tiliouine H., Boussena M. The Status of the Child in Algeria // International Handbooks of Quality-of-Life. 2016. P. 463—483. DOI:10.1007/978-3-319-24774-8
9. Tiliouine H. Children's Worlds National Report Algeria — 3rd Wave [Электронный ресурс] // Children's Worlds: International Survey of Children's Well-Being. 2020. URL: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/03/Algeria-National-Report-Wave-3.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).
10. Tiliouine H. Children's worlds' national report: Algeria [Электронный ресурс] // Children's Worlds: International Survey of Children's Well-Being. 2015. URL: http://www.iscweb.org/_Uploads/dbsAttachedFiles/Algeria_NationalReport_Final.pdf (дата обращения: 20.12.2022).
11. Tiliouine H. Understanding factors challenging children's well-being in Algeria: A research synthesis // International Handbooks of Quality-of-Life. 2022. P. 329—352. DOI:10.1007/978-3-031-01783-4_21
12. Tiliouine H., Rees G., Mokaddem S. Changes in self-reported well-being: A follow-up study of children aged 12—14 in Algeria // Child development. 2019. № 90(2). P. 359—374. DOI:10.1111/cdev.13132

References

1. Announcement of the scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” [Electronic resource]. *Ofitsial'nyi sait FGBOU VO MGPPU [Official website of the Moscow State Pedagogical University]*, 2022. Available at: <https://mgppu.ru/events/1507> (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).
2. Bruk Zh.Yu., Ignatjeva S.V., Frolenkova A.L. Detskij mir. Sub'ektivnoe blagopoluchie detej Tyumenskoj oblasti: Monografiya [Children's world. Subjective well-being of children in Tyumen region: Monograph.]. Moscow: *Znanie-M*, 2021. 194 p. (In Russ.).
3. Video recording of the conference (December 12, 2022) [Electronic resource]. *Ofitsial'nyi sait FGBOU VO MGPPU [The official page of the Moscow State Pedagogical University]*, 2022. Available at: https://drive.google.com/file/d/1MbIL5PFkQl0WGwXC75aAVFukFsn6snD/view?usp=share_link (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).
4. Post-release of the scientific and practical conference “Prospects for the introduction of the index of child well-being in Russia” [Electronic resource]. *Ofitsial'nyi sait FGBOU VO MGPPU [Official website*

- of the Moscow State Pedagogical University], 2022. Available at: <https://mgppu.ru/news/11710> (Accessed 20.12.2022). (In Russ.).
5. Rees G., Main G. Children's views on their lives and well-being in 15 countries: A report on the Children's Worlds survey, 2013-14. York: Children's Worlds Project (ISCWeB), 2015. 152 p.
 6. Rees G., Savahl S., Lee B.J., Casas F. (eds.). Children's views on their lives and well-being in 35 countries: A report on the Children's Worlds project 2016-19 [Electronic resource]. Jerusalem, Israel: Children's Worlds Project (ISCWeB), 2020. 98 p. Available at: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Childrens-Worlds-Comparative-Report2020.pdf> (Accessed: 20.12.2022).
 7. Tiliouine H. School Bullying Victimisation and Subjective Well-Being in Algeria. *Child Indicators Research*, 2015, no. 1, pp. 133—150. DOI:10.1007/s12187-014-9286-y
 8. Tiliouine H., Boussena M. The Status of the Child in Algeria. *International Handbooks of Quality-of-Life*, 2016, pp. 463—483. DOI:10.1007/978-3-319-24774-8
 9. Tiliouine H. Children's Worlds National Report Algeria — 3rd Wave [Electronic resource]. *Children's Worlds: International Survey of Children's Well-Being*, 2020. Available at: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/03/Algeria-National-Report-Wave-3.pdf> (Accessed: 20.12.2022).
 10. Tiliouine H. Children's worlds' national report: Algeria [Electronic resource]. *Children's Worlds: International Survey of Children's Well-Being*, 2015. Available at: http://www.isciweb.org/_Uploads/dbsAttachedFiles/Algeria_NationalReport_Final.pdf (Accessed 20.12.2022).
 11. Tiliouine H. Understanding factors challenging children's well-being in Algeria: A research synthesis. *International Handbooks of Quality-of-Life*, 2022, pp. 329—352. DOI:10.1007/978-3-031-01783-4_21
 12. Tiliouine H., Rees G., Mokaddeem S. Changes in self-reported well-being: A follow-up study of children aged 12—14 in Algeria. *Child development*, 2019, no. 90(2), pp. 359—374. DOI:10.1111/cdev.13132

Информация об авторах

Брук Жанна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства, исследователь международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детский Мир», Институт психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), г. Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the authors

Zhanna Yu. Bruk, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Researcher of the Children's Worlds (The International Survey of Children's Well-Being (ISCWeB)), Chair of childhood's psychology and pedagogy, Institute of Psychology and Pedagogy Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Aleksandra Yu. Telitsyna, PhD (Biology), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 21.12.2022

Принята в печать 25.12.2022

Received 21.12.2022

Accepted 25.12.2022

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Редакция:

127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29. Офис 209
Тел. (495) 632-99-75; факс (495) 632-92-52

Редакционно-издательский отдел:

123290, Россия, Москва. Шелепихинская набережная., д. 2а
Офис 409. Тел. (499) 244-07-06 доб. 223

Редактор, корректор — Буторина А.А.
Компьютерная верстка — Мазоха М.В.
Секретарь — Колесникова У.В.

Social Sciences and Childhood

Publishing House MSUPE

Editor Office: Sretenka str., 29, Moscow, Russia, 127051, Off. 209
Printing Office: Shelepikhinskaya emb., 2A, Moscow, Russia, 123290 Off. 409

Editor and proofreader — Butorina A.
DTP — Mazokha M.
Executive secretary — Kolesnikova U.